

Пётр Козин

Записки грибника и рыболова

Пётр Козин

**ЗАПИСКИ
ГРИБНИКА
И РЫБОЛОВА**

Орёл

Издатель Светлана Зенина

2012

ББК 84(2р)6
К80

*Фотоиллюстрации —
А. М. Борисова, Д. Ю. Зенина*

Козин П. Д.
К80 Записки грибника и рыболова / П. Д. Козин. — Орёл :
С. В. Зенина, 2012. — 292 с. : ил.

В отличие от «Записок об ужении рыбы» С. Т. Аксакова Пётр Козин не даёт никаких практических инструкций.

В идейном плане его «Записки грибника и рыболова» соответствуют направлению «Записок охотника» И. С. Тургенева, ибо в их очерках даётся не только описание природы, но в первую очередь раскрывается социальный аспект жизни в современной России.

ББК 84(2р)6

© П. Д. Козин, 2012
© Издатель Зенина С. В., 2012

НЕ БУДЬ У ЖИЗНИ НА КРАЮ

Нынче Октябрьские праздники изменили своё лицо: из широких, раздольных, торжественных шествий и гуляний превратились в скорбные до отчаяния немногочисленные митинги, на которых утомленный и оскорбленный народ выплескивает наружу гневное недовольство жизнью. Сюда приходят люди с горячими и беспокойными сердцами; здесь вздохи, как стоны; здесь в каждом взгляде читается вопрос: чем мы провинились? За что страдаем?

Сегодня на митинге у памятника Лескову я встретил известного орловского поэта, прозаика и журналиста Петра Дмитриевича Козина. Он открыл неизменный давнишний портфель и вынул только что полученную из типографии свою поэму «Максим Горький». Небольшая книжка с обложкой цвета алых гвоздик как будто просилась в шеренгу красных знамен и полотнищ. Горячие, призывные горьковские слова – лозунги в унисон звучали с трибуны митинга и со страниц козинской поэмы:

«Буря! Скоро грянет буря!».

Было видно, что седоватый и уставший автор в окружении участников митинга будто помолодел душой. Радовался и улыбался, как радуется добрый человек, возвратившийся после долгой разлуки в родное семейство. Свой среди своих. Он никогда не стоял у жизни на краю; лез в самую гущу, иногда в самое пекло. Поэтому из-под его пера выходили произведения близкие и понятные простым людям; многие узнавали себя или своих знакомых в описываемых жизненных ситуациях.

В. С. Афонин

Тут же на митинге Петр Дмитриевич достал из портфеля рукопись новой книги «Записки грибника и рыболова». Тема самая большая и важная: земля и люди. Опять, как говорится, лыко в строку; книга на злобу дня.

Первыми государственными актами Советской власти были декреты о мире и земле. За многие века крестьяне получили землю в бесплатное пользование; все недра, леса, реки и озера объявлялись общенародным достоянием и брались под охрану государства.

Ожила, вздохнула новой жизнью земля, а вместе с ней и русский мужик. Обихаживали её, от нашествия врагов защищали, и головы на поле боя за неё сложили...

Но вот нерусские варвары налетели, как воронье, снова захватили богатства необъятной России. Опять русский мужик оказался в батраках у нового барина. Неужто рок над нами так тяжок и безысходен? Бродя с лукошком или удочкой по лесам и берегам рек и прудов, Петр Козин постоянно думает об этом, всматривается в судьбы людей и свои наблюдения и размышления переносит на бумагу. Так рождаются его простые, на первый взгляд, но глубокие и проникновенные по смыслу новеллы и рассказы. Находясь на краю жизни, их не создашь. Они – сама жизнь!

Вот, например, «Подкидыши». Друзья – грибники остановились передохнуть на опушке леса. К ним подошла симпатичная женщина средних лет, спросила:

— Вам не нужны щенята?

— Как? – опешил мой приятель, — где они?

— Да вон, возле нашей машины. Еще маленькие, но красивые и ухоженные. Видимо, хозяйева их недавно привезли и ... бросили на произвол судьбы. Жаль – погибнут же!

И далее начинается трогательный и поучительный рассказ о печальной истории выброшенных хозяином щенятах. Читатель невольно ловит себя на мысли: «А ведь это автор не просто о щенках пишет, он переживает о нас грешных. Ведь сколько простого люда на Руси выброшено за борт нормальной жизни, как эти беспризорные щенята?!

Когда-то немой Герасим в угоду капризной барыне утопил любимую собачку Муму. Нынешние господа пытаются утопить самого немого трудягу Герасима...

По лесам и балкам, по заросшим проселочным дорогам; пешком и в электричках мы вслед за автором движемся по страницам его увлекательной книги и новым взглядом познаем знакомые картины. Вот автобус привозит нас к истоку Оки, и многие орловцы впервые узнают, что эта русская красавица берёт начало в Глазуновском районе нашей области. А как хороши и заманчивы путешествия по Волге и Дону, на озеро Селигер, по тургеневским местам.

И все-таки автор не склонен ублажать, и нежить душу читателя. Его волнует состояние окружающей нас природы, варварского отношения к ней человека, например, в рассказе «Причуды Юрьевского пруда» повествуется об уничтожении электрическими удочками всего живого, в первую очередь, молоди рыб.

«Будучи в Тельчье Мценского района, — пишет он в новелле «Трава по пояс», — я был просто обескуражен, когда, придя за грибами, увидел горелый лес. Пожар уничтожает грибницы и нужно два-три года, чтобы они вновь обрели силу.

Близ Хотынца, на 53 км, чтобы открыть дорогу к заросшему кладбищу, местные старожилы выжгли лес. Здесь же огонь погубил, некогда богатую маслятами и рыжиками, сосново-еловую поросль. Огни – пожарища загубили грибные леса в Чернском районе Тульской области; под Болховом и Железногорском; в Орловском и Брянском полесьях».

А что творилось летом 2010 в Центральной России и в Поволжье? Сгорели не только леса, а целые деревни, гибли невинные люди. Всё это плоды бесхозяйственности, жажды наживы, уклонения государства от обязанностей охраны природных богатств.

Простой русский народ судачит меж собой о грешной жизни, клянет судьбу проклятую, надеется на милость Всевышнего.

Разве тебе, читатель, не приходилось слышать разговоры наподобие тех, что описывает Петр Козин в одном из рассказов.

«На перроне платформы, в ожидании электропоезда, стояли трое: две старушки и пожилой мужчина. Шустрая и энергичная бабуся, показывая рукой в сторону деревенского кладбища, проронила:

— Вон, где наше место. Скорее бы... Молодым, отвыкшим от труда, не завидую. Китайцы, азиаты и кавказцы всякие всю страну заполонили, а русские бездельничают, да пьянствуют... Что их ждёт завтра? Одно дело – рабство. Девки уже сейчас продаются, не стесняясь подолами трясут – стыдоба какая! Вот до чего без Советской власти дожили.

Ей вторила вторая, что сухая и сторбленная сидела на рюкзаке:

— Вымирает Россия – матушка. Ой, вся вымрет!

— На кладбище русским и место, раз ума нет, — с горечью отозвался седой мужчина».

В своих «Записках» Петр Козин не удивляет читателя писательскими изысками: красивыми фразами, образами, оборотами речи. Он за многие годы исходил нашу грешную землю вдоль и поперёк, многое видел и слышал, и рассказывает об этом простым русским языком. Его более всего интересует и волнует социальная сторона взаимоотношений человека с природой.

Залпом прочитал я беспокойные и поучительные записки – раздумья Петра Дмитриевича, задумался и с белой завистью написал автору на последней странице: «Как важно не быть у жизни на краю!».

*Владимир АФОНИН,
писатель.
г. Орёл*

МИР ПРИРОДЫ

*Русский лес. И озера и реки.
Мы средой обитанья зовем.
Мир природы нас кормит от века...
Но всегда ль мы в ладу
С ним живем?*

Русский лес — страна чудес! Древние русичи чувствовали себя в лесу, как рыба в воде. Лес для них был — всем. Это: жилища — бревенчатые избы и бани, одежда и обувь — из хвой и липы, шкур зверей и животных. Пища — мясо зверя и птицы (охота), рыба (рыболовство). Здесь, в лесу, они добывали себе — мед (бортничество), плоды и ягоды, съедобные и лекарственные корни и травы (собирательство).

Лес — это естественная защита от непогоды и непрошенных гостей (врагов). Лес принадлежал всем и никому в частности. Первой ограниченной лесной площадью, на которой действовали законы (оборонные, не согласованные с природой леса) была засечная черта Московского государства (XV-XVII вв.).

Лес — добрый приют. Издревле жили в нем люди тихие и скромные, работающие и некрикливые. Зато соберется в ком-то вся сила земная — и вот вам богатырь, и Микула, и сам Илья Муромец, что родом из Муромских лесов. А вот и «величаява славянка», что коня на скаку остановит. Лес принимал всех — прокаженных и беглых, вероотступников и просто отшельников. «Лес дремучий, укрой меня, беглого», — поется в одной из старых песен.

Подлинной поэмой явился изданный в 1954 году роман Леонида Леонова «Русский лес». Через все произведение, как говорится о том в учебниках литературы, проходит образ русского леса как символ России, русского народа, непреходящей жизни.

Образы русского леса, живой и мертвой воды, родничка трепетно освещены глубокой народной мудростью. Да и сам главный герой романа ученый — лесовод Иван Вихров имеет сходные черты с героями русского эпоса. Живописная пластичность речи органично сочетается с лирической взволнованностью и философскими обобщениями, что и придает всему повествованию своеобразную музыкальность. «Громадный плоский валун, не иначе, как стол Калины, лежал на дне овражка, под навесом древних лип. И, подобно кровинкам от накануне растерзанной жертвы, отблески дальней рощицы пламенели в его щербатой поверхности, подернутой лишаем. Потом голос падающей воды позвал мальчиков вниз. Они спустились и стояли со склоненными головами, как и подобает паломникам у великой святыни.

— Вот оно! — торжественно и непонятно шепнул Иван.

Это был всего лишь родничок. Из-под камня в пространстве, не больше детской ладони, роилась ключевая вода».

Лес и вода неразрывно взаимосвязаны, как источники живой природы. «Шумел сурово Брянский лес» — так названа песня о партизанах Великой Отечественной войны. Да и в период всяких войн на Руси лес являлся надежным другом для его хозяев и страшным бедствием для врагов. Не случайно поляки и французы, шведы и немцы находили в русских лесах и болотах свою погилью.

Мы с детства усвоили, как широка наша страна — Россия, как много в ней — лесов, полей и рек... Действительно, лес покрывает огромные пространства. Например, из трех миллионов квадратных километров площади Дальнего Востока — один миллион (33%) приходится на хвойные и смешанные леса. Вот и рубят его, не жалея ныне, не только соотечественники, но и все кому не лень: японцы и китайцы, корейцы и монголы. Насколько это пагубно, может служить дурным примером старая Англия — здесь, вообще, леса выведены, а древесину англичане завозят из заокеанской Канады — второй, после России, страны богатой лесами.

Орловщине, в отличие от Дальнего Востока, явно не повезло. Здесь из общей площади 24, 7 квадратных километров лишь 9 процентов приходятся на леса. Потому особую ценность пред-

ставляют 193 тысячи гектаров лесных насаждений. К ним можно добавить 63 тысячи гектаров кустарниковой растительности и 47 тысяч гектаров лесных полос, что имеют, прежде всего, полезное значение. Но и это само по себе немало. Особенно если вспомнить несостоявшееся предсказание И. С. Тургенева о том, что «В Орловской губернии последние леса исчезнут лет через пять».

К счастью, не исчезли они и в Болховском районе. Каждый год, бывая на малой Родине, я дивлюсь тому, как послевоенные вырубки и кустарники превратились сегодня поистине в могучие леса и рощи.

Орловская область располагает значительным количеством памятников природы, значение и ценность которых определяется характером ландшафтных, исторических и иных особенностей ее территории. В их числе можно назвать: Шаблыкинский парк, Шестаковский парк в Мценском районе, Кантемировский парк в городе Дмитровске, Голицынский парк в Новосильском районе, Шагиловский лес в Новодеревеньковском районе, усадьба знаменитого ученого В. Н. Хитрово в Знаменском районе и целый ряд других ценных природных объектов.

Особое значение среди этой категории памятников природы занимает государственный заповедник — усадьба И. С. Тургенева «Спасское — Лутовиново». Ведется интенсивная работа по обустройству национального парка «Орловское полесье», расположенного на территории Хотынецкого и Знаменского районов. Интересно, что здесь восстановлен реликтовый вид мировой фауны — выхухоль, возраст которого исчисляется 30 миллионами лет. В юго-западной части парка расположено село Девять Дубов, где, по преданиям, обитал Соловей — разбойник. Эти события нашли свое отражение в русском фольклоре — былине об Илье Муромце и Соловье — разбойнике.

Что касается ихтиофауны, то она представлена в области 31 видом рыб, 27 из которых представляют интерес для спортивного и любительского рыболовства. Наиболее распространены среди них: лещ, карп, судак, щука, плотва. Они обитают в различных водоемах, в состав которых, в частности, входят 180 рек и ручьев,

относящихся к бассейнам Волги, Днепра, и Дона, пять водохранилищ и более 70 рыбоводных прудов. Приятно отметить, что в 2005 году в Болховском районе у деревни Зубари возведено Рожковское водохранилище, ставшее радостью для местных рыболовов и любимым местом отдыха моих земляков. Жаль лишь, что отчая речушка Лабосынь ныне все еще не обустроена прудами и не зарыблена. Но всему есть у жизни сроки.

Лес — бесценное богатство. Это хорошо понял уже в 1703 году Петр Великий — первый лесовод России. Он ввел жесткое государственное регулирование лесными пользованиями по берегам рек (шириной 50 верст — вдоль больших и 20 — вдоль малых). Царь запретил рубку наиболее ценных корабельных (стране был нужен флот) пород деревьев, установил зоны заповедных лесов. Для защиты от бессистемных рубок Петр создал лесную стражу.

С 1826 года начинается ведение лесного хозяйства — образуются лесничества. Лесоустройством активно занимался царь Николай Первый, а при Александре Втором, в 1862 в Лисино была возведена церковь в честь «Происхождения (вознесения) Честных Древ Животворящего креста Господня».

При Советской власти, в 1918 году принимается «Основной закон о лесе», а в 1923 — действовавший 55 лет Лесной кодекс РСФСР.

В начале 1990-х лесная промышленность большей частью приватизируется. Согласно принятому в 2006 году, на VI съезде лесоводов России новому Лесному кодексу, лес, в основном, остается собственностью государства. Но, так ли это на самом деле?

Журналист газеты «Мир новостей» в № 15 от 1 апреля 2008 года Андрей Князев публикует статью «Кому продают подмосковные леса?». Ее подзаголовок гласит: «На минувшей неделе информация о продаже по очень скромным, если не сказать больше, ценам 991 гектара подмосковного леса буквально взбудоражила общественность». Далее, по тексту: «Даже премьер-министр Виктор Зубков на заседании правительства уделил этому вопросу много внимания. Метал громы и молнии в организаторов аукциона, требуя провести проверку законности продаж.

Вначале одна из газет напечатала информацию о продаже прав на 49 лет аренды лесных участков 44 фирмам и 17 физическим лицам. Причем, по смехотворным ценам — 768 рублей за одну сотку. Аукцион проводился дважды Московским лесхозом — в конце декабря минувшего года и 14 марта нынешнего. Но далеко не все желающие смогли принять в нем участие. Таковую цену — за право аренды двух гектаров леса в ближнем Подмоскovie меньше 155 тысяч рублей — мог заплатить не только руководитель Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин, но и многие рядовые граждане. Но не судьба — они об аукционе даже не знали. Среди тех, кто получил лесные участки в долгосрочную аренду по бросовым ценам — актриса Юлия Рутберг, общественная деятельница Ольга Смородская и даже структура, принадлежащая Роману Абрамовичу — ООО «Эко вест». Эта структура и заплатила наиболее высокую цену — 24 миллиона 390 тысяч рублей, но, правда, за огромный участок земли — почти 400 гектаров.

Ольга Смородская получила всего 66 соток за 44 тысячи 700 рублей, а Юлия Рутберг приобрела 20 соток земли в Ступинском районе менее чем за девять тысяч (примерно 447 рублей за сотку). Правда, когда разгорелся скандал, организаторы аукциона заявили, что это цена только одного года аренды, а не 49 лет. При этом и Шохин, и некоторые руководители участвовавших в конкурсе организаций заявили, что такая низкая цена связана исключительно с тем, что они просто хотят сохранить лес от вырубки.

Начиная с 31 марта 2008 года, аукционы будет устраивать уже другая организация — государственное учреждение «Фонд информации по лесным ресурсам». Именно она станет публиковать изменения, принимать заявки, проводить торги. Сотрудники нашей редакции готовы принять участие в аукционе и рассказать читателям, насколько успешно мы это сможем сделать... Андрей Князев».

Итак, как мы убедились, некогда общественные и государственные леса отныне продаются частным собственникам — массово и бесконтрольно истребляются. Пруды и водоемы, значительные участки берегов озер и рек, в основном, так же явление

частное. Отсюда следует, что не за горами время, когда сотни тысяч грибников и рыболовов — любителей будут лишены возможности пользоваться дарами природы. И русским людям уже не придет в голову петь о России: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». На его волю наброшено ярмо. И с каждым годом эта удавка на шее народа завязывается — крепче и туже.

Как литератор, я остаюсь приверженцем общественного землепользования, а потому, пока еще есть возможность, продолжаю воспевать родную природу и ее истинного хозяина — свободного человека. Доказательством тому и являются мои скромные «Записки грибника и рыболова».

Медаль от Лесного общества

ОХОТНИЧЬЯ СТРАСТЬ

*Охота – это, как работа,
В ее основе –
Поиск, страсть...
Душа готова для полета.
Вот только знать бы –
Где упасть?*

О том, что в каждом живом организме, на уровне врожденного инстинкта живет страсть охоты, в первую очередь, конечно, как способ самого его существования, мы знаем с раннего детства. С интересом наблюдаем, как сытая кошка играет с пойманным мышонком или как собака крадется за птицами, которых невозможно поймать.

В детской радиопередаче клуба Почемучек приводится диалог между известным бароном Мюнхгаузенем и доктором Айболитом. Барон заявляет доктору:

— Вы, конечно, помните, как я однажды одним выстрелом нанизал на шомпол семь куропаток...

— Позволю себе прервать ваш рассказ, Мюнхгаузен. Неужели вы съедаете за ужином сразу семь птиц?

— Нет, Айболит, но это так ловко и остроумно.

— Ничего нет остроумного в бесцельном уничтожении животных. Это говорю вам я, добрый доктор Айболит.

Доктор, безусловно, прав. Но он, по нашему мнению, не учел такое понятие, как страсть к охоте, доставшееся людям от их пращуров.

Уже не так давно, лет двести назад, в Северной Америке в период ее заселения переселенцами из Европы было видимо-невидимо стад диких бизонов. Они являлись основным продуктом питания коренного населения – краснокожих индейцев. И что же? Вначале бизоны уничтожались ради достижения целей войны, дабы лишить индейцев продуктов питания, а после победы над ними, просто во имя охоты. Тысячи трупов животных разлага-

лись по всей необъятной стране. Глупо? Да, это так. Но страсть охоты брала верх.

А вот пример из мира животных. Один из любопытных туристов, оказавшийся на далекой Камчатке в период массового хода лососевых рыб – кеты и горбуши из моря в верховья рек, увидел такую картину. Огромный бурый медведь стоял в воде у небольшого водопада и охотился за идущим плотной массой на нерест косяком рыб. Он хватал крупных особей когтистой лапой и быстро вышвыривал их на берег. Рыбы плюхались на камни и тут же соскальзывали с высокого берега обратно в воду. Но, медведь, увлеченный охотой, не замечал этого, а все продолжал свое действие. Когда же, наконец, устал, то вышел на берег, отыскал несколько уцелевших рыб – съел их. Тех же, что не успел доест, оставил впрок, и был таков.

— Жить надо страстями! – призывал герой одной из пьес. Однако, не все люди одинаковы. И у каждого из них – своя страсть. Например, мне не нравилась, как выражаются, горячая охота. Та, что с выстрелами и кровью. Еще в детстве мне довелось видеть охотников за зайцами. До сего дня в ушах стоит пронзительный крик раненого зайца, так похожий на плач ребенка. Моя добрая детская душа испытывала естественную жалость к жертве. Другое дело – тихая охота за грибами или ловля рыбы. Конечно, и грибы и рыбы так же живые существа, но они молчат, не просят о помощи, а потому не ранят душу.

Сбор грибов для деревенских мальчишек – обычное занятие, как и ловля пескарей в близлежащей речке Машок. У нас не было сетей или кубарей, ни саков или вентерей, чтобы ловить крупную рыбу. Да и опыта то же. В наличие лишь удочки: длинная, гибкая ореховая палка с привязанной на конце крепкой суровой ниткой. Крючком же служила обыкновенная, загнута на огне игла. А, чтобы пескари, которых после войны в реках было видимо – невидимо, да так, что они щекотали в воде ноги, не соскакивали из-за отсутствия зазубрины, мы после удачной поклевки вращали удочки над головой. Для того, чтобы пескарь не успевал соскочить с зацепа. Пойманную рыбу нанизывали на ивовые прутья с суком вниз. Улов — до сотни серебристых рыбок. Мама тут

же их чистила и жарила с молоком. От того они были мягкими и сладкими.

Для грибов так же, кроме ножа и корзины ничего более не требовалось. Желтоглазых лисичек по берегам логов: Кленок, Частый, Камень и Лусошек было много, но вкус их до сего дня меня не удовлетворял. И это несмотря на то, что мудрые немцы безумно любят ими лакомиться, считая их лечебными. Свинушек, подосиновиков и подберезовиков не счесть. А вот, из-за отсутствия больших берез или дубов в наших перелесках днем с огнем не отыщешь – ни боровиков, ни белых, тем более опят. Что же касается грибов: поплавок, валуев, сморчков, груздей..., то мы их, вообще, не брали. Так как считали низкосортными.

Теперь, когда леса выросли, березы, дубы, клены и осины стали в два – три обхвата, появились белые и опята. Причем в значительном количестве. Часто бывая на малой Родине, я набираю их по корзине и более.

Как ко мне пришла страсть к рыбалке, занятие каковою в трудовой крестьянской деревне не одобрялось? Ведь увлечение рыбной ловлей требовало массу времени, а досуга у крестьянских мальчишек было в обрез. Тем более, летом, когда одолевали огородные и колхозные заботы. К тому же водить в ночное табун коней и пасти коров с овцами – задача не из легких.

Как всему лучшему во мне я обязан книгам, так и страсть к рыбалке, а точнее — любовь к природе во мне воспитали умные писатели. Один Сергей Тимофеевич Аксаков чего стоит. Еще в раннем детстве я взял у своего первого учителя, заведующего Сивковской начальной школой Дмитрия Лукича Яшина, его книжку с интересным названием «Детские годы Багрова – внука». В фамилии «Багров» мне чудилось не имя существительное, а прилагательное типа «багровая заря» или «багровые тучи». Прочел десяток страниц из жизни семьи богатого помещика и отложил книжку в сторону – классовая ненависть к барам взяла верх. Минуло много лет, прежде чем я вновь взялся за чтение этой повести. И встрепенулось былое.

«Сергеевка, — пишет Аксаков, — одно из самых светлых мест моего детства. С ее озером, рекою Белой и лесами. Мы въехали в

урему, в зеленую, цветущую и душистую урему. Веселое пение птичек неслось со всех сторон. Но все голоса покрывались свистами, раскатами и щелканьем соловьев. Около деревьев в цвету вились и жужжали целые рои пчел, ос и шмелей. Боже мой, как было весело!

Озеро было полно всякой рыбы. И очень крупной. В половодье она заходила из реки Белой, а когда вода начинала убывать, то мещеряки перегораживали плетнем узкий и неглубокий проток. Им соединялось озеро с рекой, и вся рыба оставалась до будущей весны в озере. Огромные щуки и жерехи то и дело выскакивали из воды, гонялись за мелкою рыбою, которая металась и плавилась беспрестанно. Местами около берегов и трав рябила вода от рыбьих стай, которые теснились на мель и даже выскакивали на береговую траву. Мне сказали, что это рыба мечет икру. Всего более в озере водилось окуней и лещей.

Мы размотали удочки и принялись удить. Отец взял самую большую из них, с крепкою лесюю, насадил какого-то толстого червя и закинул как можно дальше. Ему хотелось поймать крупную рыбу. Мы же с Евсеичем удили на средние удочки и на маленьких навозных червячков. Клев начался ту же минуту. Беспрестанно брали средние окуни и подлещики, которых я еще не видывал. Я пришел в такое волнение, в такой азарт, как говорил Евсеич, что у меня дрожали руки и ноги, и я сам не помнил, что делал.

Вот такой подобный азарт я испытал уже в сорок лет. Волею судьбы мне с женою и дочерью выпало жить в Рабочем городке Орла. Соседями оказались страстные рыболовы: инженер Вячеслав Горбачев, пенсионер – инвалид Виктор и слесарь Женя. Они то и понудили меня купить мотоцикл марки «Минск». На их трехколесном «Днепре» мне из-за обилия удочек и прикормки не хватало места.

Вместе мы совершали поездки едва ли не по всем известным прудам области. Целью нашей добычи в основном были карпы. И удили мы их не просто на поплавочные удочки, а на «бомбы» — овалы теста с крючками, привязанные к удилищам коротких размеров – закидушкам. Попадались особи от килограмма до пяти и более. Только в Бунинском пруду я выловил до тридцати карпов,

средний размер которых достигал трех килограммов веса. Было от чего дрожать ногам и рукам. Пока выудишь такого красавца – потом изойдешь. Мы их жарили, солили и вялили на чердаке. Дабы не завелись черви – укрывали марлей от мух.

Ездили всегда на ночь. Известно, что самое благодатное время клева – это вечерняя и утренняя зорьки. Днем, в жару, карпы уходят отдыхать в кусты или прячутся в прохладной глубине пруда.

О каждой проведенной у костра, на берегу озера или пруда, ночи можно написать добрый очерк. Так все это было прекрасно. Нередко, в период полнолуния, рыба брала и в сумерках. Треск катушек вселял в нас бодрость. А радость от удачи вселяла веру в успех.

Но прошли славные 80-е. В сумрачные же 90-е годы наша любовь к ужению растаяла в тумане льдинкою, а нам оставила печаль и грусть. Большинство водоемов было нагло приватизировано местными и заезжими дельцами. А в бесхозных прудах рыба выбивалась электроудочками. Новоявленные демократы оказались подлинными губителями всех природных богатств, накопленных трудом крестьянства за годы власти Советов. Жажды охоты у народа не убавилась, но она уже была иная – страсть сильных хищников, поедающих слабую жертву.

Начиная с 2001, когда я вышел на пенсию, любовь к ужению рыбы я старался привить, не Багрову, а уже своему внуку Максиму. На ранних электричках мы побывали с ним на прудах Малоархангельска и Глазуновки, Змиевки и Кром. Особенно удачными для подростка были визиты на так называемый Барский пруд, что близ станции Поныри Курской области. Караси – золотистые и красные клевали там беспрестанно, но были на редкость мелкими. Невольно вспоминались перефразированные мною строчки поэта Дмитрия Блинского:

*Мне бы (карасей) хотя б немножко,
Мне большая рыба не нужна.*

Большая рыба доставалась нуворишам новой жизни. Крупную рыбу Максимке довелось выловить лишь в июле 2002, когда

мы с ним ездили на озеро Селигер Тверской губернии. Об этом читатель прочтет в этой книге в материале «Селигерские зори».

Не стало рыбы, но в дождливое лето можно было испытать страсть «тихой охоты». Грибов порою я собирал так много, что моя жена нашла выгодным превращать их в товар.

— Ты задумал книги издавать, — говорила она, — вот и зарабатывай, чем можешь. Грибы собирай, а я продавать буду.

Выходит, дорогой читатель, что мои «Записки грибника и рыболова» имеют под собою не только желание испытать «радость творчества», а в не меньшей степени обязаны страсти к «тихой охоте».

Грибные угодья

О ДОБРОТЕ И МИНАХ

(Из «Записок грибника»)

*Другу Сергею Ивановичу
Шмелеву*

1

Охота, как известно, предполагает жертвы. Ими становятся: промысловые звери, пернатая дичь, рыба. Или, как в данном случае, при «тихой охоте», коей я в последнее время активно занимаюсь — грибы. Однако жертвами извечной первобытной страсти становятся, порою, и сами охотники.

Совсем недавно, в один из погожих дней «бабьего лета», сижу я, в ожидании поезда, у своей пахучей корзины на цементном возвышении станции «Гостомля». Рядом со мною расположились двое солидных пожилых мужчин. По манере держаться, по безукоризненной экипировке, по внешней сановитости эти грибники представляли собою некогда высший класс орловского общества. Они со знанием дела судили о политике губернатора и мэра. Подмечали тончайшие детали. До щепетильности входили в их психологический мир. Поощряли и осуждали, но при этом оставались в меру тактичными и доброжелательными. Вне всякого сомнения, это были воспитанные и культурные люди. Пока эти настоящие джентльмены говорили о высоких материях, их слова я пропускал мимо ушей, уж так надоело словоблудие, льющееся на нас потоком из эфира и каналов телевидения. А тут еще они со своею философией.

Но, вот один из дородных собеседников принялся излагать о неприятной истории, случившейся с их приятелем Николаем Сергеевичем. Поехал он за грибами по Брянской трассе. Сошел на 53 километре. Во время сбора грибов встретился в лесу с мертвым человеком. Следов насилия не было, а потому он решил, что это просто несчастный случай: старик, а таковым выглядел мертвец, наверняка умер от сердечной недостаточности. Перегрузился — рядом стояла огромная корзина, до верху набитая всевозможными дарами леса. Присел передохнуть, а сердечко то и откажи.

По возвращении в Орел, он тут же позвонил в милицию о происшедшем. Проявил, так сказать, доброту. Дабы родственники и милиция зазря не сбивались с ног в поисках бесследно «пропавшего». Вот тут то и началось! Звонки. Вызовы. Допросы. Подозрения. Все, вплоть до угроз.

— Приятель пожалел, что сам эту кашу заварил, — тяжело вздохнул рассказчик.

— Надо было не представляться, а сделать звонок и тут же повесить трубку, — высказал свое кредо другой собеседник, что был помоложе и посамувереннее, — а он и свой адрес сообщил, и в объяснения пустился. Вот и нажил себе беду.

— Да, да. Так и следовало бы поступить. Но, не зря говорят, что простота — хуже воровства.

Это уж точно. Сколько раз я сам обжигался на этом?! Бывал не раз бит, а все не унимаюсь. Вот и теперь берусь поведать читателям свою историю о необычной встрече в лесу — с минами — печальном следе минувшей войны. Она еще только началась, а принесла уже не мало забот и хлопот. В том числе и материальных потерь. Знаю наперед, что лишусь покоя, а коммунистическая бацилла, выраженная в формуле: «Раньше думай о Родине, а потом о себе» глушит доводы разума.

2

В середине августа на поезде: «Орел — Михайловский рудник» я отправился за грибами. Стремясь выполнить заказ — набрать черных груздей, я забрался в труднопроходимую чащу одного из Гостомльских верхов. Здесь, в тени и в сырости, они изредка и попадались. Но тщетно. Их было так мало, что я потерял всякую надежду исполнить просьбу Людмилы Герасимовны — жены моего приятеля. Дабы зазря не тратить время, я попытался выбраться из дебрей на свет, к солнцу. И тут неожиданно перед моим взором предстала могучая раскидистая береза. На одном из ее стволов я увидел, о, ужас, целую гирлянду поржавевших от сырости и времени боевых мин. Они крепко впились в кору дерева и никакие ветры им были не помеха. Мины оказались без взрывателей, но они были начинены толлом. Окажись на моем месте предприимчивые

дельцы, то они, несомненно, воспользовались бы возможностью добыть его. К тому же в наше время, при общем разгильдяйстве военных, не составит труда добыть и недостающие взрыватели. Случись такое — и не миновать беды. Все эти мысли я попытался облечь в стихи:

*В лесу под Гостомлем,
От черного комля,
Береза навскидку растет.
На ней, белоствольной,
Мин рыжих обойма,
Готовится к старту .
На взлет!*

*Такая картина
Волнует, как диво,
Пока не берется в расчет,
Что в жизни, хоть мирной,
Не то, чтобы мины,
Обычная палка стреляет.
Раз в год!*

Рефлекс защиты от неминуемой беды подвигнул меня к действию. Первым желанием было сообщить об опасной находке в милицию и военкомат. Но мне могли не поверить. Необходим был фотодокумент. Через своего друга Сергея Ивановича Шмелева я обратился в редакцию одной из орловских газет с просьбой направить со мною фотокорреспондента, чтобы сделать нужный снимок. Ответ обескуражил: в редакции не оказалось денег, чтобы заправить автомобиль бензином. К тому же у коллег — журналистов своих забот «за воротник». Мне предложили фотоаппарат, которым я не мог пользоваться. Выручили друзья моего приятеля Сергея Шмелева: бизнесмен Абзагир Акаевич Ярахмедов и директор общества с ограниченной ответственностью НПО «НАНОТЕХ» Александр Дмитриевич Недоруба с женою, инженером — экономистом обладминистрации Ириной Викторовной Пильковой. Как говорят: мир не без добрых людей.

26 августа просторная белая «Волга» Ярахмедова, для которой у него нашлись и деньги для ее заправки, и время на дальнюю стокилометровую поездку, вместила в своем салоне поистине интернациональный экипаж из пяти человек. Хозяин автомобиля Абзагир — лакиец, как и почитаемый им поэт Расул Гамзатов — верный сын Дагестана, Александр Недоруба выпестован «нянькою Украиной», Сергей Шмелев, Ирина и я, коренные орловцы, — русские. Роль фотокорреспондента взял на себя Недоруба, что заранее приобрел на свои средства нужную фотопленку для своего «кодака».

Так как прямой шоссейной дороги, непосредственно ведущей к цели, не существует, то путь наш лежал вкруговую, через станцию Курбакинская, что уже на территории Курской области. Путем проб и ошибок, преодолев добрый десяток верст, по бездорожью, мы, наконец, достигли знакомого мне Гостомльского верха.

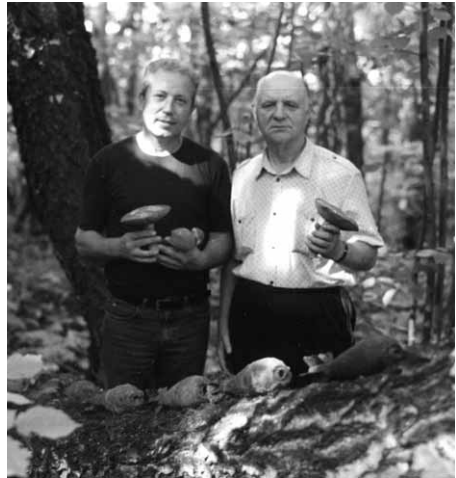
Лес встретил нас труднопроходимой порослью молодняка. Спутники мои, оберегая лица от злых колючек

акации и шиповника, оказались, как некогда я, в самой его глуши.

Наше впечатление от всего увиденного я попытался передать в таких строках:

*Шумят, встревожено, дубы
К ним жмутся робкие осины.
В траву попрятались грибы:
Им страшно — на березе... мины*

Нам же было не только не страшно, но даже весело. Еще бы! Лес благосклонно подарил нам пару белых грибов и не менее де-

сятка подберезовиков. Все это можно увидеть на произведенных Александром Дмитриевичем фотоснимках.

Визит в Гостомльский лес, вся подготовка этого материала обошлась нам недешево. Друзей моих подобные расходы не обескуражили. Мне подумалось тогда, что, не смотря, ни на какие политические и идеологические веяния, истинная доброта, как это было и будет всегда, правит миром. Невольно пришли на память сердечные стихи великого горца Расула Гамзатова:

*Люди! Я прошу Вас, ради Бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей!*

*Орел-Гостомля
Сентябрь 2006 г.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В конце сентября 2006 года эту зарисовку я передал в газету «Город Орел». К моему огорчению ее не напечатали, видимо, не захотели себя компрометировать, ибо именно редакция этого органа не смогла организовать поездку к опасной находке, о чем я упоминал выше.

4 октября того же года, в № 40, газета «Орловский меридиан» напечатала информацию С. Шмелева «Боезапас на березе». В ней рассказывалось о том, как я обнаружил, на белоствольной красавице, пять минометных снарядов 82-го калибра, каждый из которых весом — 3,2 килограмма.

И не только мы со Шмелевым, но и сам редактор Геннадий Годлевский были сконфужены тем обстоятельством, что ни органы областной власти, ни МЧС, ни Кромской райвоенкомат — никто не прореагировал на данную публикацию. Мины же до сего дня остались в лесу, и по-прежнему, предоставляют угрозу для его посетителей.

Русское «авось» — в действии.

Орел, июнь 2007 г.

ГРИБНОЙ ДУХ

*Висят грибы над русской печкой,
На нитке друг за дружкой, в ряд
Горят, мерцают, будто свечи
И источают аромат.*

И в нашей избе, и в соседних домах, куда не зайти — всюду увидишь нанизанные на нитках, будто звезды на Млечном Пути, подсыхающие над загнетками разнообразные грибы. Да-да! Самые разные. В пору моего детства сельчане, за редким исключением, с ними не церемонились. Не вели видовой отбор, а сушили или солили в кадушках вместе. В духмяном рассоле утопали: подберезовики и осинники, лисички и маслята, рыжики и свинушки. Вот только белые грузди готовились отдельно. Это потому, что для них необходим гнет. И должны они лежать под давлением не менее 40 дней. И едят их чаще всего в зимнюю пору. Белые, твердые, сочные, приправленные чесноком и маслом, они хрустят на зубах, как спелые яблоки. И не только в Сибири, но и в нашей срединной полосе их считают лучшей закуской. И подают чаще всего к столу — светлым праздником. Деликатес, да и только!

Грибники Пётр Козин и Валерий Часовитин на лесной даче у Емельяновых, пос. Крещенский Болховского района.

Сладко пахнет грибами в дому или близ кадушки в погребе, но куда более приятен их сыровато — терпкий запах в лесу. Мама моя, вечная труженица. Колхозные и домашние заботы не позволяли ей тратить время на дальние походы. А потому она приносила грибы из ближних рощ и перелесков, собранные походя во время полевых работ, в короткие минуты отдыха. За неимением под рукою корзины, она накладывала дары лета в фартук, а то и в подол юбки. От того и сама была завсегда пропахшая грибами. От свинушек, а в особенности от маслят, быстро чернели руки. Грибной сок так крепко въедался в поры, что отмыть руки даже с мылом было не просто.

Бывая на Альянском мосту, что висел над речушкой Лабосынь, мы наблюдали за священнодействиями цыганок. Здесь, близ урочища Городище, по — обыкновению стоял их табор. Энергичные и говорливые старухи, а с ними и молодые «дети природы», заливали наполненные свежими грибами кастрюли водою. Спустя некоторое время воду выливали в котелки и чашки. Затем из них они умывали свое лицо и шею.

— Вот отчего цыгане такие смуглые, — рассуждали мы, — понятно — от грибной смолы.

Цыгане, на этот счет, были иного мнения. Настоянная на грибах вода, по их словам, имеет свойство излечивать раны на коже, дезинфицировать ее от вредных микробов.

— Может, это и так, — соглашались мы. Однако сами лечиться таким образом не спешили. Ведь еще немцы как-то глубокомысленно изрекли: каждому — свое! Цыган же и евреев, в пору былой войны, они не жаловали. Как, впрочем, не жалели и нас — коренных русских. Впрочем, ныне речь не о том. Она, в частности, о «живой воде», настоящей на грибах. О пряном грибном духе, царившем в наших верхах и лесополосах. Настоящих, как теперь, лесов не было. Их свели на нет фашисты, боясь партизан, а затем и сами жители округи — надо было из чего-то сооружать плетни и мазанки, топить печи. Отсюда понятно, что мы не могли похвастаться обильным урожаем грибов в пору моего послевоенного детства.

Не с удобным лукошком, как сегодня, а с большой и тяжелой картофельной корзиною на худых плечах я с товарищами отправ-

лялся в дальний Борковский лес. Он был в четырех-пяти верстах от Сивково. Здесь еще уцелел густой березняк, где водились с коричневыми шляпками подберезовики, с красными — подосиновики, смуглые свинухи и желтоглазые волнушки.

За долгие часы путешествия от куста к кусту мы так и не набрали по полной корзине. Случись такое — не возрадовались бы. Откуда бы взялись силы, чтобы доставить к дому такую тяжесть? Ведь жили впроголодь. Кормила нас больше сама природа. Она нам «щавель спасительный растила, картошку оставляла про запас». Да, при случае, грибами, да ягодами баловала.

С богатым урожаем грибов — опять, я впервые встретился лишь четыре года тому назад, кстати, оказавшись в лесу, что вблизи от деревни Китаево — отчей родины моей мамы. В течение трех дней я совершал сюда рейсы на своей «Оке» и наполнял ее кузов доверху. Коричневожелтых опять было так много — хоть косой коси. С той недавней поры животворный грибной дух заполнил собою не только мой дом, но и гараж, где и ныне стоит вся пропахшая пряностями леса моя машина.

БЛУД

*Когда все небо в серых тучах,
Вас и приметы не спасут.
Окрест — безлюдье, дебри, кручи.
Понятно станет — это блуд!*

Провожая нас, деревенских мальчишек, в незнакомый лес, сердобольные мамы по — обыкновению предупреждали: «Смотрите, не заблудитесь!». И зазря. Не было случая, чтобы мы не нашли дороги к дому. Если ненароком и заплутаемся, то достаточно было взобраться на ближайший холм, и вся округа, как на ладони. В добрую погоду, да с нашим молодым и острым зрением нам казалось, что мы и Москву увидим также ясно, как находяще-

еся в шести километрах от дома село Репнино, где близ яблоневого сада стояла наша двухэтажная школа. Иногда, взобравшись на верхушку высоченного тополя, мы отчетливо различали купола церквей древнего Болхова, что был в пятнадцати верстах от отчей деревушки Сивково. Даже соревнование устраивали: кто далее всех что увидит?

Все это было, только сплыло, Вовек не будет уж теперь, Когда леса холмы накрыли, и в них гуляет только зверь.

Сегодня, отправляясь на пригородном поезде или электричке в незнакомые места, мало кто твердо уверен, как ранее, что не заблудится. Бывали случаи, что старые грибники отставали от поезда и проводили ночи в безлюдье. А дабы ненароком их не напугал зверь всю ночь, до утреннего рейса жгли костры.

Как говорят, черт путал и меня. Это случалось и на 76 километре железнодорожной трассы «Орел — Михайловский Рудник» и дважды в Шаховском лесу.

Осторожные и предусмотрительные грибники непременно берут с собою в дорогу компас. Он, безусловно, помогает отыскать нужное направление, когда из-за туч не видно солнца. Именно на это светило я уповаю, когда иду в лес. Компасом я просто не обзавелся. По солнцу я определяю, в какой стороне света находится железнодорожное полотно. Ориентировка по пням и ветру — малорезультативна. Ветер часто, в течение дня, меняет свое направление, а пни зарастают мохом со всех сторон, а потому обманчивы.

Уже в конце октября 2006 года, тщетно пытаясь отыскать опят вблизи от остановки Шахово, я решил углубиться в лес. Бродил долго и упорно. Мне повезло. В густой крапиве, у мощных дубов я напал на усеянную грибами поляну. От дождя меня надежно укрывал мой брезентовый плащ, а потому я спокойно и не спеша наполнял свежими красавцами — опятами свои вместительные корзины. Их хватило и на то, чтобы не оставался пустым и мой холщовый рюкзак. Окончив это приятное занятие, я, счастливый от неожиданной удачи, решил двигаться к станции. По моему разумению она находилась в правой стороне. Туда я и устремил свои стопы.

Шел по травянистой стежке. Одежда на мне взмокла. И не от дождя, а от пота — груз был не из легких. Вот и лесу конец. Передо мною открылась панорама широкого поля, а за темнеющими кустами проглядывали избы незнакомого мне селения. Я осознал, что заблудился. Решил заглянуть к людям. Через бурьян и чертополох пробрался к дому, возле которого копошились люди. Трое мужчин разного возраста разделяли тушу свежезарезанного поросенка. Поздоровался. Извинился за беспокойство. Объяснил, что заблудился и спросил о дороге. Молодой парень взглянул на меня, выругался. Понятно — я отвлекал их от работы. Пожилой мужчина, видимо, его отец, напротив, спокойно и деловито объяснил мне, что я оказался на Ворошиловском поселке и мне предстоит идти по стежке по направлению к лесу, из которого я к ним и вышел. Время поджимало. До прибытия поезда оставалось меньше часа. Не мешкая, я отправился в обратный путь.

Миновав линию электропроводов, я побрел по кустам. Как на беду мне стали попадаться там и сям соблазнительные грибы. Я отчаянно рвал их и доверху пополнял корзины, кои нес в руках. Измученный и усталый, я, наконец, вышел к железнодорожному полотну. Но ужас! Время было на исходе, а до остановки еще не менее трех верст. Однако отчаиваться не стал. Благо Шахово не 76 километр, где до ближайшего села многие версты пути. Перебрался через рельсы и направился напрямик к корпусам исправительной колонии. Вот и пруд. Поднялся вверх по плотине и присел на скамью, предварительно сняв тяжелый рюкзак, на автобусной остановке. В восемь часов вечера, спустя два с половиной часа после отхода моего поезда, я на автобусе отправился в Орел.

Уже будучи дома, согреваясь горячим чаем, я с шутками и прибаутками рассказал жене Валентине о своих приключениях.

— Понятно, — улыбалась она, — на тебя блуд напал. Еще бы! Столько грибов нашел, да в такую глухую пору осени. Вот тебя леший на терпение и испытывал.

— Сдался тебе этот леший, — отмахнулся я, — просто ориентир потерял. Дождь-то промозглый весь день лил.

— Хорошо, когда все хорошо кончается, — философски заключила жена.

Однако, не успокоившись, и не столько ради грибов, а чтобы в лишний раз проверить себя, уже на другой день я вновь отправился в Шаховский лес. Почти без труда отыскал заветное место у высоких дубов. На этот раз удача изменила мне — опять набралось не более ведра. Это меня ничуть не обескуражило. Я исполнил главное — изучил лес.

Уже в подобную пору поздней осени 2007-го я вновь запутался среди буреломов и буераков. Но на этот раз я самостоятельно отыскал нужное направление. Шел уверенно и деловито, размышляя об ориентирах и уповая на благо приобретенный опыт. И в том нет никакого чуда — блуд отступил. Я понял мудрость слов известной песни «Надежда». Ведь чтобы победить, в первую очередь, самого себя: «надо быть спокойным и упрямым!».

БАСТЫЕВСКИЕ ГРУЗДИ

*Бастыевские грузди
Немой укор судьбы:
В саду увядашем грустно
Мне собирать грибы.*

«Поедемте-ка в Льгов, — сказал мне однажды уже известный читателям Ермолай, — мы там уток настреляем вдоволь»

Так начинается рассказ «Льгов» из «Записок охотника» Ивана Сергеевича Тургенева.

В некотором виде, подобно Ермолаевской, произнес фразу мой товарищ, отставной майор Федор Левин. Огорченный неудачей, постигшей нас на «тихой охоте» в Гостомльских лесах, он обнадеживающе сказал мне: «Поедемте-ка в Бастыево. Мы там и белых грибов и груздей вдоволь насобираем».

Совместная поездка не удалась, а потому я прибыл на электричке в Бастыево, что в десяти верстах от Мценска, один.

Известно, что Бастыево входит в рекреационную зону Тургеневского музея заповедника «Спасское — Лутовиново», а потому здесь совсем не случайно перед зданием станции стоит бюст ве-

ликому писателю. Внизу, на светлом фоне черной краской вместо имени писателя было каким-то местным хулиганом начертано обидное слово — «Лох». «Так кто же «Лох»? — недоумевал я, — невинный Тургенев или новые хозяева, что превратили бывшую станцию в немой укор запустения? Ведь у самой дороги стоит деревянное, без окон и дверей, жилище железнодорожников. Оно же еще вполне приличное и могло бы продолжать служить теплым очагом людям. Но раз не функционирует станция, то нет работы. Вот и разъехались железнодорожники в поисках куска хлеба в иные края. По пословице: рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Лишь мировая слава Тургенева спасает саму станцию от разрушения и разграбления.

Но, собрав грусть в кулак, помня, что белые растут под большими березами, я направился на поиски благородных грибов в высокую лесополосу. Неспеша бреду вдоль аллеи, состоящей из могучих белоствольных красавиц. Она обрамляла с одной стороны старый усохший яблоневый сад, а с другой — широкую автотрассу «Бастыево — Спасское».

Добрый километр отшагал, внимательно вглядываясь в густую траву — нет белых. Ни старых, ни молодых. Попадались одни валуи и сыроежки. Не однажды и в сад заглянул. В его междурыдьях, густо поросших березняком, елками и осинником, я отыскал лишь десяток белых и черных груздей.

Их чаще называют подгруздями. Жители южных районов нашей средней полосы называют их также погребными. Вкусны они, и стоит им на свет показаться — в теплую пору тут же набрасываются на них черви. И хитрят грибы: растут под слоем прелой листвы, хвои, даже под корнями трав. Они действительно погребены под землей. Найдешь погребушку — не скоро ей шляпку отчистишь.

«Третьесортные грибы». Но ведь сорт на любителя: иные ценят молоденькие свинушки. Другие любую сыроежку сменяют на крепкий, ядреный валуй. Я же, помня наказ жены, ни рыхлых сыроежек, ни коричневых валуев в корзину не клал — не нравятся они ей. Белых же нигде нет, хотя уже до самого Спасского всего верста осталась.

Разочарованный, я повернул обратно. Еще раз обшарил обе придорожные аллеи. Увы! Удача мне не сопутствовала. Так ни с чем я и возвратился на станцию. Времени же до моего поезда оставалось не менее трех часов. Перешел железную дорогу. Поднимаясь вверх по автотрассе, заметил сидящего у обочины старика:

— Как грибы? — спрашиваю.

— Я не грибы, а шиповник собираю, — ответил тот.

— Где же мне грузди отыскать?

— Понятно, где — в саду.

— Да, бывал уже там, что вон, под горою, — показываю рукой.

— А ты здесь, наверху посмотри — женщины собирали.

— Ну-ну! — недоверчиво промычал я, однако, минуя придорожную поросль, устремился в усохший от времени старый сад. Безделье утомляет грибника более, чем активный поиск. Его, как и волка, ноги кормят.

Здесь, возле яблонь и междурядьями росли: высокая крапива, полынь и донник. Под кустами берез и ольхи я увидел стайку белых груздей. За нею — вторую, третью. Не прошло и часа, как мои корзины наполнились доверху. Не остался пустым и рюкзак. А грибы все не кончались.

Возвратился домой усталый, но счастливый. Говорю жене: «Надо Людмиле Герасимовне позвонить. Она грузди заказывала, но пожелает ли возиться?».

Жена друга обрадовалась:

— Привозите, зимою пригодятся. Где же вы их нашли?

— Среди саксаула, — шучу я.

— А он же у нас не растет.

— Здесь в Бастыево, яблони с голыми черными ветками на него похожи, — объясняю я, — грустный сад.

КОНТРАСТЫ СПАССКОГО

*Иван Тургенев не скрывал
Своей любви к России:
«В каких местах, я б не бывал
Нет Спасского красивой».*

*Из Буживаля умолял
Полонского наш витязь:
— Коль будете в моих краях,
То дубу поклонитесь!*

21 августа 2007 года, исполнив заказ Людмилы Герасимовны, набрав полный кузов «Оки» белыми груздями, мы с ее мужем, а моим другом Сергеем Ивановичем Шмелевым решили посетить Спасское — Лутовиново. Благо от Бастыевского сада, где мы собирали грибы до усадьбы Тургенева всего пять верст. Для быстрого автомобиля — это не крюк. Мы сочли для себя зазорным, будучи почти рядом, не воспользоваться благой возможностью, чтобы вослед за Полонским, не поклониться: и дому, и саду, и некогда молодому дубу, посаженному великим писателем.

Уплатив за входные билеты, мы вошли через широкую калитку в объятия старинного русского парка. Собственно это не парк, как объясняется в путеводителях, в строгом значении слова. В нем нет ни подстриженных деревьев, ни заморских растений, ни мраморных статуй в аллеях. Тургенев всегда называл его садом, но этот сад был для писателя прекраснее любого из прославленных парков Европы. В Спасском, в полной мере можно почувствовать красоту и обаяние природы средней полосы России. Вековые липы, березы, тополя, клены перемежаются лужайками, заросшими земляникой. В густой траве таятся белые чашечки ландышей. Вдали от дорожек можно увидеть палевую шляпку подосиновика. А если повезет, то и целое семейство белых грибов. Правда, теперь, в августе 2007-го, мы с другом никаких грибов не обнаружили. Летом весь парк заполнен пением птиц. Их разноголосый хор любил слушать Тургенев, сидя на скамейке возле посаженного

им самым молодого дуба. Сейчас это могучий 170 — летний великан, широко раскинул свои ветви. В его тени соловьи не смолкают даже днем.

Мы поклонились дубу, ныне утерявшему усохшие нижние ветви. Однако спилы так прекрасно обработаны, что напоминают заросшие травой бугорки. Глядя на оградку, окружавшую дуб, я вспомнил стихи орловского поэта Виктора Дронникова «Два дуба»:

*Два дуба в Спасском, одногодки.
Один Тургеневский, другой
На безымянном тихом взгорке
Сажал какойто крепостной.*

*Один открытками размножен,
В воспоминаньях отражен.
Стоит оградкою стреножен,
Всегда толпою окружен.*

*Конечно, дуб достоин чести,
Ему я поклониться рад.
Но там, за Спасским, в тихом месте,
Шумит его забытый брат.*

Здесь, налицо, один из контрастов бытия. Одному дубу — слава, другому — забвение. Другой контраст, взволновал нас с Сергеем Ивановичем куда больше. В Спасском есть настоящий, прекрасно ухоженный, без единой сухой веточки яблоневый сад, а в сотне метров от него начинаются большие сады, состоящие сплошь из сушняка. Ясно — рук не хватает, чтобы его оби ходить. Да и корчевки, замены он требует. Некому высаживать молодые сады — вымерло Спасское. Разве, что хватает людских сил, чтобы содержать в порядке обновленный тургеневский дом с придворными постройками, церковь, в которой, кстати, за смертью батюшки, место священнослужителя было вакантным и часовню, да прекрасное здание книгохранилища.

Но, вернемся в парк. В центральной его части — скрещенные липовые аллеи. Когда-то липы были посажены очень тесно, почти

вплотную друг к другу, поэтому они так тянулись к солнцу. Высоко-высоко над головою задумчиво шумят их кроны. Шум листьев, голоса птиц — все это не разрушает, а усиливает ощущение покоя, торжественности и тишины тургеневского сада.

Если верить краеведу Василию Катанову, то здесь с книгою «Россияда» поэта Хераскова в руках некогда стоял молодой Тургенев и волновался, читая:

*Пою от варваров Россию освобожденну,
Попранну власть татар и гордость низложенну,
Движение древних сил, труды, кроваву брань...*

В своем рассказе «Пунин и Бабурин» Иван Сергеевич так писал о своей встрече с херасковскими стихами: «Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира: никто не знает, где мы, что мы, а с нами поэзия. Мы проникаемся, мы упиваемся ею, у нас происходит важное, великое тайное дело».

Вот с таким ощущением тайны, ожиданием чуда, мы бродили с приятелем из края в край по тенистым аллеям и буйно вспыхивающими солнечным светом, зеленым лужайкам.

Засушливое лето отразилось на уровне воды в пруду Савиной. Она зацвела и отошла от берега, обнажив камыши и прибрежные кусты. У плотины суетилась бригада рабочих, обновляющих мостки. Из средств массовой информации мы знали, что в парке ведутся съемки художественного фильма по известному роману Тургенева «Отцы и дети». Кстати, именно здесь, в Спасском, он и был написан.

Парк бы чрезвычайно чисто ухожен. Женщины — уборщицы и цветоводы, с которыми мы встретились, объясняли это обстоятельство нарастающим потоком к ним туристов. Для них обновлен и каретный двор. К услугам детей — пони, а взрослые за плату могут прокатиться по дорожкам парка в настоящей карете на чистокровных орловских рысаках.

В ближайших селениях не то, что коня, но и коровы ныне трудно найти, а для праздных визитеров любая блажь к услугам. Деньги, всюду деньги, господа! Кстати, сам Тургенев никогда не был алчным человеком. Прибывший в мае 1852 года в Спасскую ссылку (в наказание за антикрепостнические «Записки охотника») писатель с ужасом обнаружил, что старый лутовиновский дом, который в детстве представлялся ему целым городом, сторел. От него осталось одно крыло, которое было переоборудовано под господские покои

При разделе наследства, после смерти матери, Тургенев уступил старшему брату Николаю дом в Москве, самые доходные земли с тем, чтобы сохранить за собой Спасское. Заниматься хозяйством он не умел и не хотел. Дворовые были отпущены на волю. Разъехались приживалки. Были снесены флигели для бурмистра, полиции, дворовых. Распоряжаться именем Тургенев целиком предоставил управляющим.

Русский народ, его духовная сила и одаренность были главной темой бесед Ивана Сергеевича с его гостями — писателями Аксаковым и Киреевским, Толстым и Фетом, актерами Щепкиным и Савиной.

Не случайно критик Белинский писал о нем: «Верная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни, изящная и тонкая ирония, под которою скрывает ся столь-

ко чувства, — все это показывает в Тургеневе, кроме дара творчества, сына нашего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его».

«Пишется хорошо только живя в русской деревне», — не раз признавался великий писатель. О, как бы ужаснулся он теперь, когда увидел бы, что с нею стало. Вымерли русские деревни, в прах развеивается русский дух.

С этим чувством мы с другом Шмелевым покидали благословенный оазис русского духа, который еще сохранился в Спасском. Наша зеленая «Ока» вновь мчалась среди заросших бурьяном полей и огородов, разрушенных строений и старых, давно не плодоносящих, голых, словно обугленных, садов.

Выезжая на трассу, Сергей Иванович неожиданно сказал мне:

— А знаешь, совсем недалеко, не доезжая пяти верст от Черни, у поселка Медвежка, левее Московской дороги, есть указатель — Бежин луг. Может, заглянем?

— Неплохо бы, но не стоит.

— Почему? Снежедью любимемся. Не зря же ее воспел мценский поэт Иван Александров.

— Не та стала ныне река Снежедь, не таким ухоженным выглядит теперь и сам тургеневский «Бежин луг». Окрест — рытвины и кочки, конский щавель, да чертополох — ног не вытянешь.

— Это правда, — согласился со мной Сергей Иванович и тяжело вздохнул, — проклятые контрасты. Сердце щемит, так за Тургенева обидно.

Состояние друга невольно передалось мне и вылилось в грустные поэтические строки:

*Пряатель мой прибавил «газ»
Сокрылось Спасское вдали.
Прости, Иван Сергеич нас
За то, что Русь не сберегли.*

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

*С одной ногой, на костылях
Все дни в движении проводит:
Рыбачит, за грибами ходит
Покой ему внушает страх.*

У Джека Лондона есть чудесный рассказ «Любовь к жизни», что нравился некогда, по признанию Надежды Крупской, умирающему Ильичу. В нем автор повествует о мужестве молодого золотоискателя. Безоружный, с вывихнутой ногой, покинутый другом, холодный и голодный, он, преодолевая все невзгоды, находит путь к людям. Если предавшего его спутника Билла губит эгоизм и алчность и он погибает, так и не расставшись с добытым на Аляске золотом, то он, напротив, выбрасывает свою золотую ношу, дабы облегчить свой рюкзак и сохранить силы, необходимые в борьбе за выживание.

Когда не смог идти, то он полз, перекатывался с боку на бок, цеплялся, карабкался, помня о святой заповеди: «Движение — это жизнь!».

Именно таковым волевым человеком представляется мне и мой знакомый рыбак и грибник, с которым мы часто вместе отправляемся со станции Орел в сторону Михайловского рудника. С тою лишь разницей, что я меняю маршруты, а он завсегдагой остановочной платформы Рыжково.

В этой деревушке, что на берегах Оки, он некогда родился и учился. Набирался жизненного опыта. Здесь и поныне живет его сестра и племянники.

У поросшего ивняком и камышом ручья, впадающего в мутную реку, он соорудил для себя укромную сижку. С ранней весны до поздней осени не растает с удочками. Ловит не только днем, но и остается нередко на ночь. В гордом одиночестве. Порою под проливным дождем и ветром. Нет клева, то отправляется в ближайший верх за грибами. О, как это не просто: преодолеть бурьян и сонм ветвей — с одной ногою и на костылях.

Как-то, уже в октябре 2007-го, пройдя пятикилометровым

маршрутом по лесу от Шахово до Рыжково и не найдя грибов, я заглянул к приятелю «на огонек». Вместе покурить и побеседовать.

— Как твое отчество? — спрашиваю, — а то неудобно взрослого человека только по имени величать.

— Не важно, что мне 56 стукнуло, — ответил он, — но все кличут меня просто — Леха. И ты так зови. К тому же ты на десяток лет постарше. Чего зря церемониться.

— Мне, как бывшему учителю, — замечаю я, — неудобно фамильярничать. Потому буду звать тебя Лешей, Алексеем.

— Годится, — спокойно отозвался собеседник, при этом заметил, — не знал я, что ты педагог, я учителей терпеть не могу.

— Отчего же такая немилость?

— Есть причина. Ненароком в детстве я назвал свою учительницу дочерью полиция, а так оно было и в самом деле, так она меня на три года в четвертом классе задержала. Даже ходила в РОНО, требовала, чтобы меня вовсе из школы исключили. Такой тварью оказалась. Но по ней не вышло. Я и восемь классов и училище механизации окончил. Все мог делать: и машину, и трактор водить, варить и слесарить. Как говорится — кузнец и плотник — первый на селе работник. Трехкомнатную квартиру в микрорайоне СПЗ, где теперь живу, заработал. Женился. Двух сынов вырастил, теперь вот внуками занимаюсь. Не смотря, что инвалид.

— Отчего такая незадача?

— Обнаружили закупорку вен на правой ноге. Вначале до колена, а потом и до мягкого места отхватили. Доктора сказали, что если не буду активно ходить, то и с левою ногою подобное приключится. Жить хочется, а потому и не даю себе покоя. Двигаюсь. Тренируюсь, как некогда летчик Маресьев. Ему, однако, легче было. У него ноги от колен на протезах. Мне же его некуда и приставить. Одно спасение — костыли.

— Мой отец на коленях ползал, когда позвоночник перебил. И костыли не помогали.

— Теперь мне понятно, откуда у тебя такой интерес к инвалиду.

— Верно, больной интерес, — тяжело вздохнул я от нахлы-

нувших воспоминаний. Однако, совладав с собою, я спросил:

— Сыновья-то как? Помогают?

— Ничего, трудятся. К слову — один сын у меня остался. Второго — на кладбище проведываю.

— Болел?

— Здоровым смерть нашел.

— Как?

— А вон, видишь, — Алексей показал рукою на противоположный берег Оки, — мощные ракиты растут. Под ними — си дели два наркомана из соседнего села Шумаково. Мой сын ловил рыбу на этом месте, где сегодня я промышляю.

— И что?

— Перебрались к нему, под предлогом закурить, отняли 150 рублей, и здесь же в реке и утопили, чтобы следы скрыть.

— Ужас!

— Это в 90-е было. Теперь они и сами давно сгнили. На ловца и зверь бежит. И поделом: собакам собачья смерть.

Шум грузового состава, проходящего по железнодорожному мосту, что висел над Окою в ста метрах от нас, помешал мне расслышать объяснения Алексея о причинах смерти наркоманов. Переспрашивать, как говорят, берeditь былую рану, не стал. Постеснялся. Да и кому нужны подробности из биографии этих злодеев.

— Ого, клюет! — воскликнул я, заметив ныряющий поплавок.

— Есть! — радостно отозвался рыбак и выудил из мутной воды крупную золотистую плотвичку.

— Грамм двести будет.

— На все триста потянет, — уточнил Алексей, перебрасывая удочку, — я здесь постоянно подкармливаю, от того рыба у ручья и задерживается, хотя и воды, считай — по колено. Тут в буреломах и бобры водятся. Один передо мною так задом кувыркнулся, что вода на берег выплеснулась — под шестьдесят килограммов не меньше.

— Да с одного такого бобра и боярскую шапку смастерить можно.

— На все три хватит, — взмахнул удочкою рыбак и вновь оказался с серебристым трофеем, — везет мне с тобою.

— Как?

— До твоего прихода совсем не клевало. Теперь — повалила удача.

— Дай бог!

— И сам будь не плох.

— Не боишься один, по ночам?

— Ничего. У меня спальные принадлежности с собою. Не промокающая подстилка. Горячий чай в термосе. И телефон, на всякий случай. Родственники живут недалеко. В беде не оставят. Правда, когда коров гонят, то быки наведываются. Тут уж я на березку поглядываю, благо рядом стоит.

— Но как ты на нее заберешься с одной ногой?

— Страх, что ветер — на крыльях поднимет, — засмеялся мой неунывающий собеседник.

За три часа, что мы провели на берегу, Алексей выудил полтора десятка плотвы и несколько красноперок.

— Скромный, но вполне приличный улов, — он слегка приподнял садок, — у меня дома еще пару килограммов с прошлой рыбалки в холодильнике лежит. Моя половина уже обьяелась рыбой — не глядит. Дети выручают.

— Пора и на поезд, — смотрю я на часы, — а нам до остановки добрый километр идти.

— Я за 40 минут дохожу. Еще есть время.

— Ничего, сегодня я тебе помогу и рюкзак, и удочки нести.

— Ни в коем случае.

— Почему?

— Нога под грузом должна быть. Ее баловать нельзя.

— Вольному воля.

После того, как Алексей собрал рюкзак, я взялся помочь ему приподнять его и уложить на плечи.

— Не тронь! — вновь воспротивился он.

По пути к платформе мы несколько раз останавливались у груш — собирали плоды. Они были мелкими, но вкусными.

— Осень — чаровница, — шутил Алексей, — и золотой листою укроет, и урожаем накормит. Мои ребята груши любят.

Когда прибыл поезд, я в который раз ринулся помочь ему. Он же опять запротестовал — я сам. Поставив костыли на нижнюю ступеньку вагона, Алексей ловко вспрыгнул на нее. Затем то же проделал со второй и третью ступенькой и благополучно оказался в тамбуре.

— Ах, Таня, Таня, Танечка, скорей неси обед, — пропел он, увидев молодую проводницу, погладил ее за талию.

— Узнаю Лешу, никогда не унывает, — улыбнулась женщина, — заходи в салон, садись. Как рыбалка?

— Как всегда.

— Или ты за грибами ходил?

— Мне все равно: любить или наслаждаться.

— Это верно, — приняла шутку проводница, — главное — побыл на природе. Погулял — побродил, красотю осени полюбовался.

— Молодец! В самую точку попала. Радость жизни — это движение.

КАЛИНОВСКИЕ БОРОВИКИ

*Что королевские гвардейцы
Стройны, опрятны, велики.
Спешат на солнышке погреться
Калиновские боровики.*

По сотовому телефону звонила сестра: «Вы в Орле засиделись, а у нас грибы пошли. Моя внучка Даша по Настеньке заскучала. Привезите ее подружку. Пусть дети поиграют, душу отведут. Да и самим наведаться пора».

Приглашение Антонины Ивановны Бондаревой, моей Калиновской кузины, равнозначно приказу. Приказы, известно, не об-

суждаются, а выполняются. Светлым июньским днем моя синяя «Ока» уже стояла у ворот, охраняемых Бимом — крупной и красивой сибирской лайкой.

День и вечер прошли под впечатлением презентации моей новой книги «Дым Отечества». Дочь сестры, московская учительница Татьяна Васильевна с мужем — полковником Владимиром Васильевичем Емельяновым сразу же уединились в отдельной комнате и стали внимательно изучать подаренную им книгу. Восемилетние сестренки Дашенька с Настенькой занялись ловлей карасей, что жили в большой ванне, стоящей близ крыльца. Сюда их принесли юные рыбаки, гостившие в поселке, уже ставшие взрослыми ленинградские внуки кузины Александр и Свет лана, ровесники нашего старшего внука Максима. Моя жена, Валентина Алексеевна с Антониной Ивановной, повозившись на огороде, принялись застряпню — гостей целый двор.

Коротки июньские ночи. Едва посветлел оком неба, а мы с Валентиной уже на ногах. Наскоро позавтракав, сели в автомобиль и вот уже Калиновский поселок скрылся за поворотом. Зеленый перелесок, состоящий преимущественно из берез, елей, ольхи и осин встретил нас росной, заревой прохладой.

Мы большей частью рассчитывали на свинушки и подберезовики, но, о чудо! Нам неожиданно стали попадаться один за другим красноголовые грибы — толстые, словно пивные бочонки, рослые, что королевские гвардейцы. Шляпы — тонки и крепки. Цвета самого разного — малиново-красные, янтарные, светло-желтые.

От подосиновиков, что начинают расти в июле, они отличаются серой, в черных чешуйках ножкой. И низ шляпки не светлый, а темносерый до черноты. Да и на нюх, и на вкус любой уловит в этом грибе сладковатую ядреность березы, а не осиновою горчинку.

Известный ярославский грибник-любитель Константин Яковлев такие с красными головками грибы, что чернеют в разрезе, называет боровиками. И различают: боровик березовый и боровик осиновый. Расты они начинают в пору цветения рябины

— в начале июня. Именно в июне они наполнили наши все четыре корзины.

На такой урожай мы не рассчитывали. К тому же мы еще насобирали кошелку породистых свинушек.

Кузов «Оки» был буквально настоян свежим лесным ароматом.

— Какая красота! — восхищались наши родственники, когда воочию увидели такое обилие даров лета. Даша с Настей буквально ликовали от восторга.

Встал вопрос: что делать? Готовить на привозном газе — разорение. Всех успокоила Антонина Ивановна: «Было бы что, справимся!».

— Петр Дмитриевич! — распорядилась она, — готовь дрова, пока мы с Валею грибы переберем.

Без лишних слов я подошел к целому возу натасканных сестринными внуками из лесу сухих веток и принялся, как некогда в детстве, рубить их и складывать в ровные стопки у толстого пня.

Сестра отыскала в сарае огромный двухведерный чугунок. Помыла и поставила на железный бочонок без дна. В нем было прорублено окошко. В него я стал накладывать сухие дрова. Поджег. Огонек с бумаги перекинулся на мелкие веточки и пошел плясать, пуская светлые струйки дыма.

Очищенные, порезанные грибы засыпали в чугунок, залив немного водой, накрыли тяжелой крышкой — священнодействие началось.

В течение дня чугунок трижды наполнялся грибами. Наконец все они оказались переваренными — труд не пропал даром.

Отзвенело лето. И вот в сентябре мы снова на Калиновском поселке. На этот раз сестра нас пригласила приехать за картошкой. Но, как тут устоять, чтобы не побывать в лесу. Усаживаю Антонину Ивановну с корзиной в «Оку» и мы вновь мчимся в заветный перелесок.

Более трех часов бродили вдоль просек и по полянам. Но на этот раз боровики попадались редко. Чаще встречались подосиновики. Урожай оказался невелик — полторы корзины на троих.

Сестра распорядилась: «Везите в Орел. Мы тут рядом, еще насобираем».

Гостившая у нас внучка по возвращению в город спросила:
«Дедушка, а вы в Калиновском лесу боровики собирали?»

Грустно вздохнув, я ответил:

— Собрать пытались, но их уже и след простыл. Ждут следующего лета.

РЫБАЛКА НА ДОНУ

(Из цикла «Донские очерки»)

*Сережа лихо лодкой правит,
Бросает якорь в глубину.
Вблизи от острова Буравы,
Мы ловим рыбу
на Дону!*

*Вот к нам примкнул Борисов
Саша
Свою удачу испытать.
Каков улов? Вся рыба — наша!
С улыбкой станем отвечать.*

За шесть лет жизни в Ростове я, с детства увлекающийся рыбалкой, за работой и учебой так ни разу и не смог отдаться любимому занятию. Спустя десятилетия моя заветная мечта, наконец, сбылась, за что я безмерно благодарен сватьям моих друзей Борисовых. Ими оказались супруги — Нина и Сергей Сердюковы. Они то и пригласили меня к себе в гости — отдохнуть, искупаться, порыбачить. Таким образом, три дня, с 6-го по 8 сентября 2007-го, я провел у них на загородной даче, что расположилась на берегу славного Дона — багюшки. Прямо за огородом на песчаной отмели завсегда к услугам — рыбацкая лодка. К ней прилагаются все необходимые снасти. И рыболовных принадлежностей у пятидесятилетнего, крепко сбитого, мужественного мужчины, каким оказался на деле Сергей Сердюков, предостаточно. И подкормки

с червями было заготовлено вдоволь. Сергей был любителем природы, страстным охотником и рыболовом.

Сойдясь с хозяевами ближе, я узнал, что Нина и Сергей родом из районного города Гуково. Познакомились же, когда вместе учились в Ростовском инженерно — строительном институте. Здесь, в Ростове, остались работать и жить.

С хозяйкой донской дачи
— Ниной Сердюковой.

Мне было известно, что Гуково — один из немногих городов области, лишенных щедрот природы. Он удален от рек и лесов, его окружает пустынная степь. Славится он только огромным комбинатом Гуков — уголь, объединяющим крупные шахты. Правда, мой университетский преподаватель, он же и редактор областной газеты «Молот» Александр Михайлович Суичмезов, в конце еще 70-х писал: «Вчера еще совершенно безводный, на десятки километров отдаленный от реки, город Гуково, сегодня имеет пляж, водную станцию, прибрежные базы отдыха. И все это на ближнем искусственном озере с лирическим названием Березка. Соорудили озеро жители города на месте глубокой балки. Чудом выглядит это озеро с прозрачной, зеленоватой водой в бескрайней, желтеющей под знойным небом степи. Где-то у горизонта, в синей дымке угадываются терриконы далеких шахт. То уже окраины города Донецка. Нет, не большого главного донбасского города Украины, а ростовского юного Донецка, что действительно на берегу Северского Донца, близ впадения в него Большой Каменки».

Но как не славил мой бывший журналистский наставник, писатель Суичмезов искусственное гуковское озеро, оно не идет ни в какое сравнение с величественной поймой Дона. А романтической душе Сергея Сердюкова всегда был нужен простор. Да такой,

чтобы дух захватывало. Потому он и завладел, с приобретением дачи, кусочком такого водного безбрежья, которое ему часто виделось в сладких снах на широком и вольном Дону, который навсегда завладел его сердцем.

Сергей, по существу, живет в Донском рыбном заповеднике. Он же распространяется на всю 30 — километровую дельту Дона. Начинается же она от станицы Нижней — Гниловской, что стала второй родиной моей сестры Марии и брата Ивана. Именно отсюда начинается несудоходный рукав, названный Мертвым Донцом. И все из-за того, что он, постоянно мелея, наполняется нечистыми водами Темерника. Трудно себе представить, что когда-то «мертвый рукав» был главным руслом Дона.

Сегодня насчитывается более 40 мелких рукавов, протоков, ериков и гирл, которыми Дон впадает в Таганрогский залив. Из всех водоемов дельты наибольшее рыбно — хозяйственное значение имеют основные ее русла — Старый Дон, Большая Кутерьма и Каланча. Они являются основными местами скопления для зимовки косяков рыб: леща, судака, сазана и других видов. Через гирла дельты реки пролегает основной путь идущих весной из моря и Таганрогского залива в нее для размножения производителей белуги, осетра, леща, судака, тарани, рыбца, сельди, чехони и шемаи. Охраной рыбы от вылова в Донском заповеднике занимаются Рогожкинская и Азовская инспекции рыбоохраны.

Дача Сердюковых находится на окраине хутора, именуемый — Курган. Все побережье реки ныне обустроено мощными особняками. Рядом с их незатейливым огородом, состоящим из десятка плодовых деревьев, да такого же количества кустов смородины и винограда, располагается настоящая каменная цитадель. Принадлежит она заместителю главы Южного федерального округа. Предприимчивые владельцы не пожалели средств, чтобы создать рядом с нею искусственный пляж. Правда, как я наблюдал, в часы большого прилива нижних вод он все-таки разрушается, затапливается. В период же штиля или верхового ветра там настоящая благодать — море тепла и света. Мне посчастливилось, не только искупавшись, погреться в его чистом и горячем песке, но и прямо с берега побросать удочки. Зацепились на мой крючок, к восторгу

Александра Борисова и его племянницы Наташи, несколько подлещиков и сазанов.

Однако ловля с берега не идет ни в какое сравнение с ужением рыбы на Донском фарватере. Сюда, на утренней зорьке, Сергей привозил меня на своей плоскодонке. Недалеко от буя, под гром ружейных выстрелов, означающих, что начался сезон охоты на водоплавающую дичь, мы крепили ее двумя якорями. А передвигалась она вдоль натянутой бечевы. Ко дну отправляли сетки с подкормкой, а на них опускали снасти. Приспособление их для меня было необычным. Два тонких поводка с крючками соединялись с двумя округлыми шариками, их местные рыболовы называют яйцами. Они используются в качестве безопасного грузила, не позволяют запутывать леску. Все хорошо, но лишь в том случае, когда стоит штиль или дует верховой ветер. Но стоит подуть бродяге — ветру с низовья, как поводки, попав в бурун из-за встречного течения, начинают цепляться за сетку. Грех, да и только. Рыбку, в таком случае, удим, но есть не будем — она при зацепе срывается с крючка.

Как-то нас застал шторм. Лодку заливало через борта водою. Ее приходилось с отчаянием вычерпывать — так быстро она набиралась. Все качалось и прыгало. Я думал не об ужении, а скорее о своей безопасности. Ведь глубина у буя, где мы стояли — под 20 метров. Пловец же я, тем более тепло одетый из-за утреннего холода, неважный. До берега острова Буравы, что манил своим покоем, пляжем и густыми ветлами, добрая сотня метров. Ненароком можно отправиться и к ракам. Я взмолился, прошу, в отличие от меня, смелого рыбака Сергея: «Отвези на необитаемый остров. Лучше побыть Робинзоном, чем, подобно Дарье Мелеховой, сгинуть в гневной пучине Дона!». Мой приятель спокойно и сосредоточенно поднял якоря, забросил их в лодку, и также невозмутимо доставил меня к вождеденному острову. Ступив на его песчаный берег, я вмиг почувствовал себя английским пиратом. Побегал, согрелся, оживил затекшие мышцы. И, дабы не скучать, забросил удочку с берега. Есть поклевка! Вытягиваю небольшую, но удивительно красивую, золотистую рыбку.

— Молодец! — хвалит меня Сергей, — это жемчужина рыб-

ного хозяйства Азовского моря. Да, да, это — рыбец! Его так мало осталось. Сохранились еще нерестилища рыба в бассейне Северского Донца. У нас он — редкость.

*Пришла удача, наконец,
В моих руках лежит — рыбец!*

- Рыбка маленькая, да удаленькая, — радуюсь я.
- Она очень вкусная, — поддержал мой восторг приятель.

Сам он уже вытянул гибрида и пару синеньких. Гибридами здесь называют помесь карпа и карася. Так как эти гибриды, в отличие от синеньких и надоедливых бычков, были крупными, по 300-400 граммов, то я их предпочитал именовать сазанами. Все душе — отрада и ласка.

*Ловить приятно сазанов,
Они по весу — будь здоров!
То — не плотица, не рачки
Иль — головастые бычки.*

Пока мы возились с лесками, постоянно запутываемися в ветвях склоняющихся к воде ветел, буря как-то сама по себе стихла. Распрямился, просиял лицом мой неунывающий напарник. Он предложил мне вернуться на исходную позицию — затормозиться у вожденного буя. Отдохнувши и приободрившись, я охотно согласился.

— Не зря Дон — тихим величают, — гордо произнес Сергей, — здесь штормит редко и недолго. Это не Черное море и тем более — не Балтика! Народ не обманешь. Люди веками опыт вбирали. Скажут, как отрежут.

Мы благополучно сменяли позицию. Рыба потихоньку клевала. На душе было покойно и светло. Сентябрьское солнце вошло в зенит, и мы сбросили с себя теплые одежды. Я, посмотрев в сторону бывшего прибежища, спросил:

— Сергей! Велик ли остров?

— Да, нет, — ответил он, — 400 метров в длину, 30-40, в ширину. Я его не раз и на лодке объезжал, и пешком исходил. Там, хорошо помню, домик стоял, прямо у пляжа. Когда-то в нем, еще в советскую эпоху, эстрадная звезда, певица София Ротару отдыхала. Наш Курган на правом, а хутор Шмат — на левом берегу реки. В том селении у Софии знакомые или родственники жили. Она к ним навевалась, а заодно дикарями заглядывала с друзьями на остров, чтобы шашлыками угоститься, да на пляже косточки погреть. Вечная публичность, суета и звездам бывает в тягость.

— Это так, — подтвердил я, — места здесь великолепные. У певицы, хотя и избалованной крымскими пейзажами, да заграничными вояжами, видно, есть вкус и пристрастие к степному раздолью и к неброской красоте Донской поймы.

*Здесь шашлыки отведают — с жару,
Как это делала Ротару,
На диком острове Буравы,
Приятней даже — громкой славы!*

— Не знаю, как ей, но мне никакого Лазурного берега, — улыбнулся Сергей, — в том числе и жемчужин Черного моря, о которых Валерий Леонтьев неустанно твердит, даром не надо. Не иссякал бы вовек, не мелел лишь бы мой Дон-батюшка. Все здесь понятное, родное, близкое сердцу.

Пока мы изливали свои панегирики, к нам неожиданно при близилась моторная лодка. На ней были трое в униформе. Один из них приложил мегафон к губам.

— Чья это у вас лодка? — строго спросил он

— Моя! — ответил Сергей.

— Почему она без номеров? Я инспектор Азовской рыбо-ловецкой охраны. Немедленно уезжайте на берег. Не выходите в пойму до тех пор, пока не зарегистрируете у нас судно. Увижу без номеров лодку в другой раз — отберу и оштрафую. Понятно?

— Ясно! — Сергей спокойно и размеренно, как это он делал всегда, начал выбирать якорь. За ним — другой груз, а затем, про

пустив огромную баржу, направляющуюся в Ростовский грузовой порт, мы пересекли фарватер.

На песчаном берегу нас встречал Александр Борисов с внучкою Бэлой. Пятилетняя, черноглазая девчонка держала в руках чудесный велосипед — подарок деда Сергея. Ее молодая мама Наташа, будучи профессиональным фотографом, не преминула сделать на фоне реки и надежно приютившего нас с Сергеем острова Буравы снимок уже троих приятелей — рыболовов. Позже появилась хозяйка дачи Нина Сердюкова. Приехала и сестра Александра, Вера Михайловна. Женщины — свахи быстренько сготовили обед, главным блюдом которого была, конечно, рыба.

*Заботливо,
Всех кормит снова,
Хозяйка — Нина Сердюкова.
Донская рыба — пища наша!
Ее готовила Наташа.*

*— Мужчины, выпейте, но в меру!
С улыбкой предлагает Вера.*

Скромно выпили, но сладко закусили. Я обратил внимание на то, что ростовчане более уважительно относятся к худобедрым лещам, чем к жирным карпам. У нас, в Орловии, все наоборот. Мне разъяснили, что лещей можно вялить и продавать. За них дают хорошую цену. Это, в пору всеобщей безработицы, помогает хоть как-то держаться на плаву. Ведь тот же Сергей не имеет постоянных занятий, а лишь изредка шабашит сантехником. Карпы же сиюминутный продукт. Ну, что же, как говаривали немцы: каждому свое! Одни жуют рябчиков, другие предпочитают есть ананасы. Нам, простым смертным, не до жиру, лишь с рыбки — быть живу! Природа — вечная и неизменная наша кормилица.

После обеда, не смотря на запрет рыбинспектора, мы втроем вновь устремляемся на фарватер. На этот раз лодкою заправляет испытанный волнами и ветром, опытный мореход Александр Бо-

рисов. Ему Онега и Ладога были нипочем, он уже настроился Средиземноморье покорить, а тут, всего-то — тихий и милый сердцу Дон. Как приятно, торжественно и покойно чувствовать себя в окружении настоящих морских волков. Сменили 34 места ужения, но подлинная удача нам не сопутствовала. Ловилась всякая мелочь. Крупные же особи обходили нашу, за редким исключением, наживку стороной. Причина слабого клева понятна — ловили без подкормки, как шутят рыбаки, на халяву. Не подмажешь — не поедешь. Это истина, издавна известная каждому крестьянину, да и чиновникам тоже.

Вернулись на берег уже под вечер. Женщины спросили:

— «Ну, как ваш улов?».

— Вся рыба наша! — уклончиво ответствовали мы.

Сергей отобрал несколько крупных лещей — на изготовление тарани, а мелочь высыпал из садка на газетный лист, что лежал на горе досок, приготовленных для обустройства уже заложенного нового кирпичного дома. Эта рыбка — подарок их черно — белой, пушистой красавице — кошке. К ней же и соседский серый кот в гости навещается. Вот и будет чем позабавиться двум влюбленным зверькам.

*Покинули мы — дачу, дом,
Хозяйку добрую и Дон,
Что в лодке, с удочкой меня
Качал и радовал три дня!*

Попив чаю, мы уселись в «Жигули» и Сергей повез нас в город Ростов, до которого и было-то всего 12—13 верст. В пяти километрах от хутора Курган, по трассе, слева, проехали поистине боярский терем.

*Чудесный терем — теремок.
Кто в нем живет — узнаем в срок.*

В этом роскошном трехэтажном особняке-срубе здравствует ныне мой университетский товарищ Николай Бовдурец. Николай Григорьевич некогда входил в свиту известного хозяина Дона,

первого секретаря обкома партии Бондаренко. В подтверждение тому и книга — воспоминания есть. И совместные фотографии свидетельствуют о том, что бывший начальник отдела занятости Ростовского горсовета Николай Бовдурец был на хорошем счету у всеильного шефа.

Позже мы с Александром побываем у него в гостях. Николай Григорьевич Бовдурец даже любезно пригласит нас на рыбалку. Ведь до Дона от его виллы всего 200-300 метров. Правда, из-за болотистой почвы, преодолеть их по донским колючкам оказалось совсем не просто. Мы пытались с Александром — не получилось. Тут сапоги нужны. Так что рыбалка с университетским другом отложена до лучших времен. Кстати, дабы отвести душу, можно порыбачить и не отходя от берега приятеля. Ведь рядом с ним имеется, искусно выложенный камнями, довольно вместительный водоем. В нем одно время и дикий утиный выводок жирок нагуливал. И караси, довольно солидные, здесь водятся. Однако, настоящему рыбаку простор и воля нужна. Это же ощущение дает лишь встреча с красавцем Доном.

Рыболовы Сергей Сердюков, Александр Борисов и Пётр Козин

По отъезду моему из Ростова в Орел Александру Борисову захотелось сделать что то приятное. И это ему удалось. Он вручил мне на память фолиант авторов Кондратьева и Теплякова, под заголовком «Книга рыболова — любителя». Чудесная вещь. С многочисленными иллюстрациями и наставлениями. К подарку Александр приложил свой автограф — посвящение следующего содержания: «Петру Козину, автору «Донских очерков». Горжусь нашей многолетней дружбою, в коей ты проявил себя подлинным патриотом — литератором, способным глубоко понять и отразить в своем творчестве красоту природы родного Дона и светлую душу русского человека. Преклоняюсь перед твоим терпением, что, к сожалению, не дано мне, днями проводить с удочкою на славном Дону. Тихо сидеть и радостно надеяться поймать свою золотую рыбку. Счастье и удачи тебе, рыболов и дорогой товарищ! Твой — Александр Борисов».

АФРИКАНЕЦ

*Он — русский, а не иностранец,
Хоть носит имя — Африканец!
Майор спецназа воевал —
В далекой Никарагуа...*

Потомков негров в США именуют — африкандерами. В России стало нормой называть участников войны в Афганистане — афганцами, а сражавшихся на стороне прогрессивных сил республики Никарагуа, бывшей союзнице СССР — африканцами.

С одним из них, бывшим майором спецназа Гареевым Георгием Ивановичем (фамилия по известным причинам изменена), мне довелось несколько дней совместно порыбачить летом 2008 года на Юрьевском пруду и Хотынецком озере.

1.

Гарееву сегодня всего 50, но вот уже 15 лет, с 1993 года, как он числится в пенсионерах. Инвалидность — следствие ранения в голову и позвоночник, Георгий Иванович получил при исполнении воинского долга. Ему подобные, увечные фронтовики, пытаются адаптироваться в мирной жизни. Не имея гражданской специальности, они соглашаются работать охранниками, на худой конец — сторожами. Гареев же, напротив, весь отдался увлечению детства — рыбалке. И в этом деле достиг полного совершенства. Не смотря ни на какие капризы природы, он слывет удачливым рыболовом.

Успех достигается за счет безупречной снасти, которая у него любо посмотреть: полное соответствие размеров и цветов — крючков и лесок, поводков и грузил. Подкормка и наживки строго пропорциональны величине и породе рыб. Учитывается все: скорость и направление ветра, атмосферное давление, температура воды и воздуха, облачность и время дня. Свои знания он черпает не из умных книг бывалых рыболовов, вроде Аксакова или Сабанеева, хотя с их трудами неплохо знаком, а из многолетнего личного опыта. В силу слабого зрения в последние годы Гареев

сменил поплавочную удочку на «Резинку». С нею больному позвоночнику легче переносить нагрузки. В отсутствие клева есть полная возможность ослабить его напряжение — встать, размяться, а то и прилечь на зеленом берегу.

Гареев — хороший товарищ, без предрассудков. Всегда поделится не только добрым советом, но и наживкой.

— Садись со мною рядом, — как-то он предложил мне, — и будем соревноваться: кто больше поймает?

— Кто может сравниться с Матильдой моей? — отшутился я, хотя его предложение и принял.

— Я тебе не Матильда, она дома допивать осталась.

— Ты о ком?

— О жене своей, хотя ее иначе — Норой зовут. Пьянь баба! Больше мужика глушит. От нее я чаще всего и спешу на электричку, чтобы мои глаза ее кислую физиономию не видели. На рыбалке все горести забываются.

— Выходит с норовом твоя Нора?

— Ха-ха-ха! Это уж точно. Она, что бык колхозный: упрется во что рогом, с места не сдвинешь! Из-за нее, проклятой и я пьяницей стал. Начнет бузить или перечить, да так наосточертеет, что взял бы за горло, да и придушил. Сидеть вот только за нее не хочется: у нас дочь славная растет. Жаль девушку сиротою оставлять.

— Жена на пенсии?

— Нет — годы не вышли. Еще работает. Одно не знаю, как ее еще держат там?! Впрочем, сейчас при демократах весь мир превратился в бардак: пьют, гуляют! Кто на что горазд.

— Выходит, она, как некогда пел Владимир Высоцкий: «Пью, но на свои».

— На мои 4 тысячи в месяц здорово не разгуляешься. А тут еще недавно на два куса милиционеры судом накрыли.

— Что за притча? — поинтересовался я.

— Не притча, как ты культурно выражаешься, а обыкновенная глупость на меня снизошла.

— Нельзя ли подробнее?

— Отчего, это можно. Однако, приятель, извини, клеует, — Георгий ловко взмахнул удочкой, положил ее на подставки и начал быстро выбирать леску. На одном из 8-ми крючков оказался крупный, грамм в триста, карась, — вот видишь каков гусь — это на мою перловку такие идут, не то, что у тебя на червя — до ста граммов не дотягивают. Выходит, сидим рядом, а я ловлю рыбу, а ты — рыбешку! Так, как с тобою, мы и с Филипповичем, с кем часто рыбалим, соревновались. Я наловил 8 килограммов крупника, а у него — три мелочи.

— Не беда. Я внимаю совету поэта Дмитрия Блынского, что писал:

*Что же ты не ловишься, рыбешка?
Разве ты не заешь, что война...
Мне бы пескарей
Хотя б немножко,
Мне большая рыба не нужна.*

— Ты мне о войне не напоминай. Я этого киселя (провел рукою по горлу) вот как нахлебался. Лучше возьми у меня перловки, коль своей нет, да и лови, что надо.

— Я и не напоминаю. Просто к слову пришлось. А за перловку спасибо.

Но сколько я не нанизывал — на подаренную наживку у меня вновь шла разная мелюзга — не по коню корм. Я понимал, что тут дело в снасти, а не в наживке. Моя же «Резинка», образца 80-х, в отличие от Гареевской, никуда не годилась. Тут дело мастера боится. Да, Гареев был настоящим мастером своего дела.

Когда крючки ушли в воду и наступила пауза, Георгий Иванович сам вызвался продолжить прерванную неожиданным клевом беседу.

— Вернемся, как говорят на Востоке, к нашим баранам, — сказал он, — то есть к событиям, что произошли у меня на Юрьевском пруду.

— А разве там и милиционеры были? — некстати спросил я.

— Оборотней в погонах там, к счастью, не было. Они появи-

лись уже в электричке, когда мы с приятелем — рыболовом Андреевичем там оказались. Мой собутыльник набрался так, что не мог идти. Чтобы не опоздать к сроку прибытия электропоезда, я его от пруда, более километра, буквально тащил на себя. И это с большим позвоночником при 34 градусах жары. У нас, спецназовцев, это в крови: сам погибай, а товарища — выручай! Вот и выходит Андреевича — этого 70-летнего выпивоху выручил — доставил на перрон, где он продолжал отсыпаться, а меня, копошащегося возле него, милиционеры и задержали. Обработали за непочтение к ним резиновыми дубинками и доставили в КПЗ.

— Ну и что!? Надеюсь, разобрались и выпустили.

— Как бы не так. Все дело в моей профессии. Тащит, оскорбляет меня лейтенант, а я ему говорю: «Ты куда майора волочешь? Я вас всех троих могу замочить». Развернулся и заехал первому попавшемуся по лбу своей тяжелой пятерней. К тому же ненароком и штаны ему порвал. Вот с того и «пошла писать губерния». На меня дело завели по статье — сопротивление властям. Подготовили справку медэкспертизы по поводу синяка на голове потерпевшего. Дочь посмотрела по компьютеру, сказала: «Папа, это по УК РФ на 8 лет тянет». Известно, дурное дело не хитрое. На суде здорово адвокат помог. Где-то хорошую характеристику на меня раздобыл. Я, протрезвев, понял, что натворил лишнее, извинился перед милиционером. Но, куда там. Обиженный офицер УВД потребовал от меня выплатить две тысячи за порванные брюки и 10 тысяч за моральный вред. Нужно отдать должное судье, что снизошел к инвалиду, проявил милосердие. Он, установив мою личность по компьютеру, узнал о моих боевых ранениях, и тут же переквалифицировал статью с «сопротивление властям» на мелкое хулиганство. Компенсацию за моральный вред счел излишней и оштрафовал меня за испорченную форму на две тысячи рублей. Хуже этого позор — появилась 1-я судимость.

— А, как же Андреевич? Ведь он тоже пьяным находился в общественном месте.

— С него, как с гуся вода. Он был в отрубе, сопротивления не оказывал — его просто бросили на платформе и забыли. Говорю ему после суда: «Из-за тебя весь сыр-бор. Ты хотя бы с уплатой

штрафа помог». Ответ огорошил: «Нет денег». На самогон хватает, а помочь товарищу средств нет — такова психология хитрецов. Вот и выручай таких «слабых» из беды. С того времени я видеть его не могу, а не то, чтобы вместе выпивать. Сам, наверное, слышал, как на пруду я ему в ответ на предложение «взять самогону», при тебе же ответил: «С тобою пить я завязал».

Такой факт действительно имел место, но тогда я еще не знал, что его собеседника, подходившего к нам с рюкзаком за плечами, зовут Андреевич, ни событий, с ним связанных. У меня как-то сложились стихи, и я их прочел вслух:

*Его пример тебе наука,
Как с кем попало есть и пить.
И поднимать на власти руки —
Опасней, чем в спецназе быть!*

— Не знаю, откуда ты эти стихи взял, но тут ты конечно прав, — согласился африканец и как-то грустно и задумчиво продолжил, — не спасай скорпиона, он и защитника укусить может. Такова сущность этого пресмыкающегося. Андреевич ведь самый настоящий скорпион и есть. Знаешь, что он мне сказал: «Никто тебя не просил тащить меня — сам виноват, сам и расплачивайся!».

2.

Как-то, прощаясь в электричке, (Гареев живет в Заводском районе Орла и выходит на станции ЦОН), он сказал мне: «Приезжай завтра. Сходим на озеро, там клев надежнее, чем на Юрьевском пруду, где уже дважды зло поусердствовали электроудильщики — головы бы им всем поотрывать». Я пообещал и верный своему слову в 4.18 утра забрался в электропоезд «Орел — Брянск». На ЦОНЕ Георгия Ивановича не оказалось. Я подумал, что приятель просто проспал, а если и приедет, то уже 8-часовым рейсом.

Я в полном одиночестве сошел на станции ХОТЫНЕЦ. Все другие рыболовы отправились дальше, на 73 км.

Озеро предстало передо мною во всей красоте утренней зори. Тишь и гладь. Лишь изредка гогочут гуси, да раздается нудное кваканье лягушек. Оказавшись у знакомой сижки, я быстрень-

ко разобрал и забросил в воду грузило. Однако, не удовлетворившись этим забросом, учитывая, что моя «Резинка» имеет около 11 метров длины и при рабочем натяжении 1 к 5 подведет мои крючки близко к берегу, я решил завести ее как можно дальше. Раздевшись, я взялся рукой за страховую леску и поплыл вперед. Отыскав грузило — тяжелый, округлый подшипник, я потащил его к противоположному берегу, до которого было не менее 200 метров. Меня же вполне удовлетворяло расстояние в 40-50. Озеро, имевшее глубину до шести метров, на моем участке оказалось неглубоким, а потому мне удалось легко справиться с поставленной задачей.

Выбравшись на берег, я нанизал на крючки червей, накопаные мною на собственной даче, установил удилище и стал ждать поклевки. Выудив пару небольших карасей, я отправил на леске несколько прикрепленных к ней кусков заранее подготовленного теста — клев стал активнее. Еще дважды я отправлял подкормку в воду, прежде чем услышал знакомый голос:

— Дмитриевич! Ты уже на месте. Молодец! Немножко посторонись, я свою снасть рядом заброшу. Не возражаешь?

— Какой разговор, пожалуйста. С чего опоздал?

— Вчера вечером выпил, утром подниматься тяжело, вот и приехал лишь к десяти. Но ничего, времени у нас до пяти вечера много, так что успеем и отдохнуть, и рыбы наловить.

На этот раз Гареев был не один. Рядом, с велосипедом в руках, стоял седой, крепкий старик. Крупные черты прищельца говорили, что передо мною — «лицо кавказской национальности».

— Дмитриевич! Это мой товарищ. Он грузин. И это ничего, что с Грузией мы сейчас в неладах. Пусть их президент Саакашвили — фашист, что уничтожил сотни невинных осетин, зато Зураб за много лет проживания успел ассимилироваться в России и стал другом русских.

— Чего нам делить. Сотни лет вместе. Почитай — с царицы Тамары и князя Георгия. Политики уходят и приходят, а простому народу надо жить в дружбе.

— Верно, Зураб. Еще Карл Маркс говорил, что нет таких гнус-

ностей и мерзостей, на которые, во имя власти, не отважился бы пойти капитал. Будь он грузинским или американским, еврейским или тем же русским. Пролетариям же ничего не остается, как только объединяться. Спасибо тебе, что дал похмелиться, не то голова кругом шла.

— Пожалуйста. А ты разве сегодня не наведишь Зину? Роскошная женщина, да и ты мужчина видный. Вы неплохая пара была бы.

— Когда я ходил к ней за самогонкой, то намекнул на амурь.

— И что?

— Говорит, что нельзя — муж, дети.

— Одно другому не мешает.

— Ха-ха! Сегодня буду у нее, еще побеседуем.

На этом разговор африканца с сыном Грузии печальной завершился. Зураб сел на своего железного коня и пообещав встретиться с ним на станции после рыбалки, чтобы вместе отправиться в Орел, нажал на педали.

Установив орудие лова, Георгий Иванович не замедлил порадоваться отличному экземпляру. На крючке бился крупный, едва ли не полукилограммовый карась.

— Ура, молодцам! — шутил он, — а у тебя лишь мелочь.

— Каждый петушок — знай, свой шесток! — скромно парировал я, — впрочем, можно провести эксперимент.

— Какой?

— А вот смотри, — сказал я. Спешно раздевшись, я взял с собой большой куль с комбикормом и направился в воду. Высыпав у крючков содержимое, я вернулся на берег, оделся и стал ждать. Не прошло и минуты, как я выгудил большого карася.

— Н-да, — улыбался Гареев, — действительно на искусного ловца и зверь бежит.

— Рыбе не столько наше искусство нужно, сколько отличный корм.

— Все верно, — согласился Георгий Иванович, — однако мне пора проведать красавицу Зину. Ты тут покарауль мою удочку, вещи, но ничего не трогай, я этого не люблю.

— А вдруг у тебя клевать начнет?

— Пусть, но, ты, пожалуйста, не пытайся тащить.

— Сказано — сделано, — отрапортовал я, — не прикоснусь, будь спокоен.

С готовою посудой в руках, через рвы и чертополох, Гареев отправился в направлении дома самогонщицы Зины. Спустя час, где-то около половины двенадцатого, бывлой спецназовец пришел с 600-граммовой бутылкою в руках.

— Как тут у меня?

— Клевало, но я, как мы уговорились, рыбью удаль проигнорировал.

— Все правильно. Не выпьешь из Зининого гранатомета?

— Я в детстве перепил самогона, — отвечаю, — а потому меня от одного его запаха воротит. Я больше на сигареты налегаю — на ленинскую «Ностальгию».

— Курить вреднее, чем пить. И напрасно Зинино изделие клеймишь. Оно чистое — из сахара приготовлено, хотя мне кажется, что тут и этиловый спирт присутствует. От того ее самогон, смотри, (он встряхнул содержимое бутылки), что десятилированная вода — кристально чистый, а главное — крепкий. Не попробуешь?

— Нет.

— А я выпью.

— Вольному воля. Только вот возьми мой огурец, вчера с дачи принес, закуси — я протянул Гарееву огромный зелено-желтый овощ. Ешь, только шкуруними. Нож дать?

— У меня есть свой, — майор вынул из кармана огромный серебристый нож с самовыкидывающимся лезвием. Полюбовался им и начал чистить, выбрасывая шкуру прямо в воду.

— Не засоряй озеро. Сам же клеймил жителей поселка за хлам, сбрасываемый ими прямо на лед по весне. Смотри, — я показал рукою на близлежащий ров, — там покоится шкура моего огурца, что до твоего прихода я съел, и там же лежат пустые сигаретные пачки.

— Как скажешь! — легко согласился Гареев, забрасывая огу-

речные отходы теперь уже в ров. Играя ножом, он пустился в воспоминания, — знаешь, иду как-то по темени, ранним утром на электричку, а навстречу мне три здоровенные фигуры.

— И, что им было от тебя нужно?

— Мужик, говорят, дай закурить? Я им в ответ: «Еще не купи!»». «Тогда, — говорят, — дай нам денег, мы сами купим». «Денги надо зарабатывать, а не выпрашивать, — отвечаю».

— Ты еще нам грубить вздумал! — крикнул один и бросился на меня. Благо, в кармане был нож. Открывать его не было времени, так я ударил нападавшего в голову прямо тупым концом. Тот, ясно, брык с ног. Второго уложил ударом ноги в его толстый зад. Но тут со спины на меня напала третья фигура. Ею оказалась на тренированная женщина. Она сдавила мне руками горло.

— Не на того напали! — не сдержался я от восклицания.

— Вот именно, — подтвердил Гареев, — невольно опасаясь за больной позвоночник, я, тем не менее, ловким приемом сам перехватил одной рукою ее гибкую шею. Ведь нас в спецназе, от рядового до полковника, учили одному — сворачивать вражьи головы. Сноровка пригодилась. Лежат хулиганы, корчатся, а я спокойно продолжал держать свой путь на железнодорожную станцию.

— Неудачно покурили ребята, — съязвил я.

— Крепкими были парнями мои обидчики. Да и дама тоже. Не будь ножа и подпусти их к себе ближе, мне бы не сдобровать.

— Не удался им их разбойный промысел.

— На этот раз, да. Но с тех пор я осторожнее вступаю в ночные беседы и всегда держу нож наготове.

Поговорив еще о том — сем, мы занялись удочками. К тому же, после обильной подкормки у меня отчаянно клевало. Георгий Иванович поймал еще лишь пару крупных карасей и отошел в тень под ракиту, где и прилег соснуть. Я не беспокоил товарища. Таким образом, сон «никарагуанца» — богатыря продолжался три часа: с половины двенадцатого до половины третьего.

— Ба! Да уже скоро три будет, а я все дрыхну, — подошел к удочке Гареев, — ты уже пескарницу — килограммов шесть наловил, а у меня всего четыре особи — одного килограмма нет.

— Ничего, я с тобою поделюсь. Ведь ты мне как-то десяток мелочи своей отдал, когда у меня не клевало. А сегодня я в фаворе. Настало время рассчитаться.

— Не дури! — остановил меня Георгий Иванович, — у меня дома одной сушеной рыбы целый мешок, а свежей — вся морозилка забита. Ведь я карасями не торгую, хотя и ловлю по 7-8 кг в день. Разве только, когда на бутылку поменяю.

— Спились защитники России! — вырвалось у меня.

— От такой жизни, как некогда говорил Михаил Шолохов,

— невольно запьешь. Не говорю уже о лжедемократах и бандитах, кои все и вся обложили, тут от собственной жены на край света сбежал бы.

— Выходит, она за бутылку и ты за ней?

— Ха-ха! Клин клином вышибают!

— Развеселая жизнь.

— Скорее, горемычная. Впрочем, нам уже и на станцию пора. Зураб, наверняка, заждался.

Мы вытащили на берег свои снасти, отряхнули их от нацеплявшейся травы, коей устлано все дно округлого, широкого озера. В этом я наглядно убедился, когда дважды забирался в теплую и с тинной зеленью воду.

— Вон, видишь на противоположном берегу огромную ракиту. Несколько лет назад я установил напротив ее 20-метровую «Резинку» и вытаскивал однокилограммовых карасей. Причем, ловил с полводы. Клев был отменный. Сейчас крупника выловили, но еще можно что-то взять.

— Как-нибудь попробуем, — предложил я.

— Это можно, — согласился Гареев, — укладывая за спиною на этот раз, совсем не тяжелый рюкзак. В нем находилось всего пять карасей. Это обстоятельство, впрочем, не расстроило хмельного рыбака.

С увесистою пескарницей в руке я направился на взгорье вслед за товарищем. От озера до станции всего одна верста, но преодолевали мы ее с трудом. Майор был пьян, а я не хотел оставлять его одного. По пути встретили Андреевича. Он был с не-

мым рыбаком и, как Гареев, в доску пьяным. Видимо, из опаски конфликта с бывшим приятелем, Андреевич приотстал. Немой же, напротив, увязался за нами. У станции стояла высокая водонапорная башня, дававшая тень. Под нею на траве сидели двое: наш старый знакомый грузин Зураб и обросший черной щетиной, средних лет, крепкого телосложения местный бомж. Он обратился ко мне с просьбой дать ему пару карасей.

— Зачем они тебе? — поинтересовался я.

— Я их съем, — ответил чернобородый.

— Сырьем?

— Да! Рыба сегодня стала дорогая.

— Тогда возьми и хлеб, а то вырвет, — я протянул бомжу рыбу и половину белого батона, что захватил из дома.

Едва бомж завладел моими подарками, как его осадил грозный голос спецназовца:

— Ты, почему побираешься, а не работаешь?! На тебе еще пахать и пахать можно. На озере живешь, а рыбою побираешься. Чужую удочку, что? Пропил?! Лодырь!

Не успел чернобородый бездельник что-то промямлить, как получил от Гареева увесистую затрепину.

— Зачем ты так? — возмутился я, — за что?

— Он сам знает за что! — был его ответ, — вот, черт, крепкий, я его ударил, а он не упал, а устоял. Удивительно! Видно от самогона я слаб стал.

Бомж с моими дарами в руках бросился наутёк, а мы отправились к подошедшей электричке. Уже сидя в вагоне Георгия Иванович поведаль мне о бомже.

— Вот, видишь, немного рыбака? — спросил он.

— Да, — отвечаю.

— Так, в прошлом году, он, будучи на рыбалке, выпил. Устав от жары, он положил свой рюкзак в укромном месте, близ станции, а сам отправился в магазин, чтобы купить воды. И, что же? Этот проклятый бомж выследил и украл у него его рюкзак со всеми рыболовными снастями. Женщины видели, как он бежал с чужим рюкзаком. Немой пришел к поезду, а снастей нет. Покри-

чал: «А-а-а!» и на этом все и окончилось. Вот сегодня этого бомжа я и пытался проучить. Да, жаль только, дело до конца не довел. Ну, ничего, Зураб знает, где он обитает, скажет.

— Бомж мне еще ответит, как больных людей обижать, — заключил африканец.

— Солдат всегда солдат! — вырвалось у меня.

— Не совсем так, — поправил меня Гареев, — спецназ всегда спецназ!

*И днем и ночью,
В трудный час,
От бед спасает нас
Спецназ!*

ПРИЧУДЫ ЮРЬЕВСКОГО ПРУДА

*Их не один, а добрых три,
Безлесных скромных водоемов.
И от зари и до зари
Плескалась рыба в их затонах.*

*Но радость рыбаков сразил
Ночной удар электрошока...
Он все живое погубил, —
Мальками, засорив протоки.*

В 13 км к западу от Хотынца, на невысоких холмах издавна располагается село Большое Юрьево. На окраине его в 80-е годы здесь был отстроен добротный животноводческий комплекс. Для животных потребовалось много воды, а потому не случайно в ближайших оврагах, где били подземные ключи, заботливые животноводы и землепашцы соорудили два пруда. Один назвали большим, а второй — малым. Позаботились крестьяне и о личном подворье. Непосредственно в селе был расширен собственный не-

большой водоем. Сюда завезли несколько бочек мальков: карпов, карасей и даже особей белого амура.

Местный житель, назовем его Владимиром Юрьевским, в ту пору работал на Орловском заводе приборов. Его заработки составляли по 400-500 рублей в месяц — это стоимость по советским меркам доброй коровы, а потому он, без обиняков — не обременительны расходы, предложил сотрудникам рыбопитомника 100 рублей за бочку малька с тем, чтобы зарыбить им два животноводческих пруда. Те согласились. Так, спустя несколько лет, село Большое Юрьево стало притягательным местом не только для своих любителей, но и для заядлых рыболовов из Орла и Брянска. Правда, уже в 90-е годы, нашлись двое «новых русских», которые стали изымать с приезжих за лов рыбы непосредственно в сельском пруду плату в сумме 100 рублей. Не велики, по сегодняшним временам, деньги, но орловские рыбаки — пенсионеры предпочитали ловить рыбу в двух бесплатных водоемах — для кармана легче, да и избежнешь разочарований на случай неудачи. Брянские же удильщики, напротив, спешили сюда, насыщенные о добротном клеве. Те, кто были хитрей, просили у «контролеров» выдачи квитанции. Объясняли при этом, что передадут их в налоговую инспекцию.

— Мы квитанций не выдаем, — разводили руками, удивленные такою наглостью, поборники «дани» и снисходили — черт с вами, сегодня ловите бесплатно, но более не приходите — не пустим.

О существовании Юрьевских «рыбных водоемов» я узнал от своего приятеля, заядлого грибника и рыболова Геннадия, некогда слесаря завода «Текмаш», а теперь инвалида — пенсионера. Устав бегать с кошельком в руках по дремучим лесам, он, ради отдохновения, закупал червей и опарышей и спешил на электричку, что направлялась в сторону Брянска в 4 часа 18 минут утра. Вот и долгожданная остановочная платформа, именуемая 73 км. Верста ходу — это даже для его больных ног не в тягость и перед взором открывается манящая панорама двух открытых всем семи ветрам водоемов. Выбирай место, устраивай свою «Резинку» и замирай перед вожделенным клевом. Некоторые его товарищи, подняв

удивленно брови, декламировали Михаила Боярского: «Куда вас к черту, сударь, занесло?!» и добавляли: «Не уж то ближе места для рыбалки нет?».

— Нет, — вздыхал Геннадий, — а если и есть, то не для нас честь! Или плати, или лови мелюзгу — чистить устанешь. А на Юрьевском водоеме что не карась — то стограммовый, а порою попадаетея и в 200-300 граммов веса. Его не то, что себе пожарить, но и продать можно. Все, никак, расходы на поездку оправдаешь. При моей пенсии в 4-5 тысяч рублей и самому существовать не просто, а тут еще надо безработную учительницу — дочь кормить. В общем, не разгуляешься, так что приходится вертеться, чтобы выжить.

С доводами приятеля трудно не согласиться, ибо таковы реалии быта. Правда, сам я, в отличие от предприимчивого Геня, никогда рыбу не продавал. Ею любила побаловаться моя жена Валентина Алексеевна, дочь Ирина со своей семьею. Для внучки Насти я непременно привозил в пескарнице живых карасей, с которыми она вдоволь игралась. Нередко я угощал «водными трофеями» и закадычного друга Сергея Шмелева. Рыбалка для меня не имела товарного значения, а была лишь, подобно писателю Сергею Аксакову, увлечением, делом «для души». Однако каждый волен распоряжаться своим товаром по собственному усмотрению.

По-разному складывалась моя рыбацкая планида на Юрьевском водоеме. Иногда я привозил домой всего по 10-20 особей, но в один из дней, установив 16-метровую «Резинку» на обочине пруда, я наловил более 5 килограммов отличных карасей. Но радость была омрачена в один из солнечных, нестерпимо жарких дней июля 2008 года. Изматываемые зноем и кровососами — оводами коровы с шумом кинулись в пруд. Они порвали и затоптали ногами и саму «Резинку», и крючки с лескою. Молодой пастух по имени Сергей загадочно улыбался. Он ничего не предпринимал, а лишь для виду покрикивая и играя кнутом, чтобы остановить животных, которых в стаде насчитывалось ныне, не то, что в годы власти Советов, всего лишь несколько десятков голов.

— Разве их при такой жаре удержишь!? — сказал он в свое оправдание.

— Но ты бы мог предупредить? — сетовал я, — да и «Резинка» стоит в 35 метрах от берега. Можно было, и остановить их прыть.

— Да они оводов больше, чем моего кнута бояться.

— Но тут глубоко, они же утонут!

— Ха! Коровы, как кони или те же свиньи умеют неплохо плавать! Они весь пруд, что шириною в 300 метров легко преодолеть могут.

Мне было ясно, что местные жители не рады приедем и при случае всегда горазды испортить им настроение.

В один из последних дней июля я приехал на пруд уже с одними удочками, что в отличие от «Резинки» легче убрать из воды в случае очередного нашествия беспокойного стада. Устроился на верхнем — малом пруду. Бросил в воду подкормку и стал ждать. Но как в «Сказке о рыбаке и рыбке»: сколько я, подобно неудачнику-деду с его неводом, не забрасывал свои удочки, сколько не менял наживку — все бесполезно. Непокойно было лоно водоема. Северный ветер гнал большую волну. По берегам — ни кустика. Лишь посреди прудов маячили сухие остовы былых берез и раakit. Удивительно, но даже там, где всегда взбивались буруны от прыгающих из воды карпов, было тихо. С криком и шумом пронеслись чайки, выхватывая с гребней волн плавающих на поверхности мальков.

Переменив несколько мест, в том числе и на большом пруду, я выудил за 11 часов лова всего лишь одного золотого карася.

— Да, твой «золотой», что рыжий Чубайс один — трех стоит! — шутили надо мною приятели — рыболовы. Они приехали 10-часовым рейсом электропоезда. Прежние мои два товарища из-за отсутствия клева уже свернули рыбалку и поспешили в Орел 11-часовой электричкой. Приехавшие на смену им опытные старики — рыболовы использовали для ловли тубики с жидкой смесью манки. Крючки укладывали с опаскою на зацеп прямо у подводных кустов. Оттого у них, хотя изредка, но клевало. К 17 часам, ко времени отъезда домой, они сумели выудить по десятку особей, Я же к своему «Чубайсу» так и не сумел, как ни старался, ничего присовокупить. Свою неудачу я списал на причуды

Юрьевского пруда, да на неблагоприятный северный ветер.

Побывавший на 73 км, уже 1 августа 2008-го, мой приятель Гена вернулся также как и я — ни с чем. Но ему удалось, наконец, раскрыть секреты Юрьевского пруда. Оказывается, что там здорово поработали браконьеры. Если ранее они выбивали электро удочками карпов, предварительно обложив кусты сетями, дабы не пропал их труд, то теперь прошлись по обоим прудам. Отчего здорово досталось и несчастным карасям. Белого амура еще ранее загубили. Их работа вылилась в большое количество уснувшей рыбы, что ветер гнал потоками к водному сливу. Это обстоятельство было к удовольствию разве только одних ненасытных чаек.

— Но где был хозяин и смотритель Владимир Юрьевский? — наивно поинтересовался я у приятеля, — ведь ему не безразлична судьба его хозяйства?

— Да сам он все и организовал, не иначе, — тяжело вздохнул Геннадий, — нам запрещал использовать донки. Те же «Резинки». Лодочников просто гнал с пруда. Теперь же, видимо, решил вычерпать все живое до дна. Откроет ставни-затворы и спустит всю воду. Ведь не случайно он как-то вел разговор с нами об очередном — новом зарыблении водоемов. Постоянно твердил о своем бескорыстии, но «жаба наживы» скрытно душила его — не по душе было нашествие любителей — рыболовов. Вот нам в пику он и устроил это чудо. Сегодня рыболову, как и крестьянину — некуда податься. Прекрасный пруд в «Понырях» загубили теми же электроудочками прокуроры и милиционеры. Местные жители с жалобами на них в суд, а им от ворот поворот. Спустили, но так и не восстановили великолепный водоем в Куракино. Да мало ли где нашему брату — рыбаку устроили препоны. Лихое время пришло, а жить как-то надо.

СПЕКУЛЯНТЫ НА МИЛОСЕРДИИ

*Есть спекулянты разных видов:
Одни на рынке — цены рвут,
Другие, нагло и открыто —
В счет милосердия живут!*

Нет, наша речь пойдет не о назойливых бедных цыганках. И не о жалких «таджикских девочках-наркоманках». И, не о бомжах — калеках, что, получив «милостыню», тут же выбрасывают за забор «пустую мелочь». На человеческом благородстве часто спекулируют вполне нормальные, здоровые и сытые люди. Тому не мало классических примеров.

РОТОЗЕЙ

*Не редко слышу от друзей,
Что я — простак и ротозей!*

Вспомните один из эпизодов популярного советского фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Несчастный герой не смог сесть в троллейбус, а все потому, что ублажал очередь: то пропускал вперед себя стариков, то старуху с ее корытом, то молодую маму с ребенком.

Таким, на поверку, ротозеем нередко оказываюсь и я. И не только в подобных ситуациях, но и когда прихожу в поликлинику, где обязательно пропущу вперед себя: то «старших», то явных калек, то женщин и девушек. Глядишь, а время приема уже окончилось.

Чиновники развесили объявления, гласящие, что к врачу, вне очереди могут пройти: Герои России, ветераны войн, кавалеры трех орденов Славы. Я же, ветеран Труда с полувековым стажем, молча и терпеливо жду свой черед. Нередко задумываюсь: «А почему бы для всех «заслуженных» не организовать отдельную поликлинику, типа некогда Кремлевской больницы?». Зачем искусственно усложнять жизнь больным людям. Нет, сами чиновники

стоять в очереди не будут, у них все схвачено, а милосердия они добиваются за счет рядовых граждан.

Меня несказанно удивило наимудрейшее решение нашего все сильного губернатора Егора Семеновича Строева: не выплачивать, в целях экономии средств, «Ветеранам Труда» их — поощрительные 300 рублей, если они переходят в разряд инвалидов. Дескать, льгота должна быть «едина». Нонсенс, да и только. Забывает «Почетный Председатель Совета Федерации», что сам он пользуется многочисленными льготами, и не от одной из них публично не отказался. На поверку, все та же «добродота», но за чужой счет.

СИНДРОМ «МУЛИ»

*Есть сказка,
Как побитый волк
Лису нес с пруда,
Сам не свой.
По глупости,
Не взявши в толк,
Что одурочен был Лисой!*

Находчивая, дородная героиня (актриса Раневская) также одного из советских фильмов навесила на своего малорослого и смешного мужа Мулю всевозможные сумки с ребенком в придачу и гордо выбивает у граждан «слезу» снисхождения. Совестьливых людей немало, и они уступают ему, а значит и ей, свою очередь и свои места в транспорте.

«Синдром Мули» срабатывает и сегодня, в постсоветское время. Как-то в жаркую пору лета 2008, в вагон поезда «Орел — Михайловский рудник», на платформе «Гостомля» ввалилась пожилая чета. Еще моложавый старик-пенсиянер, весь красный от натуги тащил тяжелую корзину с грибами, а следом за ним с неполным ведром шагала его ухоженная и крепкая половина. И, что же? Она страшно сетовала, что места, где была тень, все заняты, а ей приходится сидеть под палящими лучами солнца.

— У моего мужа, — упрасивала она проводницу, — большое «Давление».

— А вы опустите тент, и окно откройте, — посоветовал ей мой сосед — инвалид Геннадий Иванович, — и солнце не будет досаждать, и свежий воздух смягчит усталость.

— Чем советовать, лучше бы уступили свое место! — осадила его ретивая пассажирка.

— Да, я старше и чахлее после инфаркта твоего мужа! — парировал товарищ, — да и какая была нужда одному 4-х ведерную кошель с больным сердцем волочь? Не голодный год. Можно было и на двоих груз разделить.

— Тебе не спросились! — огрызнулась урезоненная дама.

Самое удивительное было в том, что по прибытию на станцию «Орел» незадачливый грибник, также как ранее, один вытаскивал из вагона огромную корзину, а следом за ним, подобно Раневской, с горделивым, как у гусыни, видом, полупустая, вышагивала его цветущая супруга, неизменно требуя уступить им дорогу.

Наблюдая за сей комедией, Геннадий Иванович в досаде сплюнул, сказал:

— Поистине, наглость — второе счастье!

ЛУКАВЫЕ СЕСТРИЦЫ

*Как льстивы и блаженны лица,
Когда им надобно помочь.
Но, как грубы в Ваш след сестрицы,
Когда от них уйдете прочь!*

Из многочисленных рассказов о славном Ходже Насреддине мне особенно запомнился эпизод с тонушим богатым человеком, ко-торый, погибая, все никак не хотел расстаться с тяжелым ко-шелем.

— Дай руку! — просили его смелые горожане, — и мы выта-щим тебя.

Но все напрасно: несчастный барахтался в воде и на обра-

щение «Дай!», никак не реагировал. И лишь находчивый Ходжа отыскал способ спасения.

— Разве не видите, — сказал он собравшимся, — что это богатый человек, а значит, он не знает или не хочет слышать слово «Дай!». Мы поступим иначе.

Насреддин достал золотую монету и, поманив ею утопающего, приговаривал:

— На!-На!-На!

И произошло чудо: богатый человек протянул руку за монетой и был спасен.

Совсем не бедными, а с солидными, в 9 тысяч, пенсиями, живут — поживают две старушки-сестрицы, коим на двоих 163 года. Одна, громадного роста, с рокочущим басом, сухощавая и жилистая, старше другой — писклявой, низкорослой и худенькой где-то на два-три года. Всем заправляет старшая сестра. Она определяет места в вагоне, когда они, что происходит довольно часто, вместе отправляются за грибами, время завтраков и полдников. Едят они шумно и долго, постоянно ссорясь и мусоря.

Старшая, по имени Рита, всегда с худым рюкзаком за плечами и неизменною палкой в руках, младшая — Груня же тащит не только рюкзак, но и большую корзину, кою впору волочь разве лишь сильному мужчине.

Здравомыслящие горожане порою диву даются: зачем им столько грибов? Им впору самих себя до первых кустов дотянуть. Наивные! Посмотрели бы только на них в деле! Мне это доводилось и не раз.

В страдную пору, когда свинухов и подберезовиков хоть косяк коси, они набирают их полную корзину. Взявшись за концы веревок, несут двое. Но, чаще всего находят добряков, вроде меня.

— Мил человек! — обращается ко мне Груня, — не сможешь ли нам донести нашу кошелку вон до тех кустов. Она показывает на далеко маячившую стайку берез, до коей не меньше полукилометра.

Что делать. Оставляю свой груз у приметной ели, примечаю, и, вскинув на плечи веревку, волоку их поклажу.

— Вот, молодец! Вот хороший человек! — с улыбкою приговаривают они. Подсластив лестью мою горькую пилюлю, они, однако, быстро умолкают. Некогда балясничать — еще ведра пустые. Весь в поту, я дожидаюсь их у заветных берез. Наконец, они с полными ведрами коричневых свинушек появляются возле меня.

— Отдохнул, — говорят, — а теперь, будь добр, поднеси еще немного, хотя бы вон до того дуба.

При этом елейно приговаривают: «Вот это — труженик, настоящий мужчина, не то, что некоторые олухи и бездельники, коих не дозовешься, не допросишься. Уважительный человек, культурный, не оговорится, чтит старших!».

Решаю про себя: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Выполняю и эту просьбу.

— Вот, спасибо! — рокошет Даша, — а теперь и будка видна, и платформа, как на ладони. Иди, добрый человек, к своей корзине, а тут мы теперь и сами сладим. Или, вон еще, мужик по кустам бредет, что твой бугай здоровый, поможет. Ха-ха-ха!

Это их «ха-ха-ха» отрезвляет меня. Из слабых, тщедушных старушек они мигом превращаются в моем сознании — в лукавых и привередливых страшилищ, так похожих на сказочную Бабу-Ягу.

Когда, будучи уже дома, я рассказал о них своей жене Валентине, то она, выругав меня, назвав простофилей, сказала:

— Таких — алчных и жадных старушек и на нашем рынке полно. Недалеко от нас торгует 83-летняя бабка. У нее муж полковник. Он 20 и она 14 тысяч получают одной пенсии. Все мало. Приносит на базар поношенные свои тряпки или скупает где что по дешевке и торгует — рубля не уступит. И твои Даша с Груней — хапуги известные. Пенсию в чулок складывают, а за грибы водкой отовариваются. Не смей больше помогать им!

Однако, не вняв ее приказу, я еще дважды помогал сестрицам, а затем, памятуя, что Бог — троицу любит, стал сторониться их. Тем более я стал замечать, что они втихаря выпивают в вагоне. Нередко выпрашивают сто грамм у доверчивых подруг, коих называют, как в деревне, доверительно ласково — товарками.

И теперь, когда я слышу вновь льстивые речи, обращенные к молодым грибникам, помогающим, за незнанием сути, затащить в вагон их громадную, широченную корзину, то мне становится грустно, не по себе. Ибо, как день, ясно: лукавые сестрицы в своем амплуа! А простаков на Руси — пруд пруди!

ХЛЕБ ДЛЯ БЭМА

*Хлеб, предназначенный для Бэма,
Я отдал не голодным псам,
Как сам он, дачник неизменный,
А сизо-черным голубям!*

Начало лета 2008 выдалось хотя и прохладным, но сухим. Трава в низинах и ложбинах, где была тень, под раскидистыми, с густою листвой деревьями, наливалась соком. На взгорьях и открытых солнцу равнинах, напротив, сохла и желтела. Бродя по редколесью в поисках грибов, я нещадно мял ее своими толстыми кожаными ботинками. Под их широкими подошвами слышался неприятный шорох и хруст, а порою и звуки, напоминающие треск лесного костра, когда в него бросают охапки тонких пересушенных веток. Грибов попадалось мало. Да и те, что изредка тешили взгляд своей внешней красотой, на поверку оказывались негодными, сплошь изъеденными червями, мокрицами и слизняками.

10 июня, шестичасовой электричкой «Орел — Тула» я прибыл на остановочную платформу 117 км. Сошел из вагона и устремился через овраг в ближайшую березовую рощу, что была слева по ходу движения состава. Успел вспотеть, ибо путь на гору через густую крапиву и колючий шиповник был не из легких. Взобравшись, наконец, я увидел на ее вершине, под мощной березой останки белого гриба. Пройдя несколько метров, наткнулся на тройку свинушек. Они оказались, как я и ожидал, также непригодными для употребления. Пришлось преодолеть более километра, прежде чем я наткнулся в ложбине, у стройного ряда толстоствольных берез на огромный гриб. Ножку белого красавца,

по известным причинам, пришлось ликвидировать. Внимательно присмотревшись, я обнаружил под мелкими ветками и редкой травой еще пять грибов. Они были совсем молоденькие, симпатично тугие, но у самых корешков и здесь поработали слизняки. Положил я в лукошко и пару свежих подберезовиков. Пересчитал трофеи. Треть корзины заняли, кроме них, еще семь белых. На все это у меня ушло не более двух часов. Времени для сбора лесных даров еще было много, и я устремил свои стопы в направлении дачного поселка, что расположился у платформы 119 км.

На взгорье, разделенное защитными полосами, бежали друг за другом плантации садов. Большая часть яблонь состояла из сушняка. На свежих ветвях висела молодая завязь. Подумалось: осенью будет урожай.

Впереди виднелась белоствольная роща, что сладко манила к себе в объятия, но путь к ней преграждали густые заросли крапивы и колючего кустарника. Я решил спуститься по накатанной машинами дороге, в низину. А, пройдя по известной мне по прошлым годам походам тропе, выйти к березам. Все бы так и было, если бы мне путь не преградила громко лающая собака. Рыжая, ростом с овчарку, она смело бежала мне навстречу. На мои команды: «Назад!», «А-гу!», «Домой!» она никак не реагировала. Осмотревшись, я не увидел близ себя ни палки, ни камня. Будучи совершенно безоружным, перед разъяренной рыжей бестией, я решил повернуть назад. Не побежал, дабы не спровоцировать собаку на погоню, а, преднамеренно сбавив ход, направился к дачам. У крайнего от дороги низкого дачного домика с высокой остроконечной крышей, покрытой талью, я увидел пожилую женщину. Вежливо поздоровался. Спросил: «Когда будет ближайший, на Орел, поезд?».

— Десятичасовая электричка уже ушла, — со следами былой красоты хозяйка дачи внимательно оглядела на меня, поинтересовалась — ну, как, грибов-то нашли?

— Не густо, — я показал ей содержимое корзины.

— В такую сушь и это хорошо. У вас есть время. Походите еще. Вон, моя соседка Дарья, что видите, в огороде копается, — отменная грибник. Она любому мужчине — любителю фору даст,

— собеседница указала рукою на склонившуюся над грядками пожилую женщину в брюках и светлой кофте, — после дождика или в теплое утро, на зорьке, пойдет в лес и без трофеев не возвращается. Есть у нее старозаветные места. Всегда они ее выручают. Да у нее, как у собаки на мясо, на грибы чутье есть.

— Именно собака мне и помешала.

— Вы о которой?

— Да рыжая овчарка за мною гналась. Никакие уговоры не помогли — дорогу так и не уступила.

— Да это же наш БЭМ! Как всегда голодный. Вы бы ему хлебушка бросили. Он старый, уже без половины зубов и добрый. Всех нас до остановки провожает, а то и встречает. Хозяин его ослаб, редко на дачу навещивается, вот он за счет общества и кормится. Вы сейчас подождите, пожалуйста, я хлебушка возьму.

Симпатичная, на редкость сердобольная пенсионерка, быстро сбегав в дом, вынесла и протянула мне большой кусок пшеничного хлеба, мягко сказала:

— Идите спокойно. Залает Бэм, а вы ему хлебушка и бросьте. Он мигом замолчит — за друга признает. Вот вам в лес путь и будет открыт. Походите, походите. Глядишь, что — нибудь и еще найдете. Добавьте жене на жаркое.

— Спасибо! — тепло поблагодарил я дачницу, что родом из Мценска, старинного русского городка, где не перевелись еще советского воспитания — внимательные, добропорядочные женщины.

Покинув гостеприимную хозяйку, я направился напрямиком к березовой роще. В руках у меня лежал хлеб. Я напрасно оглядывал дорогу: Бэма нигде не было — не видно и не слышно. Со словами: «Прости, Бэм!» я положил предназначенное ему угощение в корзину и взобрался на пригорок. Внимательно осматривая полянки с редкой травой между деревьями, я обнаружил у высокой сосны небольшой белый гриб, затем у березки — второй. На этом моя «тихая охота» и окончилась. Несмотря на то, что я еще вышагал не менее трех верст, но лес так и не подарил мне более радости встречи ни с белыми, ни с подберезовиками, ни с прочими грибами. Сушь

сделала свое дело. Как шутят у нас на Руси: грибы появятся после дождика в четверг.

Возвратившись в Орел, высыпая на балконе своей квартиры дары леса, я вдруг обнаружил среди них уже забытый мною кусок пшеничного хлеба. Вместе с ним спустился по лестнице в подвезд, вышел на улицу. У меня было твердое намерение отдать предназначенный для Бэма хлеб какому-нибудь его бродячему собрату. Увы! Поблизости, как прежде на мценской даче, ни одного гуляющего пса. Незадача, да и только. Но тут мое внимание привлекли токующие голуби. Им то я, предварительно раскрошив, и отдал его со словами: «Вот вам угощение от Бэма. Ключите и благодарите!». Голуби, распустив крылья, все так же воркуя, активно заработали черными клювами.

АНТИСУСАНИН

*Когда мы были сбиты с толку
И не могли решить вопрос:
— Где отыскать Оки — истоки?
Пришел на помощь Чемикос.*

По сотовому зам генерального директора туристической фирмы «Актив-Тур» Людмила Ивановна Асессорова сделала мне предложение выступить в роли экскурсовода по теме «Исток Оки».

— Он имеет место быть где-то близ деревни Александровка Глазуновского района, — сказала она, — но точный маршрут водитель, к сожалению, не знает.

— Я, давненько, правда, бывал на рыбалке в колхозе имени Ленина, — отвечал я, — недалеко от их пруда, по моему разумению, и берет свое начало матушка Ока. Но дороги, как и все на этом свете — в вечном изменении, как бы не опростоволоситься.

— Не будем зазя печалиться, — успокоила меня Людмила Ивановна, — язык, известно, до Киева доведет. Не впервой открывать неведомые пути.

На том и решили. Я основательно подготовил теоретическую часть и утром 29 мая 2008 года с учениками и учителями 19-ой школы Орла экскурсионный автобус под управлением высокого ростом и плотного телосложения молодого водителя, назвавшегося Александром, взял курс на поселок Глазуновка.

— Ока — главный приток великой русской реки Волги, — рассказывал я ребятам, — она начинается в неглубокой заболоченной балке, на высоте 226 метров над уровнем моря. Ее бассейн занимает 60 процентов территории Орловской области с площадью водосбора 16 540 квадратных километров. В пределах водосбора насчитывается 1315 потоков, из которых 1200 (91,3%) составляют ручьи длиной менее 10 км. Общая длина всех малых речушек — 6 403 км. Протяженность Оки на нашей территории — 220 км.

На мой вопрос: «Какие вы знаете крупные притоки Оки?», школьники хором назвали: Зушу, Рыбницу. Цон, Кромы, Орлик и Оптуху. Это не удивительно. Многие реки они ранее видели сами или слышали о них от учителей и родителей.

Весь путь, вплоть до развилки дорог, вблизи железнодорожной станции Глазуновка я не выпускал микрофон из рук. Во всех подробностях дал ребятам характеристику водных ресурсов, животном и растительном мире родного края. Но настало время решать: куда нам путь вершить? Одинокая пассажирка у автобусной остановки указала рукой: «Езжайте вправо!».

Миновав железнодорожные рельсы, мы выехали на широкий простор полей. По пути посадили молодого человека, дабы уточнить маршрут. Наш гид, одетый в защитную форму, оказался студентом по имени Виктор. Сходя из автобуса, он поблагодарил нас за мягкую доставку — за лесом уже были видны дома его отчей деревушки. На прощание Виктор убедительно наставлял водителя: «Держитесь прямо, там и упретесь в этот самый исток!».

Погода в этот светлый четверг была поистине майской — теплой и солнечной. Души наши ликовали от восторга встречи с живописной сельской природой. Когда же, влево от нас оказался поворот, то я сказал водителю:

— Саша! Я помню, как еще 20 лет назад, я на своем красном мотоцикле марки «Минск» мчался на рыбалку. Это — поворот, как раз и ведет к пруду колхоза имени Ленина.

— Но наш гид предупредил, чтобы не сворачивали, — ответил тот.

— Что ж, поверим в разум студента, — не стал спорить я.

И, как выяснилось, совершенно напрасно. Миновав ухоженную трассу, мы оказались на совершенно разбитой дороге и, проехав не менее 15 верст, притормозили у одинокого дома неизвестного нам селения.

— Наш поселок называется Новый Хутор, — объяснила нам хозяйка усадьбы Нина Васильевна Чемикос, — сами видите, живем среди лесов и болот. Мы да звери. Лисы так обнаглели, что белым днем кур воруют. Уже от четырех несушек одни перья только за эту весну остались. Мы с мужем долгое время работали в Киргизии, а когда в 1991-ом случился развал СССР, то на следующий год переехали на жительство в Россию. Вот уже 16 лет и обитаем здесь, на этом глухом хуторке. Вы ищите исток Оки? Но о нем вам лучше мой муж расскажет. Вон, кстати, он сам и легок на помине.

Вежливо поздоровавшись, пятидесятилетний мужчина в защитном камуфляже, внимательно выслушал нас.

— Исток Оки, если ехать напрямую, через лес, находится в 6 км, не более, — твердо сказал он, — но на вашем громоздком автобусе там не проехать — мосток слабоват. Я на своем «Москвиче» в те места на рыбалку езжу, да и то разве в сухую погоду. Есть резон вернуться назад в Глазуновку и избрать другой путь.

— Но в два конца это лишних 60-70 верст составит, — растерялся водитель.

— Это так, бензин и все прочее, но зато безопасно. У вас же дети. Впрочем, выход можно найти. Вы меня немного подождите, я сейчас из гаража свой автомобиль выгоню и покажу вам более безопасную, чем напрямик через лес, дорогу.

Действительно, не прошло и пяти минут, как Сергей Михайлович Чемикос, так звали нашего проводника, скомандовал:

— Разворачивайтесь на свою прежнюю трассу и следуйте за мной!

Водитель Александр неукоснительно исполнил указание коллеги. И мы, несколько растерявшиеся и погрузневшие от неужи-

данной неудачи, поехали в обратном направлении. Версты через три, при повороте на полевую дорогу состоялся обмен мнениями. Чемикос спросил Александра:

— Грунтовка не опасна для автобуса? Рядом с дорогой пашня, так что придется лавировать, держаться ближе к лесной обочине, где грунт крепче.

— Проскочим! — уверил товарища водитель автобуса.

— В таком случае — за мной!

Юркий «Москвич» газанул и быстро скрылся за облаками пыли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Добрых 12 верст бездорожья, по ухабам и увалам пришлось выдерживать неунывающим экскурсантам, которым стало даже нравиться это дорожное приключение. Все мы как-то сразу поверили в добропорядочность и надежность новоявленного знатока лесных троп, нашего Дерсу Узала.

Вот, наконец, и миновали последний увал. Впереди асфальтированная дорога. Все печали как рукой сняло. С песнями прокатили по прудовой плотине еще километр пути и перед нами обозначилась стелла с русским сказочным петушком на самом шпиле. Он вертелся, подобно флюгеру, указывая направление ветра и стороны света. На стеле было можно прочесть слова: «Исток Оки». Внизу был помещен стихотворный текст и сообщение, что это охраняемая государством с 1996 года рекреационная зона.

Все мы выскочили из автобуса и окружили опирающегося на кабину легковушки, улыбающегося Сергея Михайловича. По поручению Людмилы Ивановны, я вручил ему сто рублей со словами: «Это на бензин!». Со всех сторон посыпались в его адрес слова благодарности:

— Вы наш спаситель.

— Вы — второй Иван Сусанин!

— Никакой я не Сусанин, — возразил Чемикос, — Сусанин завел врага в болота, дебри, я скорее — Антибусанин, ибо вывел вас из таковых. Да километров на 60 помог бензину сэкономить.

— А ведь это правда, — первая угадала смысл нового термина

учительница химии Васильченко Зоя Александровна, — как мы, порою, не задумываемся над точностью выражений. Сразу видно, что Сергей Михайлович — культурный, образованный человек. Наши бы орловцы никогда бы нас так не выручили из беды.

— Вы — киргиз? — поинтересовался я.

— Почему?

— Фамилия у вас не русская.

— Это украинская фамилия. Выходит, я на половину — хохол и русский, хотя большую часть жизни и провел в Киргизии.

На прощание группа экскурсантов сфотографировалась с Антисусаниным, пообещав ему выслать в его адрес фотоснимки — на память.

Когда «Москвич» нашего героя скрылся из виду, минуя чертову дюжину лесных леших и русалок, выставленных у елочной аллеи, мы направились к месту истока Оки. Вот и небольшой колодец, в который из вставленной в камни невысокого холмика трубы текла светлая и сильная струя холодного ключа-родника. Из колодца водосток устремлялся в болотце. Из него в небольшой, заросший травой и камышом, коряжистый пруд — излюбленное обиталище неутомонных трудяг — бобров. На высоком берегу пруда, там и сям, виднелись одинокие хатенки. Они-то, видимо, и составляли вкуче старозаветную деревушку Александровка — конечную цель нашего столь необычного путешествия, в котором главным героем были не экскурсоводы и педагоги, а ставший неожиданно знаменитым скромный житель поселка Новый Хутор Сергей Михайлович Чемикос — наш верный Антисусанин.

ДИРЕКТОР ЛЕСА

*Мадлен надменна, злее беса —
Ей только со зверями жить.
Ее зовут — директор леса,
За страсть людьми руководить.*

В лесу, на 75 км в направлении «Орел-Железногорск», мне как-то довелось встретить огромного, с ветвистыми рогами лося. Я, увлеченный сбором грибов, не заметил, как он оказался совсем недалеко, в каких-то двадцати метрах. Свысока оглядев меня, зверь ловко развернулся и устремился в труднопроходимую чащобу березняка и осинника. Я же за благо счел направиться в противоположную сторону — от беды подальше. Вот так же, как с лесным зверем, я поступаю и при встрече в электричке или на грибной тропе с высокорослой, в камуфляжной форме «гром-бабой» по имени Мадлен: бегу от нее, куда глаза глядят, дабы не сцепиться, не брать зазря греха на душу. Замечу, что Мадлен настолько известная и яркая личность среди грибников Орла и завсегдатаев базарного мира, что называть ее настоящее имя чрезвычайно опасно — побить может. А уж, коль отколотить не удастся, так ославит на всю Ивановскую. Скандалы — ее хобби, ее форма существования. Нет ни одного самостоятельного грибника, избежавшего ее злой ауры, с кем бы она не поссорилась.

Мадлен еще относительно молодая — лет 65 — пенсионерка. И вот уже десяток лет, как она промышляет грибами. По договору поставляет их: много или мало, в зависимости от урожая, орловским организациям ВОГ И ВОС. Глухие и слепые завсегда имеют возможность отведать лесное лакомство. Цены за грибы у нее гораздо выше, чем у базарных торговков — наценка за качество и оперативность доставки. С этим у Мадлен, действительно, врать не станем, все в полном ажуре. Дождь ли, ветер, в праздники и будни, она завсегда с рюкзаком за плечами и сумками в руках. И ведро лесных даров предложит покупателю: грибок к грибку.

На «тихую охоту», впрочем, таковая редко случается из-за ее капризного, взрывного характера, она берет с собою одного-двух

спутников. Дабы продемонстрировать перед ними свои умения и смекалку. Хвастливость, самореклама — ее неотъемлимые качества. Более предпочитает «охотиться» с мужчинами, они терпеливее и сходливее, чем женщины. Но, не дай бог кому-либо из сотоварищей вырваться вперед. Он тут же будет осажен окриком: «Ты, что вздумал у меня из-под носа свежаков рвать? А, ну, пошел в сторону!».

Мадлен удачлива. Она исходила и изучила все окрестные леса, знает, в каком овраге растут лисички, под какими березами укрывается белые, на каких пнях красуются опята. И не приведи господь кому-то набрать больше ее — тот сразу же зачисляется в разряд неблагонадежных соперников. С послушником запрещается не только разговаривать, но и просто здороваться. Это она — первая и неповторимая, все остальные — глупцы и лентяи. Если кто-то из озорных дам пытается это опротестовать, то тут же получает оскорбление, типа: «Чья бы корова мычала, да твоя бы молчала!».

На станционной платформе, в вагонах поезда, она обойдет каждого и проверит: кто сколько собрал? И незамедлительно прокомментирует: «У тебя не грибы, а мусор» или «Твои свинухи и свиньи есть не станут — черви одни!». А дабы каждый знал свое место — обязательно продефилирует с ведром лесных красавцев по всем вагонам. Некоторые любопытные пассажиры попадают на ее удочку, и покупает их у нее. И, безусловно — за высокую цену!

Мадлен часто урезонивает мелких торговцев: «Вы тут днями стоите на солнце, жаритесь, а что в итоге: одна — две тысячи барыша, а я на грибах по 6-7 тысяч в месяц имею — и никаких налогов. Надо трудиться, а не бражничать за счет спекуляции!».

— Но не у всех твое здоровье? — тяжело вздохнут они, — что бы по поездам и лесам мотаться, как ты? Да и проезд кусается!

Как-то мой приятель Афанасий Петрович, не раз сопровождавший в походах «директора леса», сказал мне:

— Знаешь, Мадлен мне призналась, что стала уставать и прихварывать. А я ей в ответ: «Ты не любитель, а грибник — заготовитель. Для тебя важнее всего — количество и прибыль! Так и молодого надолго не хватит». «Да, изнасилась, — говорит, — на-

брала 10 тысяч, собираюсь поехать в Кисловодск, как некогда лермонтовский Печорин — на воды, подлечиться! Желудок стал барахлить».

— И поехала?

— Пока нет. Жадность она и ффраера губит. Жара, сушь стоит. Все дома отсиживаются, дождя ждут, а она и в зной испытывает удачу — болезнь усугубляет.

В один из палящих августовских дней 2008 я вышел на платформе 76 км и ужаснулся: из грибников нас оказалось лишь двое: Мадлен и я. По обыкновению, я сразу же устремился в лес. Меня озадачил злой окрик:

— Меня хочешь обогнать? Не удастся!

Не вступая в пререкания, я продолжил свой путь. Мне было ясно, что Мадлен обязательно наведается в урочище, что лежит за бетонкой, там всегда можно отыскать белые грибы. Встречаться там с нею было не резон. И я решил поступить, как это делают дилетанты: ищут там, где ничего нет. Умные туда не идут, ибо по опыту знают, что их нет, потому что грибы ранее обобраны, а потому их не может быть. И право, как молодые, необстрелянные разведчики, оказываются порою удачливее опытных снайперов, у которых попросту «замыленный взгляд», так и я неожиданно оказался в фаворе. Буквально рядом с дорожкой, среди могучих белоствольных берез я отыскал такое количество царственных особ, что ими оказалась доверху наполнена моя двухведерная корзина, покоившаяся в рюкзаке, и плюс к тому в руках я держал еще небольшое лукошко — сетку. В ней также радовали глаз благородные великаны и их меньшие собратья.

На платформу я пришел за десяток минут до прибытия поезда. Сняв рюкзак, я сел на горячую от солнца панель и стал переобуваться. Там уже, с пустым, обвисшим рюкзаком за спиной, стояла Мадлен. Рядом у ее ног покоилось ведро с лесными дарами. «Директор леса», по-хозяйски, бесцеремонно, подняла мой тяжелый рюкзак, заглянула в мое лукошко и с нескрываемой обидой выдавила:

— Где ты их столько насобирал?

— Ни за что не поверите, — отвечаю, — но все это я нашел в лесу.

— Ну и лукавый ты, Дмитриевич, отчего я тебя и терпеть не могу. Не можешь ответить просто, а все с шутками, да прибаутками.

— Уж, каков есть, — улыбаюсь я и радостно кричу, — а вот и наш «паровоз вперед летит!».

— В коммуне остановка! — проскандировала вслед за мною Мадлен, — да, только сегодня мне людей порадовать нечем — совсем мало грибов. Да и что есть — все испорчены — червями изъедены, солнцем опаленные. До дождей не резон в лес мотаться. Болезни усугублять!

— Это уж точно, — согласился на этот раз я с «директором леса».

СЛЕДОПЫТ

*Большой поклонник Майна Рида,
Всем грибникам — и друг, и гид.
Мы говорим о Леониде:
Он — настоящий следопыт.*

Скоро как семь десятков лет живу на свете. Срок не малый. Родился и рос в сельской глубинке. Учился, служил и опять работал и учился. Долгое время учительствовал, занимался журналистикой. Встречался со многими известными и совсем малозаметными людьми. Беседуя со своими героями будущих рассказов, я всегда пытался доискаться до изюминки. Ведь в душе каждого человека есть она. Нужно только уметь докопаться до нее. Найти заветный ключик. Таким заветным ключиком может оказаться случайно оброненное, но ставшее, вдруг, волшебным слово. Но, чаще всего, человек раскрывается в живых действиях, в поступках.

Главное же качество моего нынешнего героя можно определить единым штрихом — любознательность. Именно таковым, страстным грибником — первооткрывателем, чрезвычайно лю-

бопытно-внимательным ко всем изменчивым красотам природы, подлинным следопытом, арсеньевским Дерсу Узала, предстал передо мною Леонид Павлович Цуканов. По малым приметам — мху на пне, густоте листвы, силе ветра, проводам электролиний, сигналам тепловоза, он был способен определить стороны горизонта. Едва ли не все лето и осень 2008 мы провели с ним в совместных путешествиях окрест Орла. Собирали ягоды и грибы, немало поездок совершили в Чернь за ярко-спелыми яблоками.

Крепко сложенной, натренированной, коренастой фигурой, своим волевым лицом, строгим, испытывающим взглядом, сильным голосом Леонид Павлович напоминал мне великого полководца Георгия Жукова. Да и к военному делу он имел самое прямое отношение. Выпускник Львовского военно-политического училища, он семь лет, до самого выхода в отставку по болезни — облучению радиацией, командовал воинскими подразделениями. Был, как говорится, на своем месте. Ему прочили высокую карьеру. Выросший в роду военных — и дед, и отец, и его старшие братья — все освоили одну профессию — Родину защищать. И оба зятя его — парни в пагонах.

— Не до капитана, как теперь, мог бы генералом стать, если бы не проклятая невезуха — болезнь, — с горечью признавался он, — а дисциплину, порядок я любил. И всякое дело надежно поставить мог.

И это не было пустой бравадой полевого офицера. Проводя с ним долгие дни, в жару и в холод, мороз и ветер в дальних прогулках по чащобам и завалам, рвам и кочкам я поражался его долготерпению и выдержке. Мне казалось, что он словно конь, который, неустанно трудясь, всегда остается способным идти вперед. Как выражаются, вдаль и с песней. Цуканов будто не знал усталости, был всегда жизнерадостен и целеустремлен.

Истинный комиссар. Он не только идет первым, прокладывая спутнику дорогу, но, при надобности, спешит помочь товарищу. То ненароком подхватит тяжелую корзину, то подаст руку и вытащит на крутой берег оврага. И при этом остается бодрым, спокойным и невозмутимым. Скромно, походя, без позы самолюбования. Именно о таких героях точно и верно сказал поэт Влади-

мир Маяковский: — «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей!».

ГОСТОМЛЯ

*Среди холмов,
Берез и сосен,
Как щука, извивался пруд.
Здесь жил Лесков,
Бродил Рассохин
И грибники бывали тут.*

— Октябрь уж наступил, — и как далее писал Александр Пушкин: — уж рощи отрясали последнюю листву с нагих своих ветвей. Дохнул осенний хлад. Дорога промерзает. Журча, еще бежит за мельницу ручей.

В один из таких лучезарных дней золотой осени мы с Цукановым вышли из вагона на станции Гостомля. «Директор леса» Мадлен, вместе с напарником — баянистом Виктором Евгеньевичем Хомяковым пошли в правую сторону от железнодорожной ветки «Орел — Михайловский рудник». Мы же, дабы избежать нарочитой конкуренции, пошли влево. Наш путь лежал в направлении бывшего имения замечательного орловского писателя Николая Лескова. В еловых лесах здесь водились чудесные рыжики. Они-то и являлись нашей вожаделенной целью.

Ранее я тут уже успел побывать с группой грибников во главе с «директором леса» неприступной и гордой Мадлен. Удача не сопутствовала нам. Как-то сложится все теперь?

За веселой беседою мы быстро перешли широкое поле. Высокая стерня от скошенного жнивья мешала набрать скорость. Леонид Павлович предложил выбрать тропинку по тракторной колее. Действительно, идти стало легче. Через три версты начался ельник. Осматриваемся у корней вечнозеленых красавиц. Разгребаем густую траву. Есть розовый отшельник. Присматриваемся внимательней, находим его сотоварищей. Грибы крупные, явно переросшие, оттого и большинство из них оказываются поражен-

ными червями. Но духом не падаем. Переходим овраг, где по пригорку росли молодые деревца. То же самое. На два-три здоровых гриба — десяток червивых. Получается, по-Маяковскому: в грамм добыча, в год труды. Лукошки наполняются крайне медленно.

Совсем неожиданно встречаем усталых грибников. Двое мужчин и одна женщина, оказывается, уже успели обегать рощицы и уже шли навстречу.

— Вы к плотине идете? — спросил нас дородный мужчина с огромною корзиной в руках, треть которой была наполнена рыжиками.

— Да, Тимофеевич, — подтвердил Леонид. Они были знакомы.

— Напрасно потратите время, я уже весь пруд обошел, даже друга где-то потерял в пути, но — улов, как видишь, не богат.

— Большевики не отступают, — шутит Цуканов, — как бы ты тщательно не шарил по траве, а все-таки, все собрать не смог.

— Это, как водится. У тебя, знаю, острый взгляд, найдешь все, что я пропустил.

— Постараюсь, — решительно ответил мой спутник.

Действительно, Леонид Павлович, не ленись бегать то вниз, то вверх по густо заросшим травой, холмам, и сумел наполнить свою корзину розовыми красавцами. Я же встречал больше остатки священнодействия Тимофеевича — порезанные особи. Лишь изредка выпадала удача найти гриб — молодой и здоровый.

Честно признаться, это меня мало волновало, ибо я предавался воспоминаниям. Как-то мой земляк, доцент Университета искусств Александр Серафимович Логвинов рассказывал мне, что в Гостомльской средней школе, здание которой я мог хорошо разглядеть с пригорка, работал по распределению его друг, выпускник Орловского пединститута, будущий поэт Виктор Рассохин. Здесь в него влюбилась десятиклассница. Девчонка оказалась такой настойчивой, что понудила молодого литератора к женитьбе. И теперь у четы Рассохиных вырос, как спелый гриб, их сын. Он уже успел и в армии отслужить. Бывшая смазливая ученица быстро превратилась во властную хозяйку, этакую — своенравную

«Леди Макбет», только не Мценского, а Кромского уезда. Она стала вертеть слабохарактерным стихотворцем, как фигуристы обручем, отвадив мужа от всех любителей хмельного зелья. Без ее согласия никто не мог переступить порог их орловской квартиры. В том числе и сам Александр Серафимович.

Смешно и грустно. Теперь я, глядя на длинный, извивающийся, как могучая рыба в низовье холмов, пруд, припомнил и другое событие. В одной из рыбацких газет, которую редактировал Виктор Рассохин, была опубликована его статья и фотоснимок, на котором он в торжествующей позе стоял, держа за жабру огромную щуку. И поймана она была вот в этом, узком и длинном — двухкилометровом водохранилище.

— Порыбачить бы здесь, — поделился я с Цукановым своим заветным желанием.

— Можно, — согласился он, — но как-нибудь летом. Правда, мы сюда и зимою приезжали.

— Щуки попадались?

— Нет. Все больше — окуни, караси да карпы.

— Богатый, видать, водоем?

— Иначе будку бы не поставили. Ты же видел ее, мы проходили, она вон за тем холмом, — Леонид Павлович указал мне в направлении поросшего елями крутого пригорка.

— Конечно, видел. Охраняют рыбные запасы. Чужаков не пустят.

— За бутылку все можно, — засмеялся мой спутник.

Пройдя по широкой плотине на противоположную сторону, мы стали взбираться по крутому берегу пруда в направлении станции. Заглянули в молодой ельник.

— Вот черед берез, — объяснил Цуканов, — под ними я порой находил много белых грибов. Давай и сейчас заглянем.

— Время еще есть, — согласился я. Но удача нам не сопутствовала — царственных особей мы не обнаружили.

Побегав еще от елки к елке, насобирав, сколько удалось розовых красавцев, вышли на прямую дорогу, ведущую к железнодорожной ветке.

На станции, в ожидании поезда, сидели грибники.

Тимофеевич охал: друг его, недавно оклемавшийся только после инфаркта, все не приходил.

— Опоздает на поезд! — горевал плотный старик.

— Не надо было бросать больного товарища, — резонно заметил Леонид Павлович, — вдруг сердце подведет — крутые увалы и здоровяку преодолеть не просто.

— Да, видно, жадность погубила.

— Вот именно, — подтвердил Цуканов, — да вот он, кажется, идет.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнул Тимофеевич.

Ко мне подошел баянист Хомяков, полюбопытствовал моим «уловом»:

— Молодец, Дмитриевич, — похвалил он, — два ведра набрал, а я-то всего дно корзинки прикрыл.

— Надо было с нами идти, — ответил я, — вон у Леонида Павловича вдвое меня больше грибов — и в корзине, и в рюкзаке. А тебе понесло вправо.

— Зато вместе с «директором», — засмеялся Леонид.

— Я сама всего — ведерку набрала, — откликнулась рослая, как сосна, Мадлен.

— Вы и в прошлый раз, хотя и с коляской ходили, а мало что нашли, — заметил я.

— Не повезло, что поделаешь.

— Зря только Виктор Евгеньевич верит, что вы всегда находчивые и удачливые.

— Не донимай, а то обижусь! — нависал надо мною, такой же высокорослый, что и Мадлен, Хомяков.

— Ладно, ладно, помиритесь, — весело хохотал Цуканов, — будет еще и на вашей улице праздник. Лес-то не зря кормильцем зовут — всех выручит.

БОГ ЕСТЬ!

*Коль душу одолела корысть,
То в ней подснежникам не цвести.
За каждый грех судьба с нас спросит,
Пусть Бог на небе,
Но, он — есть!*

Как-то раз напросился со мною за грибами только что перенесший второй инфаркт пенсионер Геннадий Малеев. Жена его, занимающаяся мелкой торговлей, Зина озабоченно наказывала:

— Петр Дмитриевич! Вы, пожалуйста, за моим Геной присматривайте, одного не бросайте, как бы не пожадничал, да не набрал много. Нести будет тяжело, а сердце — слабое. Упадет, кто поможет?

— Хорошо, с нами еще Зинаида Ивановна, ваша тезка будет. Постараемся в беде не оставить.

— В какой лес идти собираетесь?

— В Шаховский, что по Брянской ветке.

— Буду, если что, знать, где искать.

Лес начинался сразу же за станцией. Остановившись на широкой поляне, поросшей молодыми березками, я говорю:

— Гена, здесь свинушек пропасть — собирай. Я же пройду подальше, через овраг, вдруг белые попадутся. На обратном пути зайду за тобою.

— Не переживай, Дмитриевич, я тут рядом промышлять стану, — сказала наша спутница Зинаида Ивановна, — присмотрю.

— Все будет хорошо, иди спокойно, — заверил меня приятель.

Набрав грибов, я возвратился на поляну — никого не было. Решил, что мои товарищи уже на станции. Действительно, там оказалась Зинаида Ивановна.

— Одна? А где же Гена? — спросил я.

— Еще не пришел.

— Как?

— Он уже, наверное, в Орел уехал на дрезине. Я его с железнодорожниками видела.

— Не мог же он, больной, на открытой дрезине 50 верст ехать.

— Он все может. У него, как я поняла, бутылка была с собой. Выпили да поехали!

— И все-таки я пройду в лес, покричу, а вдруг он еще там?

— Сходите. Я за вашим рюкзаком присмотрю, да на поезд не опоздайте.

— Постараюсь! — я побежал по широкой тропке к лесу. Добрался до знакомой поляны. Звал громко и настойчиво. В ответ слышал лишь эхо. Вернулся ни с чем.

Уставшие и расстроенные, мы прибыли в Орел.

— Пропал наш Гена, — говорю жене, — сходи к его супруге, предупреди. Если надо, возьмем машину, съездим, поищем. Валентина, выполнив поручение, пришла, успокоила:

— Гена твой веселый дома сидит, говорит, что на дрезине приехал.

— Но почему же он нас не предупредил? Договаривались же вместе уезжать.

— Это ты у нас такой ответственный, а ему все до фонаря. Сердце больное, а он пьет, да посмеивается. Радуетя — четыре ведра грибов привез.

— Ну, дьявол, больше я с ним в лес ни ногой. Переживания одни.

— Зря ты с ним, вообще, связывался — не надежный он человек.

Когда я рассказал об этой грустной истории Цуканову, он громко расхохотался.

— Ты чего? — удивился я его неожиданной реакцией.

— Да ты просто не знаешь Малеева. Мы его просто Малеем зовем. Это такой жадюга и проходимец, свет не видывал. Он тебе на рыбалке червяка не даст, а все будет смотреть, как бы за твой счет выпить.

— Ну, я не пью, а потому этого не знаю. Когда ездил с ним на

73 км рыбу удить, у меня своих червей пропасть была — местным рыболовам одалживал.

— Я потому с тобою и дружу, что ты, в отличие от многих других, всегда трезв и разумен.

— Спасибо на добром слове.

— Получай, что заслужил, — продолжал Леонид Павлович, а теперь послушай о приключениях с Малеем.

— А были такие?

— Сколько угодно. Случилось как-то года три назад, нашел Гена на станции Поныри, куда мы за карасями ездили, кошелек с 2500 рублями. Потрафила судьба.

— И деньги эти он, конечно, сдал в кассу?

— Ха-ха! Как бы не так. Он присвоил их себе. Купил хорошую удочку и массу снастей с наживкою. Да не повезло ему.

— Потрафило — не повезло. Парадокс получается.

— Именно, парадокс. Нашел — повезло. Потерял — не потрафило.

— Как потерял?

— Вот так и получилось, господь — он шельму метит. Или, как еще в русском народе поговорка прижилась: «На чужой каравай — рта не разевай!».

— Загадками говоришь.

— Проясню твое недоумение. Через пару недель после поездки в Поныри мы оказались в селе Городище Урицкого района. Там на пруду Гена новою удочкой рыбу ловил. Курить же, вроде тебя, он большой любитель. Бросил окурочек, а сам пошел к ребятам выпить. Разомлел, заболтался и не заметил, как сухая трава от окурка того жарким пламенем загорелась. Сгорели и рюкзак, и удочка.

— Да ну?

— Вот-вот и мы все подивились: как такое могло случиться? Кто и не верил во Христа, а с той поры решили: Бог есть!

ЖАРЕННЫЙ ЧЕРВЯК

Как-то после неудачной «тихой охоты», уже по осени, Леонид Павлович, явно огорченный, говорит мне: «Дмитриевич! А не поехать ли нам семичасовым автобусом вместо позднего поезда. И быстрее приедем в лес, и грибов насобираем вне всякой конкуренции?».

— Далеко?— спрашиваю

— Ко мне на родину в село Червяк.

— И где он такой ползучий располагается? — поражаюсь я такому странному названию населенного пункта.

— В Свердловском районе. Километров 25 от станции Змиевка. Проедем по льготному тарифу. У меня сосед по дому, что на Выгонке, тоже из тех краев, рассказывал, что там грибы на телегах вывозят, так их много.

— Согласен. Люблю осваивать новые места.

— Вот и ладненько. Завтра, в 5.45 утра жду тебя на остановке «Текмаш» — первым троллейбусом на автовокзал доберемся.

Ни Леонид, ни я опаздывать не любили. Точно в назначенное время доехали до автовокзала, а затем и до поселка Змиевка. От него на маршрутном автобусе прибыли к зданию местной школы, где была конечная остановка.

Осеннее утро было сумрачным. Лес темною стеной виднелся в полутора верстах от села Червяк. Решили зря не мешкать, а сразу отправляться к бору.

— Пока до леса дойдем — рассветет, — успокоил меня Цуканов, — а сейчас, шагая по дороге, внимательно оглядывай ориентиры. Видишь высокую силосную башню? Когда окажемся в лесу, она от нас в западной стороне будет — не заблудимся. К тому же здесь идет асфальтированная трасса. Обязательно, если пойдем по солнцу, в нее упремся.

— Понятно, что вся надежда на тебя, — скаламбурил я.

— На бога-то надейся, но и сам не плошай, — в тон мне ответил он, — мало ли что, ведь ненароком можем и разминуться. Всякий, а тем более чужой для тебя и столь могучий лес — всегда

загадка. Ну да ничего, я заранее уже кое-что предпринял.

— Что?

— Скоро узнаешь.

За беседою мы не заметили, как оказались у ветвистых сосен, между стволами которых пробегала тележная колея. Леонид Павлович достал из кармана рюкзака несколько цветных целлофановых пакетов, разорвал их.

— Это и есть наши ориентиры, — пояснил он, пригнул высокую ветвь березы и повесил на нее один из ярких лоскутов.

Так на всем пути следования по лесу, на изгибах тропы, он устанавливал маяки памяти. Забегая вперед, замечу, что они нам здорово помогли. Ведь мы углубились в чащу на целых пять — шесть километров. И дошли до небольшого лесного поселка, на окраине которого виделся пруд. Недалеко от его берега росли яблони с удивительно крупными и сладкими плодами. Мы не устояли и набрали их по корзине. Тут наше внимание привлек грубо срубленный ствол молодой яблони.

— Да это же работа бобров! — оторопел Леонид, — только они так грызть умеют.

Действительно, подойдя к пруду, что был весь завален разными суками деревьев, мы увидели по берегам длинные и узкие следы их хвостов.

— Вот она, вотчина неутомимых работников! — просиял Леонид Павлович, — зайдём в гости к моим землякам, узнаем, где здесь в обилии опять растут.

У двора доила корову пожилая женщина, назвавшаяся Валентиной. На наш вопрос она ответила: «Я сейчас Степана позову!». На ее зов откликнулся хозяин дома, еще крепкий, загорелый старик.

— Вы, ребята, насчет грибов интересуетесь?

— Именно так, а то мы все одиночки собираем.

— Да их по молодому березняку, да по елкам много растёт. Идите по дороге, только левее забирайте.

— Это, где дом лесника Федота?

— Вы что, его знаете?

— Я с отцом бывал у него, — ответил Леонид, — я родом из Червяка.

— Понятно — земляк значит. Лесник умер, но от его двора видно что-то осталось.

— Жаль, хороший был дед.

— А как ваш поселок зовут? — поинтересовался я.

— Жареным!

— Почему так?

— В годы коллективизации дома кулаки спалили, чтобы их добро коммунарам не досталось. С тех пор большевики Жареным его и окрестили. В бумаги вписали.

— Символично! — не удержался я от комментария.

— Жареный так Жареный. Нам, что ни поп, то батька, — заулыбался Степан.

Попрощавшись с хозяевами, мы направились в лес. Грибы попадались больше летнего образца. Зимнего вида — толстых твердых — было мало. Тем не менее, мы смогли полностью затарить свои корзины, в рюкзаках хрустели яблоки. В обратный путь двигались быстро и смело — по своим же ориентирам.

Через день наведались вновь. Однако следы наших поисков даров леса мы оставили, на этот раз, уже в другой стороне. Набрали столько, сколько могли унести, путь-то не ближний, по 5-6 ведер. На телегах, действительно, возили грибы. Но мы пришли к шапочному разбору, когда их заготовку жители села уже завершили.

Для сокращения названия мест — село Червяк и поселок Жареный, где мы охотились за опятами, мы обозначили воедино. От чего получился веселый каламбур — Жареный червяк.

ПЛАТФОРМА — 53 КМ

*В семи верстах от Хотынца,
Грибами полнятся леса.
Всем горожанам шлет привет —
Пятьдесят третий километр!*

Летом и осенью, в жару и холод едут на 53 км орловцы и брянцы. И никогда не уезжают пустыми. Леса окрест богаты грибами, клубникой и земляникой. Завсегда вдоволь можно набрать: спелого шиповника, яблок и груш. Всевозможных сортов боярышника так много, что можно аптечный завод открывать.

Тут, на платформе, я познакомился с выпускником Орловского Университета искусств и культуры Виктором Евгеньевичем Хомяковым. По моему совету он посетил березовые рощи, что располагались в направлении автотрассы «Орел — Брянск». И не зря — его вместительная корзина до верху была наполнена белыми грибами. Удачливый грибник не преминул поблагодарить меня за доброе напутствие.

— Спасибо, что не обманул, — серьезно говорил Виктор, — ведь подшутить над конкурентом много охотников. Наговорят, на-рисуют небыль яркими красками, а на поверку — пустой проект.

— Лгать — не мое амплуа, — отозвался я, — ибо верил в удачу. На то у меня были веские основания — днем ранее в тех местах повезло и мне.

— Тогда понятно, — Хомяков расплылся в счастливой улыбке.

С Леонидом Павловичем Цукановым мы приехали на 53-й, чтобы проведать дальние леса. Они располагаются в направлении села Меловое, где я года три назад, промозглой осенней порою, заблудился и вышел, аж, к станции Шахово, что от платформы — 53 находится в 9 километрах. Вряд ли пошутишь, что семь верст — не крюк. Мой крюк составил не менее четверти сотни верст под беспрестанно льющимся дождем и холодным, пронизывающим ветром. Продрог так, что едва смог согреться у теплой батареи

станции. Теперь таковая закрыта для пассажиров. Повторись подобный блуд сегодня, можно вообще замерзнуть в ожидании редких поездов.

Правда, на этот раз, нам с Леонидом Павловичем повезло. Осенний день выдался, на редкость, теплым и солнечным. Наш путь проходил по сухой, торной дороге, а потому мы быстренько отмахали три — четыре версты и ринулись в первый попавшийся лог. По обыкновению, мы шли параллельно по противоположным сторонам оврага, дабы не мешать друг другу. Опята не радовали нас своим урожаем. В основном все они были с крупными, изъеденными лизунами, шляпками. Выбирали, что свежее и пристойнее, складывая их в корзины.

Мой приятель, как истинный следопыт, успевал обследовать все ближайшие пни, нарезая по склонам то круги, то зигзаги. При этом вел спокойную, вроде не брала его усталость, беседу.

— Сюда я изредка навещался с женою, — в его голосе слышалась неприкрытая грусть, — когда она была еще здорова. Шесть лет прошло, как ее не стало. Живу один, как перст. Тоска заедает. Правда, две дочки да пятеро внуков согревают душу. Но живут они отдельно. Приходят, навещают, радуют. Бываю с гостинцами и я у них.

— Но тебе же едва за 60. Ты еще свеж и здоров, — серьезно замечая я, — мог бы еще себе новую половинку отыскать.

— Ха-ха-ха! — засмеялся он, — кандидаток на замещение свободной вакансии жены достаточно, да только все не то.

— Как?

— Все они грезят лишь материальными категориями. Что им нужно от меня? Тепло общения, радость совместного труда? Как бы не так. Им подавай права на квартиру, на мою пенсию. А что я внукам оставляю после себя — это им не интересно.

— Понятно, — соглашаюсь я, — не спроста грибки — сестры Рая и Зина толковали мне, что ты жестокосерден к своим поклонникам.

— Не жестокосерден, а объективен. Не отрекаются, любя. Я же, выходит, однолюб. Не могу свою благоверную забыть. Вот тут, среди высоких берез мы с нею два лукошка одних только белых

насобирали. Вон, видишь пологий овраг? Близ него много растет лисичек. И тогда нам подфартило — желтоглазыми красавицами заполнили ведро и корзину. Подберезовиков заготовливали в избытке, жаль лишь, что они портятся быстро. Рядом с нею — и лес был светлее, и цветы ярче, и грибов гуще.

Обследовав, один за другим, пять — шесть логов и мало чего набрав, мы решили перейти в дальний противоположный лес. Добирались до него, минуя три поля и несколько перелесков. Наконец, усталые, все в колючках и репейниках, достигли заветной цели. Неподалеку от одинокой избушки в сыром овраге наткнулись на грибную поляну. И пошла работа. Опята — веселые ребята. Они быстренько, под нашими руками и ножами, забегали к нам в лукошко. Правда, огорчали конкуренты. Не столько тем, что они сокращали наши возможности по сбору даров, а больше своими непрерывными перекличками и ауканьями. «Тихая охота», она же предполагает покой и звонкую тишину. Громкие же крики нарушают дивную гармонию леса.

Затоважив корзины, сумки и рюкзаки мы поднялись из лога вверх. Цуканов, осмотревшись, указывая на линию электропередач, сказал:

— Теперь я поведу тебя кратчайшим путем к остановочной платформе.

— Но только не как Иван Сусанин! — пошутил я.

— Не дрейфи, не заблудимся, здесь каждая тропка до боли моя — все исхожено-перехожено. Берем прямой курс, вон на тот одинокий столб, там будет хорошая дорога. Вперед и с песнями.

— Ты все шутишь, а у меня уже плечи и руки затекли.

— Крепись, казак, атаманом будешь! Когда мы совсем уже вышли из леса, Леонид приказал:

— Стоп. Снимай рюкзак. Бери пакет, идем со мною.

— Это куда и зачем?

— На опушке, видишь, одинокая груша стоит?

— Ну и что? Наверняка, дикарка — плод не укусишь! Обой-дусь.

— А зря отказываешься. Отдыхай пока, я один сбегаяю.

Не прошло и пяти минут, как Цуканов принес целый ворох коричневых груш.

— Держи, — протянул он мне пакет, — и жену угостишь, и свою любимую внучку. Если память не изменяет, то ее Настенькой зовут.

— Точно так, — подтвердил я, и вдоволь насладившись ароматно-сладким вкусом спелых плодов, добавил, — спасибо, Павлович, Настя и впрямь будет довольна — великолепные груши.

ШАХОВСКАЯ КОЛОНИЯ

Уважаемый читатель! Оговоримся сразу, что мы совсем не собираемся раскрывать вам секреты Шаховской цитадели, где отбывают свои сроки наказания заблудшие женщины и малолетние преступники. Оговориться же одним словом — Шахово, нельзя. Может случиться путаница, ибо близ Орла две остановки с подобным названием.

Есть Шахово на Брянской железнодорожной ветке, о которой мы ранее упоминали, и второе, где расположилось исправительное учреждение — на Железнодорожной трассе.

О грибных местах близ «второго» Шахова и пойдет наша речь. В летнюю пору сюда, за редким случаем наведываются профессиональные грибники. Белых бывает мало, а подберезовики — грибы не товарные. Зато уже по осени — завсегдаатаев леса видимо — невидимо. Но разносортных опят среди болотистых урочищ дубов, берез и орешника, позволим себе пошутить, гораздо больше. Хватает на всех. Случается, что за ними здесь ведется «тихая охота», даже по первоснежью. Покопаешься в снегу палкою, они же, опять, сердце радуют, стоят, будто оловянные солдатики.

С Леонидом Павловичем Цукановым мы наезжали в эти края и на поезде, и на раннем автобусе. Чаще всего нам сопутствовала удача. Увозили столько даров, на сколько хватало наших подъемных сил. Дабы не томиться в ожидании позднего пассажирского состава, не жалели тридцатки — уезжали местным рейсовым автотранспортом.

Места здесь глухие, блудные, но с моим следопытом, бродили целыми днями и без особых приключений. Возмущало одно

— бесхозяйственная валка деревьев, отчего весь лес превратился из-за оставленных на порубках сучков и веток в непроходимый бурелом, что наглядно представлен известной картиной «Три медведя». Офицеры колонии, дабы не терять лица, нанимают чужестранных рабочих, что пилят и возят для них уже готовые бревна. Начальник колонии и его старшие офицеры с их помощью обзавелись ныне лесными дачами. Дешево и комфортно.

Уже позднелю осенью, в хладном ноябре, мы, исходив три урочища и мало чего найдя, решили наведаться в сад, что располагался сразу же за массивными стенами тюрьмы. Яблоки были мелкими и, в основном антоновка, нам же хотелось отыскать более крупные и сладкие сорта. Таковых не оказалось, а потому, налегке, мы обошли целых три пруда, по берегам которых обнаружили жилища бобров.

Выйдя из сада, прошагали по огромному полю, где паслись пестрые коровы. Их стадо принадлежало хозяйству колонии. Окрестные поля засеивались и засаживались различными культурами. Их урожай опять же шел на поддержание жизни узниц и юных узников.

Местом отдохновения работников колонии был дальний плотно зарыбленный пруд. В нем водились крупные караси и карпы. Он охранялся и оберегался от непрошенных пришельцев. Однажды, наведавшись сюда с удочками, я выловил всего полдесятка карасей — не повезло. Как теперь нам с Леонидом не выпала планида набрать грибов. Удивительно, но мой спутник от того совсем не расстраивался, а все шутил:

— Приятно бродить. Душу простор веселит.

— А в корзинах — ветер свищет, — говорю в тон ему.

— Не беда. Нам лес свое богатство уже отдал сполна. Да и соседу — другу грибов на зиму хватило. Насолил и намариновал.

— Это которого ты с сыном на урожай привозил? — спрашиваю я.

— Было, чего скрывать. Пригласил, не зазря же добру пропадать.

— Добрая душа.

— Уж какой есть, — заискрился светлой улыбкой мой верный спутник.

ЯБЛОКИ НА СНЕГУ

Грибники — сестры Зина и Рая, мои давние знакомые, пригласили меня совершить путешествие в Чернь за яблоками. По прибытии на станцию они сказали мне:

— Петр Дмитриевич! Вы, в отличие от нас, хромых и старых, быстро ходите. Зря не тащитесь с нами. Идите себе напрямиком вдоль автотрассы. Пройдите заправку, а там увидите сады. Первый пропустите, он обобран, а во втором — третьем собирайте все, что понравится. Там вдосталь всего: антоновки, пепина шафранного, орловского синапа, богатыря и прочих сортов. Урожай ныне богатый. И арендаторам под завязку хватило, и нам сколько надо достанется.

— Сказано — сделано! — отшутился я и пустился напрямиком по асфальту. Зайдя в сад, я неожиданно встретился со следопытом:

— Как, и ты здесь? Но в электричке я тебя не видел.

— Да я с соседом ехал во втором, а ты с дамами в четвертом вагоне. Вот и разминулись, — объяснился он.

— Понятно.

Пока Леонид Павлович внушал мне, где какие растут яблоки, к нам подошел плотный, краснолицый мужчина, жуя огромный ярко — красный плод.

— Вот и мой приятель.

— Михаил Павлович! — представился тот.

— Вы никак братья?

— Почти, — отшутился сосед Цуканова.

Позже я узнал, что у краснолицего совсем другое отчество. Но до сих пор не пойму, толи он меня обманул, толи я ослышался. Всякое бывает.

Во вторую поездку мы решили навестить другие сады, что расположились на северо-востоке от станции. На ветвях высоких яблонь красовались огромные розовые плоды. Я, как мог, подпрыгивал вверх и срывал их. Корзина наполнялась мгновенно.

— Удивительно, — говорю, — почему такая красота так долго

сохранилась, уже и снег выпал, а они все, как в песне поется: лежат — розовые на белом?

— Ха-ха-ха! — захохотал Цуканов.

— Ты это чего? — не понял я причину веселья товарища.

— Но ты же заметил, что я такие яблоки не беру.

— Почему? Сорт не нравится?

— Именно. Это же — строевка! Выведена она орловскими учеными во главе с нынешним академиком Строевым. Его же именем и обозначили этот сорт. С одной стороны — красные, другая же — вся в парше, как душа лживого коммуниста и демократа. Из-за этой парши такие яблоки никто на базаре не покупает. Да и себе не берут — брак!

— Но я-то беру.

— Это потому, что ты не торгуешь ими. И, наверное, два тома сочинений губернатора с уважением изучаешь?

— Его ученые фолианты я действительно видел на столе заместителя председателя и руководителя фракции «Единая Россия» горсовета Музалевского Леонида Семеновича, когда бывал у него на приеме. Но никогда не читал. И книг нет, а также и должного интереса к теме.

— А интерес к яблокам есть?

— Зачем же добру пропадать?

— Пусть птицы «строевку» клюют, а я предпочитаю орловский синап или богатырь — стоящие яблоки.

В последнюю свою поездку в Чернь, что выпала на 1 декабря 2008 — уже зимнюю пору, я долго стоял и любовался яблоками на снегу. И, сам не зная почему, к моему сердцу подступали тоска и грусть.

СЕЛИГЕРСКИЕ ЗОРИ

(из туристских воспоминаний)

*Селигер!
То не озеро, —
Море...
Так велик его водный
Простор!
Вместе с внуком,
Рыбацкие зори
Помним с радостью
Мы до сих пор.*

1. ПУТЬ НА ХАЧИН

Солнечным утром тринадцатого июля 2002 сборная группа орловских экскурсантов в количестве двадцати человек во главе с президентом ОМОООИ «Орловские родники» Людмилой Ивановной Ассесоровой прибыла на базу отдыха «Сокол» верхневолжского озера Селигер, чтобы отсюда на подручных средствах – лодках и байдарках отправиться в путешествие на внутреннее озеро самого большого острова – Хачин.

Учитывая, что большинство экскурсантов не обладали навыками водного плавания, состоялось тренировочное занятие. Молодые и пожилые дружно взяли в руки весла и активно заработали ими, всплескивая и разрезая их острыми лопастями гребни небольших волн – погода стояла тихая, маловетренная.

В то самое время, когда новички овладевали нехитрым искусством плавания, опытные старожилы, уже завершившие свой срок, с рюкзаками и сумками в руках, усаживались в просторный салон «Икаруса», чтобы отправиться в родные палестины. Эту группу отъезжающих возглавляла кандидат в мастера спорта Наталья Яковлевна Сальникова. Из беседы с нею я выяснил, что отдохнули они хорошо, хотя, как водится и не без приключений, что

бивак относительно обустроен и что он готов принять очередную группу туристов.

Когда автобус, выбросив из выхлопной трубы клубок черного дыма, дал прощальный гудок и скрылся за поворотом дороги, то мы, в свою очередь, рассевшись по байдаркам и лодкам, отправились в свой дотоле неизведанный путь. Нашим флагманом был сын президента Ассесоровой, инструктор – экскурсовод Михаил Шиков.

В паре со мною находилась дочь моего приятеля Валерия Яковлевича Часовитина, кинооператор Елена Валерьевна Озерова, которая и вела съемки всего происходящего. Ее семнадцатилетний сын Иван несколькими минутами ранее уже отбыл на катере, ведомым Владимиром Пыркиным – жителем крошечного островка Городомля с тем, чтобы доставить на берег озера Белое (Южное) наиболее крупногабаритный груз.

Наша флотилия, состоящая из шести байдарок и двух лодок, растянулась на многие сотни метров, а потому ведущий ее Михаил Шиков был вынужден делать частые остановки и указывать

Ландшафт озера Селигер

отстающим безопасные места прохода между многочисленными островками встречающиеся на пятикилометровом водном пути.

Наконец, мы достигли Копанки – узкого, шириною в 4-8 и длиною в 240 метров канала, что расположился в южной части самого большого на Селигере острова Хачин. По преданию, канал выкопан монахом Макарием. Здесь нам пришлось заняться из-за маловодья переволокой. Успешно справившись с этой работой, выйдя на более широкий простор, мы устремились, минуя узкий канал, во внутреннее озерцо острова под названием Белое или Южное. По его заросшим густым камышом берегам там и сям виднелись полосы открытого пространства. Мы терялись в догадках: «Где же наш причал?». И очень обрадовались, когда увидели на пологом откосе стройную фигуру юноши Ивана Озерова, с нетерпением поджидавшего прибытия к месту назначения своей мамы – кинооператора и всех нас.

Наш первый рейд можно было бы считать успешным, если бы не одно обстоятельство: внешне, вполне здоровой, сорокалетней женщине Ольге Мясниковой, вдруг, стало плохо и ее пришлось высаживать на ближайшем берегу и оказывать медицинскую помощь. Пришедшую в себя туристку пересадили из тесной байдарки в более широкую, надежную лодку и благополучно доставили на бивак.

2. ПРАЗДНИК У КОСТРА

*«Как упоительны в России
Вечера...» —
Мы пели песню,
Сидя у костра.*

День «въезда» едва ли не целиком был посвящен обустройству и знакомству с островным побережьем. Многоопытная и вездесущая президент Ассесорова за короткий срок успела перезнакомиться с туристами – соседями и пригласить их поучаствовать в КВНе. Его проведение и было основной целью ее визита на остров.

Наскоро, из числа молодежи, была сформирована команда, которая получила экзотическое название «Поплавки». Члены ее и занялись составлением текста песни – приветствия. Хотя содержание таковой и не отличалось оригинальностью – в команде не оказалось профессиональных бардов – но строки известного рефрена: «Наше сердце остановилось, наше сердце замерло», воспринимались новоявленными туристами с большим энтузиазмом.

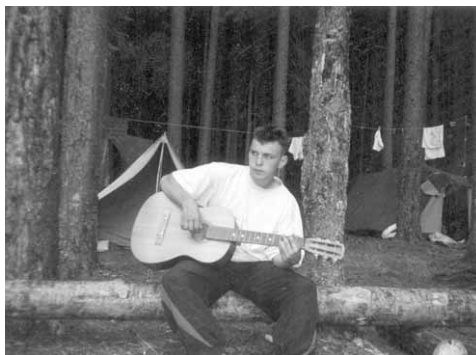
Действительно было от чего встрепенуться горячему сердцу. Ведь природа острова Хачин ничуть не уступала карельской красе, некогда воспетой в популярной песне, в коей есть такие чудесные строки: «Голубые елей ресницы над голубыми глазами озер». Наш Хачин – сплошь порос елями. И не только голубыми. И отражаются они в зеркальных водах Белого озера не менее впечатляюще, чем в дивно — романтической Карелии.

Вечером, четырнадцатого июля состоялся праздник открытия лагеря, а заодно и день встречи с местной юной командой казенщиков под скромным названием – «Грузила».

С папоротниковыми поясами, с другими всевозможными украшениями – предметами местной экзотики – буквально из воды вышли наши «русалки» и стали исполнять собственно-сочиненную песню. Хозяева и гости встретили их выступление с нескрываемым восхищением. Ответное слово «грузил» выглядело гордо скромнее.

После обмена приветствиями начались соревнования: на лучший рисунок, ловкость и смекалку. В итоге победила «дружба». Все были приглашены к большому костру, который искусно развел старейший из новоселов – пенсионер Андрей Борисович Самойлов.

Кроме команды «Грузила» в торжестве активное участие приняли трое мо-

Михаил Шиков

сковских гитаристов – песенников. Несколько скромнее выглядело выступление наших молодых музыкантов Ивана Озерова и Михаила Шикова. Однако и они были приняты, как говорят «на – Ура!».

Уже поздним вечером, под руководством инструкторов Александра Кротова и Владимира Пыркина энтузиасты – байдарочники вывезли на середину озера Белого и спустили на воду широкие корки елей с зажженными свечами. Любуясь их золотистым мерцанием, в душах многих присутствующих всколыхнулись чувства, вызванные прекрасной мелодией популярной песни «Как упоительны в России вечера...».

Подобные встречи-праздники у костра продолжались и в следующие летние, удивительно теплые, напоенные ароматной свежестью, селигерские зори.

3. ОТЪЕЗД ПРЕЗИДЕНТА

*Людмила – радости мгновенье!
Ведь с нею каждый вечер цвел...
Понятно, не без сожаленья,
Вернулась с острова – в Орел!*

19 июля, в последний день своего пребывания в лагере, президент ОМООИ «Орловские родники» Ассесорова организовала празднование дней рождения своего сына – инструктора Михаила Шикова и молодого завхоза Александра Кротова.

Всякое дело, за которое она бралась, всегда было поставлено на широкую ногу. Одним за другим сменялись ораторы, торжественно, под звуки туша, звучали здравицы и, как из рога изобилия, в руки счастливых сыпались подарки. Мы с внуком Максимом также не остались в стороне – вручили именинникам связку сушеной рыбы, выловленной нами тут же, в озере Белом.

После импровизированного концерта, в своем заключительном слове Людмила Ивановна, многозначительно улыбаясь, в доверительной форме, произнесла:

— Моя миссия на Хачине выполнена. Я уезжаю в Орел, где меня очень ждут в связи с организацией новых туристских групп. Руководство лагерем возлагаю на Козина Петра Дмитриевича. Он – педагог, долгое время работал директором школы, а потому, надеюсь, с возложенными на него обязанностями справится. Слушайте и повинуйтесь.

Желаю приятного отдыха. Не скучайте. В экстренных случаях – звоните...

Ранним утром 20 июля катер Владимира Пыркина умчал на своих легких крыльях президента Ассесорову на береговую пристань «Сокол». Отсюда, из града Осташково, ее путь лежал на Тверь – Москву – Орел.

4. ПУТЕШЕСТВИЯ

*Как путешествовать приятно:
Все внове видеть, познавать...
И, как молитву, многократно
Увоенное повторять.*

Каждый день в лагере был насыщен событиями. Мы совершали водные и пешие прогулки. Все они, как правило, носили радиальный характер – место стоянки не менялось.

Наиболее интересным и значительным была наша «байдарочная вылазка» на остров Столбный, где еще с глубокой древности существовало языческое капище, и стоял каменный идол – столб. Не случайно, как повествует предание, раньше здесь находился центр городка с символичным названием Столбов, разоренный нашествием хана Батыея.

Летом 1528 года, на необитаемом до тех пор острове поселился пришлый пустынный Нил. Проведя на нем 27 лет и, исполнив обет столпничества, Нил Столбенский умер. Основателем церкви на месте Ниловой кельи стал монах Герман из обители Никола – Рожок. В 1594 году, при первом русском патриархе Иове келья и

церковь получили звание монастыря, коей стал называться Ниловой пустынью.

Получивший широкую известность, монастырь постепенно возводит новые деревянные, а затем и каменные здания. Над отвесной неприступной набережной из тесаного гранита высится тяжелая громада Богоявленского собора. Над ним и всем островом царит гигантская колокольня. Кроме самого собора здесь имеются еще три церкви: Петропавловская — 1764, Нила Столбенского 1755 и наиболее древняя – Всесвятская 1701 года.

В 1991 было принято решение и благословлено открытие мужского монастыря. В 1995 состоялось торжественное перенесение святых мощей преподобного из Знаменского собора города Осташково в Богоявленский собор Ниловой пустыни. С 1998 года на средства Тверских и Московских меценатов проводится восстановление Ниловой пустыни.

Все эти древние храмы были внимательно нами осмотрены и по возможности изучены. Несказанно волнует сердце и само плавание по озеру Селигер, глубина которого у острова Столбный достигает 24 метров. Открытое же пространство позволяет вольному ветру вздымать высокие буруны волн. Однако интерес к древней истории оказался сильнее страха и самый юный из путешественников, одиннадцатилетний Максимка Корнеев – Козин крепко держал в своих цепких руках тяжелое весло и одержал таки победу над штормовавшим не на шутку бризом.

— Знаешь, Максим, — говорю я внуку, — а ведь тут, по Селигеру, прежде чем отправиться за три моря, вдоволь нагулялся тверской купец Афанасий Никитин.

— Да, ну? – восхитился Максимка, — вот здорово! Никитин плывал, а теперь – мы!

— Так и есть, запомни это событие.

— Обязательно запомню! – заверил радостный внук, рассекая лопастью весла очередной набежавший вал.

Сами собой родились стихи:

*Афанасий Никитин, купец
Селигер покорял в старину...*

*И Корнеев Максим – молодец,
Смело режет крутую волну.*

Отважно действовали и туристы Хорошиловы: глава семьи Вадим Адольфович, его жена Нина Олеговна, с дочерьми – Эллиной и Полиной. Они первыми совершили байдарочную вылазку в Кравотынь – странное, жутковатое имя у этого дальнего села. Здесь Батыем было устроено кровавое побоище. Отзвуки тех событий до сих пор слышны в названиях мест. Позднее поселение, именуемое Кравотынью, впервые встречается в переписной книге Деревской пятины за 1478 год. Село состояло в вотчине боярина Бельского.

В начале XVII века, в годы польско-литовской интервенции, Кравотынь была разорена, а население ее разбежалось. Но вскоре эти земли были пожалованы князю Лыкову, который энергично занимался устройством своих владений. Был деятельным и суровым феодалом. Принадлежащие ему земли, вплоть до нашего времени, называются Боярщиной, а в окрестности Кравотыни находятся: река Княжа и Боярский межок. В селе сохранился интересный памятник архитектуры конца XV111 века – Введенская церковь. По преданию она была заложена в память о жертвах нашествия Орды.

— Вы знаете, — делились со мною своими впечатлениями об увиденном Хорошиловы, — там вся вода у села, будто кровь, красная.

— Понятно, — замечаю я, — не зря же его Кравотынью именуют.

Без поэтического озвучиванья такого факта никак не обойтись:

*Все в огне –
Хаты, риги и тын...
Кровь лилась у защитников тут:
Не случайно –
Село Кравотынь,
Так зловеще — кроваво
Зовут.*

Не менее впечатляющим было, на этот раз, сухопутное путешествие Хорошиловых, а так же автономное от них супругов Алексея Борисовича и Нины Александровны Самойловых, на внутреннее озеро острова Хачин, под оригинальным именем – Щучье.

Но если Хорошиловы здесь просто искупались, то мы с внуком и Алексей Борисович Самойлов с женою сумели поймать на удочки по десятку подлещиков и окуньков. Но вот изловить настоящую щуку (не зря же озеро величают Щучьим!) нам так и не удалось. Видно – не судьба! Зато незадачливых рыболовов и их спутников в деревне Волоховщина, отрезанной от мира озерной синью, местные жители угостили холодной кристально – чистой водой из святого родника.

*Волоховщина – островок,
Где вокруг лишь вода и вода...
До Осташкова путь твой далек,
Коль случится лихая беда.*

Действительно, не просто приходится селянам в случае беды. До города десяток верст водного пути. Летом его преодолевают на лодке, зимою — по льду, на санях. Однако островитяне духом не падают – привыкли.

Большей части туристов посчастливилось побывать в Нико-ло – Рожке. Николо – Рожок – одно самых древних поселений на Селигере. Холм, на котором теперь растут сосны и стоит церковь, не что иное, как древнее городище. Необычное название места объясняется тем, что здесь в озеро вдается мыс, по-местному – наволоок или рог.

На этом мысу в XV веке стоял монастырь, называвшийся Никола на Рожку. Церковь Успения, дошедшая до нас, была построена в 1768 году.

5. РЫБАЛКА У КАМЫШЕЙ

*С Максимкою, у камышей,
Ловили карпов и лещей.*

Ранним утром, пока внук еще сладко спал, я выбирался из палатки, брал заранее, с вечера, подготовленные удочки, прикормку и отправлялся на песчаный берег Белого. Садился в лодку и, буквально, в двадцати метрах от причала, останавливался у камышей. Здесь стоял столб. Привязывал к нему лодку. Бросал у бортов ее корм – приваду. Надевал на крючок червя или катышку мятого хлеба. Ожидать долго не приходилось. В начале, как правило, клевала всякая мелочь. Но шло время. У корма собиралась крупная рыба. И вот я уже с трудом выуживаю подлещика, а то и самого леща. Подводка отсутствовала, а потому они нередко срывались. Горевать причин не было. На смену «беглецу» приходили новые особи. Только успевай бросать их в лодку, в носу которой плескалась вода.

На крючок садились и карпы, но почему-то не крупные, а все больше стограммовые. Не посчастливилось мне изловить и угрей – ими было богато озеро. И я знал, что ночами настоящие умельцы их десятками вытягивали с больших глубин.

Когда лагерь просыпался, и мои подопечные шли к причалу, чтобы умыться или постираться, а то и взбодрить себя свежей прохладой – совершить заплыв, то я понимал, что мне пора на берег. Не гоже начальнику лагеря заниматься «баловством с удочкой», когда необходимо было распорядиться о завтраке. Большая забота – заготовка дров. Я считал своим долгом помощь дежурным, большинство из которых были женщины. В этом занятии большое удовольствие находил и мой Максимка. Вокруг лагеря – смешанный лес, а не только хвойный. Сушняка много – успевай ломать и носить. Крупные деревья пилили, рубили топорами, складывали у кухни впрок.

Выбираюсь к палатке, развешиваю рыбу на привязанные к соснам бечевки. Укрываю ее марлей, дабы назойливые мухи не испортили мои трофеи.

После завтрака решаем вопросы отдыха. Кто-то жаждет побывать в городе, а кто-то нацелился в лес – за черникой или ягодами. Грибов набрать не удавалось, они просто не росли в этих местах.

К каждой группе привязываю старшего. Без этого никак нельзя. Анархия никогда до добра не доводила. Тем более что среди туристов находились несовершеннолетние. За ними особый догляд нужен. Глубокие водоемы, как наше озеро, завсегда зона повышенной опасности. И совсем не случайно, отправляясь в плавание, мы каждому туристу надеваем спасительные поплавки.

Не терпелось и Максимке попытаться рыбацкое счастье у высоких, будто вечно зеленых, камышей. Для него из Орла я привез специально облегченную удочку. Одной из цветущих зорь мы оказались в одной лодке. Я у носовой части, где было впрок воды, он уселся ближе к корме.

— Дедушка, дедушка! Клюет – не могу вытянуть! – отчаянно кричит внук.

Причал. Место рыбалки на острове Хачин

— Не дрейф! Выживай – не тяжелее ж весла.

— Вот он – лещ! Здоровяк какой!

С шумом и грохотом Максимка ногою столкнул весло. Юный рыбак выудил, наконец, золотистого красавца.

*То не беда,
Что в лодке – течь,
Воде лишь рад
Трофейный лещ!*

— Я сам, я сам! – Максим бросился отцеплять крючок. Справившись с этой задачей, он насадил на него небольшого червя и вновь забросил удочку в камыши.

На уловы не жаловались, но сколько бы мы не заготавливали рыбы, ее всегда оказывалось мало. Рыбаков среди отдыхающих было, кроме нас, еще два-три любителя, желавших же полакомиться ухой хоть отбавляй. Всю мелочь мы сразу же отправляли на кухню, а крупных особей сушили.

Владимир Пыркин, житель островка Городомля, слыл специалистом по копчению рыбы. Он-то, не даром конечно, и закоптил нам с внуком десяток лещей, да еще не больше того завяленной рыбы мы привезли в Орел. Остальной улов раздали. И не жалели. Для нас с Максимом важнее всего было испытать рыбацкое счастье. За три дня до отъезда в наш лагерь прикатил на катере рыб — инспектор.

— Рыбу ловите? – спросил он.

— Бывает, — отвечаем мы.

— Тогда берите путевки. Бесплатно нельзя. Оштрафую.

Денег у нас, как всегда, в обрез, а потому мы прекратили свои утренние визиты в заветные камыши.

6. ПОКЛОННИКИ БАРДОВ

*Мы были не рады
Поклонникам бардов.*

В течение нескольких дней в Осташкове на базе отдыха «Сokol» проходил российский фестиваль бардовской песни, посвященный памяти поэта Визбора.

23 июля группа молодых поклонников, во главе с рок — гитаристом Михаилом Шиковым, на двух байдарках отправилась к месту события. И хотя их застал в пути сильный дождь, никто из туристов не подумал о возвращении в лагерь. Всю ночь они наслаждались, по их отзывам, чудесной музыкой и песнями прославленных бардов, прибывших в Верхневолжье из разных концов страны – Омска и Красноярска, Воронежа и Курска, Москвы и Орла.

К несчастью, кроме назойливого дождя путникам пришлось пережить и другое приключение – неожиданно пропала Настя Ченская. Обеспокоенный таким странным обстоятельством старший группы Шиков срочно набрал номер сотового телефона и позвонил о случившейся утрате своей маме – президенту, в Орел. Получивший указание: найти во чтобы-то ни стало, Михаил с товарищами отправился на поиски. Однако «заблудшая» отыскалась сама. Свое отсутствие объяснила встречей с интересным поэтом – песенником. Любовь, известно, «нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...». И добавим от себя – дождливый вечер даже станет, вдруг, — удивительно хорош...

Дежуривший в эту ночь, я напрасно вглядывался в туманную даль озера Белого: в обещанные шесть часов утра пропавшие байдарки с отчаянными гребцами так и не показались на горизонте. Поклонники бардов прибыли с опозданием на два часа. Такую непланируемую задержку мотивировали (о Настиных амурах мы узнали позже) только – дождем и туманом.

Нисколько не сердясь – со стихией не поспоришь, я предложил лукавым путешественникам тут же пройти к огню, обсушиться и выпить горячего чая, дабы избежать простуды.

7. ЗА ЧЕРНИКОЙ

*Туристы с радостью великой
В поход ходили – за черникой.*

В канун отъезда большинство отдыхающих отправились в лес за черникой – ее много уродилось в том памятном году. Можно сказать, что мы с Максимом впервые увидели, как растет эта прекрасная ягода. За эту возможность мы благодарны острову Хачин. Тверская губерния на 800 верст севернее Орла, соответственно, здесь и климат иной. Он-то, как более влажный, и благоприятствует активному произрастанию столь дивного лакомства.

Идешь травянистой тропкой, а по обе стороны от нее рдеют на веточках ягоды. Мы их срывали, как облепиху – смыгом, горстями. Это занятие понравилось внуку, а потому мы быстро насобирали, аж... целых четыре литра. То-то были рады бабушка Валя с внучкою Настенькой. Черника уродилась крупной и сладкой. Куда до нее облепиховым ягодам – желтым и терпким. Да ее кусты к тому же, не то, что облепиховые, совсем не колючие. Низкие и мягкие.

Когда зашла речь о названии ягоды, и я объяснил, то Максим выдал стихи:

*Знать ягоду за черный цвет
Совет черникою мой дед!*

Вот именно, — подтвердил я и добавил:

*Она хоть губы очернит,
Но вкусом – душу усладит.*

Слушая нашу с Максимом декламацию, молодая туристка Елена Белоусова весело рассмеялась:

— Да вы поменьше ешьте, а то в банках ничего не останется. Вон, посмотрите, семья Мясниковых – целое ведро набрали.

— Но их трое, а нас только – двое.

— Ха-ха! А мои соседи по палатке Зубова Галина Николаевна с дочерью Наташей, их тоже пара, а от Мясниковых не отстают. И уже не первый раз в лес приходят. Они уже и варенье успели сварить. Будет чем порадовать в Орле родных и близких.

Поход за черникою всем явно удался.

8. ПРОЩАЙ, ХАЧИН!

*Хоть не было с костром удачи —
Дождь заливал волшебный край,
Но мы твердили: «Остров Хачин!
Благодарим за все – прощай!*

В последнюю ночь нашего пребывания на озере Белом острова Хачина разверзся дождь. Он-то и помешал нам устроить большой прощальный костер. Впору было находить спасение в промокших чертогах. Но туристы не пали духом, не растерялись. И неудачу с костром восполнили устроенным в большой палатке торжеством по случаю именин юной Наташи Зубовой. Состоялось настоящее празднество с подарками и застольными песнями.

В пять тридцать утра 25 июля весь лагерь напоминал взбудораженный улей – начались сборы к отъезду. Когда вещи в основном были собраны, а часть их уже уложена на катер, в байдарки и лодки, то неожиданно выяснилось, что старое начинается сызнова. Пребывавшая накануне в полном здравии Ольга Мясникова, вдруг, как и в день прибытия, почувствовала себя плохо, и ее пришлось уstraивать на катере. Было ясно – она страдала водобоязнью. Ну, совсем не годилась в мореходы!

Благо, что в других аспектах сборов все обошлось благополучно. Подаю команду: «Вперед!». Вслед за катером, гуськом устремились лодки и байдарки. Моя лодка была замыкающей во флотилии. Это и понятно: в наступлении командир должен быть — в авангарде, а при отступлении, наоборот, — в арьергарде.

Всей грудью вдыхаем с Максимкой утреннюю свежесть Селигерской зори, в последний раз оглядываем обезлюдивший би-

вак. Все восемь из одиннадцати, оставшихся стоять под высокими кронами голубых елей палаток. Свои – личные, как и двое других отдыхающих, мы прихватили с собой. Отдали салют флагштоку «Орловские родники» и красочному транспаранту «Живительные ключи России».

Даю своему спутнику, обретенному другу Самойлову, добро. Алексей Борисович налег на тяжелые весла и лодка, покачнувшись, минуя заветные камыши, стала медленно, но уверенно пересекать водную гладь озера Белого.

Два часа пути и весь лагерь оказался на пристани базы отдыха «Сокол». На берегу уже стоял знакомый «Икарус». Из него вышла Ассесорова. Как начальник лагеря, поздоровавшись, я доложил президенту весьма кратко:

— Все живы и здоровы.

И это было правдой, так как к тому времени ранее недомагавшая Ольга Мясникова уже полностью пришла в себя и активно хлопотала о завтраке.

Новую смену в составе восемнадцати молодых отдыхающих возглавлял, в отличие от меня, профессиональный турист Владимир Красов. Информировую коллегу о состоянии дел на биваке озера Белого и желаю ему с его группой всяческих успехов.

9. КЛЮЧ РОССИИ

*«О, Волга – колыбель моя,
Любил ли кто тебя, как я?!»
Николай Некрасов*

День 25 июля 2002 оказался особенно удачным не только потому, что все благополучно устроилось с отъездом, а в не малой степени, по причине куда более важной. Отъезжающим, как говорится, под занавес, Людмилой Ивановной была устроена встреча с одним из самых главных «ключей России» — истоком великой русской реки Волги, что начинается вблизи озера Селигер Тверской губернии. Символично, что самый большой приток ее – Ока берет свое начало уже у нас — на Орловщине.

И вот мы с внуком стоим у огромного гранитного камня. На нем неизвестным умельцем высечены простые, а вместе с тем, мудрые слова:

«Путник! Обрати взор свой. Здесь начинается величие земли Русской». Камень заложен в 1989 году. Туристы подходят к благословенному месту, где посреди болотца стоит часовенка над самым ключом, тем, который и дает начало величавой красавице.

*Отсюда Тверь
Открыла дверь
Благословенным тем ключом
Истоку Волги,
Что ручьем,
Затем речушкою, рекой
Продолжит путь
Великий свой.*

На ее долгом пути встретится первая деревня – Волговерховье. Первый приток – ручей Персянка, первые озера – Малая и Большая Верхиты. Вплоть до озера Стерж чудо-Волгу можно легко перешагнуть. Но после цепи Верхневолжских озер, это уже не речушка, а настоящая река, который предстоит проделать путь в 3530 километров до Каспийского моря – издалека долго течет река Волга...

Исток Волги

Исток Волги издавна считался святым местом. Открытая в 1649 году по Указу царя Алексея Михайловича Спаса – Преображенская пустынь не обрела силы, хотя и имела большую известность. Запустение довершил пожар 1724 года. Жители заселенной

Исток Волги. В первом ряду, справа: П. Д. Козин, его внук Максим, кинооператор Елена Озерова и другие

в 1740 году деревни Волгино Верховье взяли на себя заботы по содержанию в чистоте источника и часовни при нем.

В начале XIX века здесь открыли женский Ольгинский монастырь. Настоятельницей стала игуменья Вера. От прежнего Ольгинского монастыря сохранились Никольская церковь и каменный Спаса — Преображенский собор. В нем-то мы и побывали. Кинооператор Елена Озерова, как в лагере, так и теперь у истока Волги вела активные кино и фотосъемки. Даст бог и все получится на славу. И взрослые, и юные экскурсанты увидят еще раз себя, а главное прекрасные памятники Верхневолжья.

Ведь совсем не случайно мой одиннадцатилетний внук задумчиво стоял у истока Волги. Когда же увидел напротив деревянной часовенки, которую вместе с источником освятил усопший патри-

арх Алексей Второй, большую деревянную доску с автографами туристов со всей Русской земли, он подошел к ней и отчетливо начертал: «Орел, 25 июля 2002 года. Максим Корнеев» И расписался, так сказать, запечатлел себя.

*Когда Максим пером писал,
От счастья, словно расцветал,
Была та явь, как сладкий сон,
Он Волге отдавал поклон...*

Мне же, в эту минуту, хотелось поблагодарить моего друга, генерального директора ОМОООМ «Орловские родники» Сергея Ивановича Шмелева, который организовал для нас с Максимом это удивительное путешествие. На Селигер и к истоку чудо — Волги. Без него мы с внуком не испытали бы счастья побывать на былинной Тверской земле.

К нашему автобусу, стоявшему в деревне Волговерховье, смело подошел вороной конь с белой звездочкой на лбу и стал беззастенчиво просить угощения. Инструктор Михаил Шиков вручил вороному полбатона хлеба, а Максим, не устояв перед вопросительным взглядом коня, отдал ему последнее печенье. Подумалось тогда: как добра и щедра русская земля и люди на ней.

*Орел – Осташково – Волговерховье – Орел.
Июль 2002 год*

КУДИНОВО

*Среди садов и рощ осинowych,
Вдали от шумных городов,
У двух заиленных прудов,
Свой доживает век —
Кудиново!*

Весной 2009 мы на редкость быстро и дружно управились с дачей. 3 мая я начал копку огорода, а уже 9 мая, в День Победы, все пять соток были обработаны и засажены. На восьмой день, выпавший на воскресенье 17 мая мы с женою, из-за неувязок с личным транспортом (окончился срок действия водительских прав), на маршрутном автобусе № 63 добрались до своего участка и оказались весьма довольны результатами своей былой деятельности. Накануне, в течение трех дней шел дождь, а теперь: чеснок и лук, щавель и острогон, петрушка и клумбы цветов — все выглядело сочно — зеленым, а цветущие сливы и яблоня благоухали чудным цветом и запахом.

Огорчение вызывала лишь худая крыша двухэтажного дачного дома. Чтобы обновить кровлю — покрыть ее шифером, ибо толь — вещь ненадежная, нужны большие средства и мастера. Мне же под 70 и я стал опасаться высоты. В памяти еще свежи были раны сердца. Отец и брат Иван стали жертвами падения с крыш. Повторить их «подвиг» мне крайне не хотелось.

— Дорогой! — обратилась ко мне жена, — еще в прошлом году ты со своим приятелем-рыболовом собирались заняться крышами дачи и гаража (он так же изрядно протекал). Может теперь, что надумаете? Решитесь на благое дело. Денег на материалы я найду. И Юре твоему уплачу, сколько следует.

— Где его искать? И, что с ним теперь, я не знаю — год прошел. Его и без того «замороженным» зовут.

Отдавая дань страсти, Юрий как-то изрядно перемерз, долго болел. Младший же брат его Игорь, профессиональный водитель, еще в 2002, в свою очередь, обморозился так, что ему ампутиро-

вали ногу, и он стал инвалидом 1 группы. Теперь он в деревне Михайловка Орловского района с женою Надеждой живет. Хотя женщина сама в инвалидах 2-й группы числится, но на то она и зовется Надеждой — веру в пользу труда сохранила. Супруги Яшины не только водят поросят и кур, в их хозяйстве числится даже лошадь. И право, как без нее? С одною ногою, да при больной супруге, с большим огородом в селе не справишься. Да и дров привезти, поехать куда — конь всегда выручит.

Юрий, 1960 года рождения, и хотя старше брата на 7 лет, а полная противоположность ему. Игорь на все руки мастер — в технике и в крестьянском деле: дом, палисад, земля — все в пристойном виде. Юрий Владимирович, однако, не в пример Игорю — не тургеневский Хорь, а скорее Калиныч — любитель даров природы. Но более грибов и ягод он любит рыбалку. Это одна его, но пламенная страсть. На ней мы и сошлись с ним, где-то тому 15 лет назад на Мало — Куликовском водоеме. Бдели ночи на прудах Пилатовки и Гостиной, на Оке, в Отраде и близ Володарки. Вместе рыбачили под Малоархангельском и Глазуновкой, в Поньрях и на Барском, что уже на Курской земле. Наконец, не раз бывали на Тульчине, в районе деревни Кудинова, где водились прожорливые ротаны.

Братья родились в рабочей семье. Их отец Владимир Петрович Яшин — маляр. Мать Валентина Петровна — прессовщица фабрики «Радуга». Оба на пенсии. Они давно постарели и со здоровьем неладят, но продолжают кормить и поить, как в народе выражаются, взрослого разведенца — сына. С 1995, став жертвой демократических преобразований, Юрий нигде не работает. Он даже не пытается трудоустроиться. Положение иждивенца его устраивает. Удочки же ему приносят не столько дохода, сколько расходов. Правда, он иногда подрабатывает по 5-6 тысяч на заготовке мотыля. Но это занятие носит эпизодический характер и дыр в семейном бюджете залатать не может. Безденежье доводит приятеля до абсурда. Он — вечный заяц: в электричке, трамвае, автобусе. Спасает его добродушный и легкий, сговорчивый характер. Контролеры всех уровней махнули на него рукой. Да

и что с Юры, бывшего осмотрщика вагонов и сдатчика поездов, возьмешь — гол, как сокол! Если выпивает, то за чужой счет. Однако не назойлив, не жаден, не корыстолюбив. Напротив, учтив, и всегда доброжелателен. В общем, рубаха — парень! Все рыболовы с ним на «ты». Он объездил и отлично знает все близлежащие и дальние пруды и речки. С ним советуются, хотя Юрий совсем не числится удачливым добытчиком «чешуи и хвостов». Да и как стать таковым, если он не браконьерствует, не использует запрещенных приемов, а ловит всего одною удочкой. Случится активный бор, он — герой, а нет — суда нет! Тем не менее, он духом не падает. Готовит приправу и вновь друзья — рыболовы видят его в электричке — веселым и энергичным. Таковым, поистине, надо родиться!

Теперь, когда читатели имеют некоторое представление о моем герое, можно вернуться к моей беседе с женою Валентиной солнечным днем 17 мая.

— Дорогая! — обращаюсь к супруге, — Пойдем к ручью, там нароем червей, а завтра попытаюсь открыть сезон — съезжу на рыбалку. Утро вечера мудренее.

— Поезжай, — грустно улыбается Валентина, — тебя все равно не удержишь, раз ты что задумал. Крыши на ладан дышат, а рыбаку все — по боку!

... В 6 часов утра 18 мая, в высоких сапогах и с рюкзаком за плечами я оказался на перроне второго пути железнодорожного вокзала. Электропоезд был готов следовать рейсом «Орел — Тула». У вагона неожиданно, на ловца и зверь бежит, вижу невысокую коренастую фигуру старого приятеля.

— Юра! Никак и ты за ротанами решил наведаться? — обрадовался я.

— Да, в Кудинова, но за карасями. У меня для них манная приправа, сладкая, что повидло, припасена.

— Это хорошо! У меня, по обыкновению, одни черви.

— Не беда! На червя всякая рыба клюет.

— Ты один?

— Нет. Со мною мой бывший напарник по горячему цеху. Он ногу сломал. Подлечился, теперь на бюллетени. Решил на пруду душу отвести.

— Понятно.

Уже в пути, я подал руку солидному, с неглубокими залысинами на крутом лбу, плотном и, на вид, серьезному мужчине, представился:

— Петр.

— Виктор! — услышал в ответ густой баритон Юриного спутника.

В Кудинова, от остановочной платформы 113 километр, где мы благополучно высадились — два пути. Один — по горам и долам, минуя дворы, охраняемые злыми собаками, другой — более длинный, по выщербленной, но бетонке. Учитывая хромую ногу товарища, мы пошли этой, более легкой, без пней, бурелома и кочек дороге.

— Какие мы, русские, варвары! — гневно бросил фразу Виктор, указывая рукой на брошенные хозяевами дома, что стояли за деревьями, без окон и дверей, — нужно, не нужно, а ломаем — к себе тащим, а то просто на месте жжем и рушим. За это нас в бывших советских республиках и в странах Европы никто не любит.

— Водится за нами такой грех! — соглашаюсь я.

— А здесь в высоченных Елях белка жила, — перевел разговор в другую плоскость неугомонный Юрий, — в Орле как-то у одного пассажира белка из клетки убежала. Близ памятника Тургеневу с охотничьей собакой, долгое время в Елках жила. Такая была смелая, что из рук людей корм брала. Правда, скоро пропала.

— Эти же люди ее и погубили, — вздыхая, проронил Виктор.

— Может быть, не знаю, — отозвался Юрий.

Дорога шла круто, на подъем. Мы миновали небольшой, весь поросший сухою осокой пруд. Яшин объяснил:

— Здесь мелкие караси водятся. В камышах прячутся и крупные особи, но их трудно взять — в болоте увязнешь. Глубина по колено, а ила — по пояс.

— Каламбуришь, но все верно, — подтверждаю я, — а вот, Юра, и твои друзья, указываю на примостившихся среди пней у

дороги сторожевых псов.

— Видно, есть хотят, а у меня с собою ничего нет, — сокрушается приятель.

— Всех бродячих псов не прокормишь, — бросил Виктор, — их, одичавших, как и бомжей, теперь много на Руси развелось.

Не прошло и получаса, как мы, минуя небольшой лесок, где вырезали по подставке, оказались у трехэтажного дома, что высился в чередѣ одноэтажных, но кирпичных, еще справных зданий.

— Вон, какие особняки стоят, а все бесхозные, пустые! — надулся Виктор, а здесь был плодовый совхоз. Сотни людей жили, радовались, обустроивались. Огромные — молочная и свиная фермы. Ремонтная мастерская, неполная средняя школа, медпункт, большой клуб. Теперь один магазин остался, да и он каждый месяц разворовывается.

— Штакетник, что был вокруг колодца и тот разобрали, — вставил свое слово Юрий, — благо, что ведро худое заменили.

— Прогресс! — попытался пошутить я, — как никак, а Кудинова в семи километрах от райцентра Чернь и в десяти верстах от села Спасского — Лутовиново. Здесь не раз и Тургенев по охотничьим надобностям бывал. Сады вокруг — прелесть!

— Негодными, неухоженными, пропавшими стали сады. От русской постыло — несправедливой жизни он впал бы и сегодня в отчаяние при виде того, «что совершается дома», — заключил нашу серьезную беседу Виктор.

На плотине верхнего пруда сидели двое молодых парней. Один из них, увидев меня с сигаретой в зубах, попросил:

— Дайте закурить!?

— А своих папирос нет? — протягиваю я развязному молодцу сигарету.

— Где-то в машине валяются! Далеко идти.

— Что-нибудь поймали?

— Да, пяток пескарей. Мелочь одна идет. Плохой клев — холодно! Вода не прогрелась.

На нижнем пруду я сел на противоположном берегу по отношению к рыбакам-приятелям. Забросили удочки. Стали ждать

удачи. И лишь спустя час времени попался черный, как навозный жук, ротан.

— Молодец! — дуэтом похвалили меня Юрий и Виктор, — пойдет, пойдет рыбка! Их оптимизм оказался преждевременным. Сколько мы с Юрием не меняли мест, на Верхнем и на Нижнем водоемах, результат оставался прискорбным. За семь часов лова я поймал всего пять ротанов и только одного, хотя и приличного карася. Юрий выудил четырех карасей. Виктор сию не менял, а оказался более удачливым. В его садке копошились полтора десятка золотых особей.

— В 5-6 метрах от берега здесь обрыв, — объяснял он причину удачи, — бросил крючок у его края, значит — жди поклевки.

Посмотреть на рыбу к Виктору подбегали две юные девчонки — школьницы и он не преминул угостить их баранками. Спросил:

— В школу-то далеко ходите?

— В соседнюю деревню, за 5 верст.

— Пешком?

— Не всегда. Иногда подвозят. Зимой на лошади, летом на машине.

— На что же живете?

— На бабушкину пенсию.

— А родители?

— Безработные. Летом ягоды и грибы, осенью яблоки собирают и продают. Вот и весь их доход.

— Не густо, — сокрушался Виктор, — деревня в запустении. Если и пашется поле, то больше клоками. Новым хозяевам лишь бы чернозем урвать, а у нас же все больше подзолы и суглинок. От того и чертополохом поля заросли.

В четыре часа дня, когда я уже собрал удочки и возился с рюкзаком, из подбехавшего автомобиля — «козла» вышел пожилой здоровяк. Мужчина спросил:

— Как улов?

— Плохой, — отвечаю, — клева нет. Видно, холодно. Ни земля, ни вода не прогрелись.

— А позавчера, говорят, хорошо клевало.

— Все может быть.

— Раз так, то нам в Кудинова делать нечего, — незнакомец сел в машину, и она дала «газ».

Когда я в полной экипировке оказался на противоположном берегу, Виктор шутливо спросил:

— Петр Дмитриевич! А вы, видать, злой волшебник?

— Как? — удивился я.

— А так! Сказали пару слов рыбакам и они — хвост трубой, долой от пруда!

— Я им честно свой улов продемонстрировал. В том и есть секрет моего волшебства.

— Ха-ха-ха! — раздался задорный смех обоих моих товарищей.

— Солнышко подогреет, и дело пойдет! — оптимистично сказал Юрий, — подождем. У нас еще лето в запасе.

Из Кудинова возвращались прежним путем. С тою разницей, что мы шли теперь под гору, что было легче. Встретили трех девочек — подростков. Их сопровождала большая черная собака. Виктор грустно заметил:

— Бродят одни, без взрослых. Тут машины снуют. Посадят — увезут и надругаются. Люди ведь зверьми стали.

— Моральный кодекс социализма, верно, не чтят, — согласился я.

— Да, мы теперь при капитализме живем, — поддержал нас Юрий, — а у нуворишей одна заповедь: «Человек человеку — волк!».

— Смотрите! — указал Юрий на ровные края дороги, — видно, грейдер прошел. Все расчистил. И дорогу немного подлатали.

Уже за малым болотистым прудом, на обочине мы увидели экскаватор и суетящихся у него рабочих.

— Плиты поднимают, перекадывают, — Виктор на мгновение остановился, — я слышал, что здесь комплекс будут строить.

— Давно бы так. Все жизнь повеселеет, — вставил свое слово и я.

На перроне платформы, в ожидании электропоезда, стояли трое: две старушки и один пожилой мужчина. Одна из них, этакая шустрая и энергичная бабуся, показывая рукою в сторону от железнодорожного полотна на находящееся кладбище, проронила:

— Вон, наше место. Скорее бы. Молодым, отвыкшим от труда, не завидую. Китайцы, азиаты всякие всю страну заполонили, а русские бездельничают и пьянствуют. Что их ждет завтра? Ясно — рабство. Девки уже сейчас продаются, не стесняясь, подолами, трясут — стыдоба какая! Вот до чего без Советской власти дожили.

Ей вторила вторая, что сухая и сгорбленная сидела на рюкзаке:

— Вымирает Россия. Ой, вся вымрет.

— На кладбище русским и место, раз ума нет, — отозвался седой мужчина.

Когда подошел электропоезд, он тут же бросился поднимать на крутые ступеньки слабую, горбатую старушонку.

Молодая контролер, когда мы на всех парах мчались на припоздавшую из-за пропущенного грузового состава электричку, подошла к Юрию:

— А, это ты! — заулыбалась она, — и, как всегда, без билета?

— Точно так, я же рыбак! — весело отрапортовал Юрий.

— Знаю, а потому прощаю.

— Спасибо, красавица! — вновь отшутился приятель.

Виктор всю дорогу, думая о чем-то своем, оставался грустным. Усталым и разбитым после похода за кудиновскими ротанами чувствовал себя и я, а потому молчал, прислонившись к оконному косяку и несколько подремывая, уходил в забытье.

Уже в Орле, расставаясь с приятелями, я напомнил Юрию о нашем еще прошлогоднем уговоре уладить дело с крышами. Он внимательно выслушал меня и на полном серьезе ответил:

— Телефон знаешь. Звони, как соберешься. Обязательно помогу. Я же, как пионер, — всегда готов!

ШЕСТОГО ИЮНЯ

*С утра, казалось,
Будет день прекрасным,
Но вот взметнулась серой тучки
Брошь,
За ней еще...
И скоро стало ясно:
Нас ожидает —
Долгий, нудный дождь...*

*Я ж, как назло,
Забыл облечься в свитер
И без сапог
Собрался по грибы.
В Кромах —
Меня покинул Часовитин:
Лукаво — мудрый
Баловень судьбы,*

*Что лишь в сонетах —
Смелый и отважный,
На деле же —
Известный эгоист:
— Грибов дороже
Мне здоровье! — скажет, —
В лесу ж промокнешь,
Как бумажный лист!*

*Подставив зонт
Под дождевые перлы,
Из поезда он вышел
На перрон —
Сухим в Орел
Вернулся друг Валерий,
Меня ж в Гостомль
Катил сырой вагон!*

— Надо было послушаться Валерия Яковлевича и следовать его примеру! — по возвращению из грибного похода упрекала меня жена, — характер показал, а здоровье подорвал: на тебе сухой нитки нет. Без сапог, плаща и даже зонта, под проливным дождем собрался лес покорять. Часовитин же молодец, с зонтом был, а увидел небо в клеточку — вернулся. Все просчитал, не зря по образованию — экономист! А ты? Дрожишь, а все то тебе нейдет?! Говорила же, что грибов еще — кот наплакал.

Охая и ахая, заботливая жена тут же предложила мне сто грамм вино — водочного настоя. Сытно накормила и напоила густым и горячим чаем. Когда я в суконных носках уже покоился, набираясь тепла и сил в кровати, она продолжала расспрашивать меня о моем первом в этом (2009) году и столь незадачливом путешествии. Рассказать же было о чем.

Бомж

Мы, трое грибников, вышли из вагона поезда «Орел — Михайловский рудник». Первым, кого увидели на остановочной платформе 76 км, был низкорослый, небритый, цыганского типа, бомж. Весь промокший, в рваных по шву, но дорогих, явно не своих, выутюженных брюках, мужчина лет под пятьдесят суетливо прохаживался по сырому бетону. Поражали его разбитые в кровь, совершенно босые ноги. Он назвался орловцем. Приехал, дескать, по делам, но каким, не объяснил. Едва я вынул пачку сигарет, как бомж, шлепая по кроваво-грязным и зябким лужам, оказался возле меня, всем своим видом показывая, что хочет покурить. Я молча угостил его сигаретой. Затем — второй, третьей. Он брал сигареты в зубы, прикуривал и тут же отходил в угол плиточного навеса.

Наш состав наверняка уже подходил к конечной станции, а мы все еще пережидали дождь. Спешить было некуда, да и глупо. Проводница вагона и местные селяне объяснили нам, что грибов мало. А какие есть и те — червивые. Грибники же — народ дотошный. Не успокоятся, пока сами все не перепроверят. Известно, что лучше всего коротать время, проводя его за беседой. Ведь небо

над нами разверзлось мощными струями, а все мы были одеты легко. Если у одного из моих товарищей был зонт, у другого плащ-накидка, то я, вообще, выглядел полураздетым. Вначале мы поговорили о горестной судьбе бомжей, которых так много теперь разверзлось в стране, где и обычным, законопослушным гражданам живется совсем невесело. Посетовали на то, что многие бомжи не хотят работать. Едва трудоустроившись, тут же сбегают от хозяев за непонятной для обывателя свободой. И вновь — клянчат милостыню, а то просто воруют.

Надоело, стоя под навесом, говорить о бомжах, и мы перешли, как водится, к охотничьим байкам. Первым взял слово плотный, жизнерадостный здоровяк, коему и ливень не помеха. Назвал он себя Владимиром Григорьевичем. Через пару месяцев, в августе, ему исполняется 70 лет, а живет он на станции Лужки, в 13 доме. Вначале наш приятель добрым словом помянул советскую власть, когда грибов и зверей в лесу, как и рыбы в прудах и реках было много, а охотников до легкой добычи мало.

Встреча с волком

— Вот, вы говорите, — начал свой рассказ Владимир Григорьевич, — что лоси — не звери, а мирные, де, животные. Прямо скажу, не приведи господь встретиться с ними в их брачный период — растерзают. Одну женщину лось так искромсал, что по клокам кости собирали.

— Страшнее волка?
— спросил я.

— Порою, да. Вот был случай. Приехал я в лес за грибами на мотоцикле. Поставил свой «Минск» у тропы и стал охотиться за белыми красавцами. Один, другой, третий кладу в корзину. Ищу еще, а впереди, вдруг вижу два огня

В. А. Егоров и В. С. Бондарев

рядом. Невдалеке чернел овраг. Стало смеркаться и волк, как видно, вышел на добычу. Что делать? Оборачиваюсь назад — мотоцикла не видно за кустами. Не поворачиваясь, делаю два шага назад. Ужас! Волк так же сделал два шага, но вперед. Я повторил ход и он тоже. Хитрый, видать, зверюга! На мое счастье, я заметил свой безотказный «Минск». Рывком к нему. Ключ был на месте. Бью ногою по стартеру. Ура! Завелся! Направляю свет на волка, что совсем в двадцати шагах, давлю, что есть силы на газ. Свет и рев мотоцикла видно напугали его — он рванул в сторону. Я бегом за лукошком, что оставил на тропе. Укладываю его в багажник и — был таков! Вот вам и волк. Не бросился сразу в намет, как лось, а повел охоту. Сытые волки, как правило, на человека не нападают. Этот же, вышедший из оврага, где в логу, наверняка были молодые волчата, отпугивал меня от них. Однако не будь со мною мотоцикла, не знаю еще, чем все дело закончилось?!

Карповы пилы

— Или, вот такой был случай, — продолжал свои байки житель Лужков, — ловили мы с приятелем карпов в пруду, что в четырех верстах от поселка Кромь. В 80-е этого добра в каждом водоеме было пропасть. Забросали пруд бомбами из свежего теста, расставили удочки на горох. Проходит 20 — 30 минут и поклевка. Уложили в мощный садок килограммов пятнадцать золотых особей. Поймали еще по карпу и пошли за трофеями, чтобы по справедливости поделить и отправляться восвояси. Подходим, вынимаем садок, он же, будто ножом обрезанный, а рыба тью-тью. Вся, как ни есть, ушла. Выругались, да винить некого. Разве лишь себя, что о карповых пилах забыли. На следующий день отправились в рыбацкий магазин и приобрели капроновый садок. С ним уже и стали навевываться за карпами. Такой садок — верней и надежнее. Ему и пилы нипочем!

«Сопливый»

— Вы бывали где-нибудь в этом году на пруду? — спросил меня другой незадачливый грибник, назвавшийся Анатолием Гри-

горьевичем. Круглолицый, розовощекий мужчина, которому, как мне казалось, нет еще и 60 лет. Он проживает, по его признанию, в Орле на улице 8 марта.

— Один раз в Кудиново ездили с Юрой Яшиным за ратанами.

— Что за Юра? Это, что не большого роста и нигде не работает?

— Да! Его еще «Замороженным» зовут.

— Этот, что мотыля моет?

— Точно.

— Но, мы его просто «Сопливым» зовем. Вечно он насморком страдает и, подобно божу, — простуживается.

— Но, рыболов — отчаянный!

— Чаще — неудачник! — уточнил собеседник. — Я больше на платные пруды езжу. Последний раз шесть килограммов привез.

— И, сколько заплатил?

— Триста рублей! Да, сейчас на рынке килограмм карпа 150 рублей стоит.

— Таких денег у нас с Юрою нет, а потому мы чаще всего в прогаре, как и в прошлый раз, по 5-6 рыбок всего и выудили.

— Теперь в прудах нигде рыбы не поймашь, — вмешался в разговор Владимир Григорьевич, — все браконьеры подмели. Платные водоемы — удовольствие для богатых. А нам, как Юра, сопливым и сонливым, мелочь, что водится на Барском пруду и та в радость.

Бег с лукошком

Уже в половине двенадцатого дня, когда дождь несколько приутих, мы решились, наконец, пуститься в бега по березовым перелескам. Места давно знакомые, а потому никто не боялся заблудиться. У каждого из нас был свой маршрут. Я, обгоняя дождь, устремился вправо. Миновал рощицу — грибов нет. Прошелся аллеей вековых берез, надеясь увидеть здесь Белые, но таковых не оказалось. Устремился вдаль за бетонку, но и в этих некогда благословенных местах меня не ждала удача. И, лишь после того, как я, миновав овраг и широкое поле озимых, вышел на южную окраину леса, перед моими глазами предстала стайка свинушек. Вслед за ними укладываю в лукошко также череду молодых свет-

ло-бурых поплавушек. Тучки рассеялись. Дождь более не докучал. Напротив, засиявшие всеми цветами радуги солнечные лучи быстро высушили меня. Огорчение вызывали лишь наполненные водой ботинки. Но я, подобно солдату, продолжал греться бегом, и вскоре стерпелся и с сырою обувью.

Но не долго мне пришлось декламировать поэтические строки Эльдара Рязанова «У природы нет плохой погоды». Уже в половине третьего дня с севера набежали иссиня-черные тучи, громыхнул гром и на мою легкую кепку, словно горох, посыпались хладные градинки. Дабы не испытывать судьбу я направился к остановочной платформе, под спасительный навес железнодорожной будки. Тут уже находились не только мои приятели — грибники, но и трое местных селян: мужчина и две женщины. Бомж все также настойчиво и суетливо вымерял босыми ногами бетонные плиты. Каждый его шаг отпечатывался на них сгустками крови.

— Проголодался, наверное? — спросили мы.

— Немного, — отвечал он, понутив голову, на коей, что для него естественно, не было никакой кепки.

Мы с Анатолием Григорьевичем достали свои домашние запасы и угостили продрогшего несчастливца — колбасой, салом и ломтями хлеба. Бомж, подобно голодному псу, тут же, натужно работая где-то и неизвестно кем выбитыми зубами, поглощал нашу пищу. Когда она кончилась, он потянулся ко мне за сигаретой.

— Ничего, скоро поезд придет, — сочувственно изрекли женщины — селянки, — в Орле отогреется.

Но произошло неожиданное. Когда мы усаживались в вагон, бомж нарочито отошел от нас и уселся на краю платформы. Он сознательно не реагировал на наши увещевания, обещания помочь с билетом. Тепловоз тронулся, а горемыка — бомж так и не сделал попыток отправиться в город. Мы понимали, что теперь ему предстоит, за отсутствием проходящих составов, ночевка среди поля и леса. Наедине с ночными гостями — кабанами, лосями и волками. Разве только, что он решится заглянуть в деревню. До ближайшего же селения не менее пяти-шести верст. Правда в лесу есть шалаш, но в такую лихую непогоду, что выпала в день ше-

стого июня, он вряд ли согреет и обсушит столь бесшабашного странника.

В поезде я занялся отжиманием носков и, выйдя в тамбур, пытался согреться сигаретами. Собственные печали погасили, затушевали все мои грустные мысли о безысходных судьбах нестроенных россиян. Наши лесные трофеи так же не радовали. Если у меня набралось ведро второсортных грибов, то у моих приятелей оказалось и того меньше. Владимир Григорьевич непонятно зачем взял с собою крупную свинушку, что была не только старой, но и прелой. Видимо, решил показать ее своей второй жене, так, для отчета, первую супругу, по его словам, он с болью в сердце похоронил два года назад.

Уже в Орле, прощаясь, Анатолий Григорьевич, неунывающий розовощекий красавец, придерживав меня за рукав, сказал:

— Через недельку можно будет ехать на 76-ой. Почву дождь промочил основательно. Грибы пойдут. И не беда, что, говорят, на Курской АЭС радиоактивный выброс был, они оттого только лучше расти будут. Поедем?

— Я не против лесной прогулки, — шучу я, — но боюсь, что вы, как мой друг Валера, при очередном ливне где-нибудь в Кромах сойдете — одного оставите?

— Ха! — оторопел Анатолий, — ты все еще Часовитина другом зовешь, а он просто — предатель!

— Скорее, разумный и осторожный человек! — не согласился я со столь резкой оценкою поступка моего некогда редкого, но порою, забавного спутника по «тихой охоте».

— Не огорчайся, Дмитриевич, — крепко пожал мне руку Анатолий, — я не твой Валера, я — человек надежный!

— Будем надеяться! — ответил я, и в упор посмотрел в веселые глаза внове обретенного приятеля. Того, с кем мы по-братски разделили во имя спасения неизвестного бомжа свою «домашнюю снесь».

ШАХОВСКИЙ «ГОСТЬ»

*У развилки двух дорог,
Где травой поросший лог...
В августе, средь бела дня,
Повстречался с волком я.*

Когда-то Шаховская станция, что на Брянской железнодорожной ветке, была оживленным местом. Здесь стояло несколько ухоженных домов. Хозяева вели активный образ жизни. На подворьях, под охраной собак, держали скот и птицу. Пахали и сеяли огороды. Разводили сады и пчел.

С приходом к власти «демократов» все захирело. Станцию, в целях непонятной экономии, закрыли. От былых домов остались лишь черные дымные головешки. Правды ради заметим, что одно строенье, близ которого разместился глубокий колодец, еще как-то сохранилось. Его хозяин из жалости приютил у себя неизвестно кем пораненную, успевшую одичать собаку — лайку. Подлечил. И вот она теперь и стала едва не единственной достопримечательностью бывшего поселка. В километре от станции, нет-нет, да порадуется взгляд аккуратная усадьба местного пчеловода. А вокруг — ни души, только ветер и снег... Редко навевываются сюда селяне близ лежащих деревень, которые в свою очередь разорились и опустели. Поля и луга заросли густым бурьяном и чертополохом. Леса и рощи засорены непролазным буреломом и валежником. Вот и наступило раздолье разве лишь для диких животных и их извечных врагов — волков. В любом верху можно без труда отыскать их логова и лежбища.

Вот на таком фоне и состоялась моя неожиданная встреча с непрошенным серым хищником.

В понедельник, 10 августа 2009, я вышел из вагона электрички. Оглянулся: рядом — никого из попутчиков. Так, в одиночку, и отправился я за лесными дарами. Путь мой лежал в направлении дальнего охраняемого пруда. Пришлось миновать три сырых лога, благо я был в сапогах, прежде чем я оказался у знакомой по прежним визитам богатой грибами березовой рощице. И на этот раз

мне повезло. Я насобирав более четырех ведер подберезовиков и подосиновиков, свинушек и даже несколько белых.

С рюкзаком за плечами, с тяжелой сумкой и небольшой корзиною в руках отправился в обратный путь. Было пять часов дня, когда я оказался у глубокого оврага, что всего в полукилометре от станции и двухстах метров от железнодорожного полотна. Здесь скрещивались две лесные тропы. Усталый, я поздно заметил поднимающегося из лога волка. Он также, низко опустив голову, не видя меня, тщательно обнюхивал следы ранее пробежавших козюль.

Увидев торчащую из высокой травы длинную спину непрошенного «гостя», я остановился. Поставил на землю свою поклажу. Вынул из корзины нож и приготовился к схватке. Волк от меня был всего в 20-30 метрах. Честно говоря, мне сражаться с хищником совсем не хотелось. Я уповал на то, что летом волки бывают сытыми и в одиночку на крупных животных, тем более человека, не нападают. Но нет правил без исключений. Надо было что-то делать.

— А ну, пошел! — громогласно крикнул я.

Волк резко остановился и когда высоко приподнял свою голову, то мне со страху показалось, что «серый» выше меня ростом. Он не подал ответного голоса. Ни воя, ни рыка я не услышал. Зверь молча смотрел на меня, а когда я во — второй раз проскандировал: «Пошел!», то он, не поворачиваясь, задом отступил вниз по тропе. Достигнув куста, волк резко прыгнул в высоченную траву и скрылся в непроходимых зарослях груш и берез, шиповника и боярышника.

Выждав некоторое время, пока хищник уйдет далее, я уже осторожно, с опаскою, продолжил свой путь. Выбравшись на противоположную сторону лога, я на этот раз, что делал по обыкновению, не стал засиживаться на окраине леса. Пренебрег отдыхом. Чем черт не шутит, а вдруг серому придет в голову преследовать меня. Однако все обошлось. Я благополучно добрал до станции, где оказались двое грибников, что ранее прибыли из Брянска. Я не преминул рассказать им о только что пережитом происшествии.

— Ничего удивительного, — заметили брянские товарищи, — волки адаптировались и ни людей, ни поездов уже не боятся. Они

теперь подлинные хозяева степей и лесов. В том числе и пустых деревень. Ранее их местные собаки донимали, а ныне лишь раз в год охотники немного попугают и на этом все волчьи страхи заканчиваются до следующего сезона охоты. Вот такие, брат, дела.

Несколько позже, прослушав мой рассказ о встрече с «Шаховским гостем» опытная грибник, орловчанка Антонина Васильевна Князева горячо убеждала:

— Волк потому тебя не тронул, что ты смотрел на него в упор, не отвел взгляда и не побежал. Стоило тебе струсить и поспешно отступить, то он наверняка проявил бы свою звериную сущность. И неизвестно, чем бы все кончилось.

— Да, да, — соглашался я с попутчицей, — пути господни, как и волчьи повадки неисповедимы.

Однако волков бояться — в лес не ходить. А я в течение сентября — октября вновь неоднократно навещал Шаховские леса. Ходил теми же тропами, но с буро-серыми «гостями» более не повстречался. И, слава Богу!

АЛТУНИНЫ ИЗ МЕЛОВОГО

Когда со мной потряслась беда —

Я заблудился у пруда...

Алтунины меня спасли —

В Орел больного привезли.

25 июля 2009 я прибыл с целями «тихой охоты» на 53 км. На этот раз решил навестить в малоизвестные мне леса, что лежат вправо от железной дороги «Орел — Брянск». Из всех грибов, которыми сухое лето 2009 оказалось совсем не богато, заметное место занимали «лисички». Земляки — болховчане называют их иначе — «зайчишки». Известно, что предприимчивые немцы нашли в них состав, противодействующий раковым заболеваниям, потому, считая их лечебными, они заключили с предпринимателями России договора на поставку этих лекарственных гри-

бов. Вот и бросились орловцы обозрывать окрестные леса. Первые «лисички» заготовители принимают по 180 рублей за килограмм. В последующем цены резко падают вплоть до 50 рублей за тот же вес. Но это не останавливает грибников, и они упорно идут за счастьем. Изведать удачу решил и я. Тем более, что ранее в дальних логах мои коллеги находили немало и белых особей.

Еще по пути в направлении села Меловое, в ближнем верху, мне попала парочка чудесных красавцев. Вдохновленный первой удачей, я забрался в урочище и брел по его опушкам так долго, что оказался вблизи деревни с высокой водонапорной башней. Корзина, что покоилась в рюкзаке, оказалась наполненной белыми грибами и лисичками. Вторую, небольшую корзину, что я нес в руках, набрать доверху так и не удалось — время поджимало. Надо было спешить к платформе — поезд ждать не станет.

Выйдя из леса, я, как мог, определился по сторонам горизонта и, решив срезать путь, резко повернул влево. Тем более, миновав сырой лог, я вышел на торную дорогу. Первые полчаса я шел едва не с песней. Сияло солнце, благоухали цветы на полях, приятно освежал лицо мягкий ветерок. Но с каждой новой минутой груз стал давать о себе знать. Я невольно вспотел. Вот тут-то и начали меня нещадно донимать слепни и оводы. Замечаю, что моя тропа неожиданно повернула вправо. Менять ее было невозможно из-за непроходимого чертополоха и мелкого березняка. Решив не противиться судьбе, я продолжал отмеривать километр за километром, пока не уткнулся в густую лесополосу, где шла широкая автомобильная дорога. Я направился вдоль ее колеи. У края перелеска присел отдохнуть. Огляделся. Вокруг — безоглядное поле. А правее его поблескивало на солнце широкое зеркало пруда. По рассказам грибников и рыболовов я слышал, что где-то здесь должно быть село Меловое, а еще слабо обозреваемое мною водохранилище и есть Меловской пруд.

Покурил. Почувствовал, как нещадно бьется мое больное сердце. Делать же было нечего — дорогу осилит лишь идущий. Рюкзак на плечи, корзину в руки и — вперед. Я прошел не менее пяти километров пути, пока, наконец, не добрал до пруда. Он оказался до полутора километров в длину и 600-700 метров ширину.

Под усиливающимся ветром крупные волны качали лодки — плоскодонки, едва не перехлестывали широкую бетонную плотину. На берегу блистательного, на мой взгляд, водоема стоял красивый двухэтажный коттедж — уют для отдыхающих. Я пожалел, что у меня всего полторы сотни рублей и их, конечно, окажется мало, чтобы остаться на ночевку и порыбачить. Время клонилось к вечеру и я, несомненно, не только пропустил шестичасовой рейс, но не смогу уехать и девятичасовым поездом. Путь к железной дороге был для меня за семью печатями, а я так устал, что хотелось тут же сбросить с себя потные одежды и бултыхнуться в холодное, но манящее своей свежестью, лоно пруда.

На краю плотины, от небольшой избушки, стоящей невдалеке от коттеджа меня встретила злая собака. Она не давала мне пройти к дому, где у разведенного костра возился с дровами средних лет смуглый мужчина. Поговору и внешнему виду он представлялся мне лицом среднеазиатской национальности. Я попросил его унять четвероногого, что он и сделал, подойдя к свирепому псу и взяв его за ошейник.

— Иди! Не бойся, я держу! — крикнул он.

Шоссе уходило в гору. Я продолжал путь. Отбросив из-за собаки и ее незнакомого хозяина всякое желание «порыбачить». Моею целью было узнать: как добраться до железной дороги? Об этом я спросил проезжающих мимо меня двух симпатичных девушек — велосипедисток.

— Мы сами здесь в первый раз, — ответили они, — не знаем.

— А где вы живете?

— В коттедже. Отдыхать с парнями приехали.

— Понятно, — тяжело вздохнул я, опираясь на палку. Ее же я использовал в качестве жезла, пытаюсь остановить проезжающие автомобили. Тщетно. Никто из водителей не обращал внимания на пожилого странника, что своим видом напоминал скорее не грибника, а обычного бомжа.

Уже, когда я добрался до вершины горы и настолько обессилен и устал, что хотелось тут же распластаться на дорожной траве и уснуть или умереть. И тут-то случилось чудо. Возле меня притормозил пикап. Его хозяин, солидного вида, серьезный мужчина вежливо спросил:

— Вам куда: в Брянск или Орел?

— Мне бы доехать до железной дороги. Я грибник — заблудился.

— Железная дорога в другой стороне, на севере, а мы на юг, к автотрассе едем. Если вам в Орел, так до дома и довезем.

— Спасибо. У меня есть с собою сто рублей, я — расплачусь.

— Садитесь, — водитель открыл заднюю дверцу машины, — а там разберемся.

Я быстро забрался в салон автомобиля, который оказался довольно просторным. Устроив рюкзак и корзину на противоположном сиденье, я испытывал непреодолимое желание — пить. Мои запасы воды давно закончились. Сидевшая рядом с водителем миловидная женщина, оказавшаяся женою хозяина пикапа, предложила мне полторолитровую банку со свежей ключевой водой. Вот так и получилось, что орловцы не только спасли меня от непредвиденных неприятностей предстоящей одинокой ночевки в поле, но и от жажды.

Кое-как освоившись с положением пассажира, придя в себя, я познакомился со своими спасителями. Ими оказались: главный инженер «Телекомстройсервис» Александр Николаевич Алтунин и его жена Ольга Николаевна.

— Мои родители живут в Меловом, — объяснил Алтунин, — потому каждые выходные их и навещаем. А мы — в микрорайоне Орла. Вы сами родом откуда?

— Из деревни Сивково Болховского района. А проживаю с супругою на улице Прядильной.

— Вот, как! А я своего тезку, Александра Венедиктова, редактора местной газеты хорошо знал.

— Но, это же мой приятель, — признался я.

— И вы пишете?

— Да.

— Стихи, прозу?

— И то, и другое. В общем — книги.

— Здорово.

Когда же я назвал в числе знакомых известного писателя Василия Катанова, то разговор сразу же принял форму краеведче-

ской беседы. Чувствовалось, что Александр Николаевич не только технический руководитель известной орловской фирмы, но и большой знаток русской словесности. Такая редкая случилась удача — нарочно не придумаешь.

За полемикой не заметили, как оказались у завода Медведева, где я рассчитывал пересесть на трамвай. Но мой новый знакомый озаботился доставить меня непосредственно к дому. Я пытался воспротивиться, но за мужа вступилась Ольга Николаевна:

— И не спорьте. Вы устали, а нам это трудностей не составит.

Уже, покидая пикап, я вместе со словами благодарности пригнул своим «спасителям» сто рублей.

— Ваш гонорар! Как и обещал...

— Нет-нет, — воспротивился Алтунин, — нам дороже денег — беседа с вами.

— В таком случае поднимемся на пятый этаж, — сказал я, — и с женою познакомитесь, и выберите одну из моих книг на память о спасении из «блудного плена».

Ольга Николаевна не преминула воспользоваться предложением. Она вежливо поздоровалась с Валентиной Алексеевной, которая уже волновалась за судьбу мужа — за окнами квартиры уже во всю догорал закат. Назвала себя и кратко изложила перипетии нашей встречи. Из предложенных для ознакомления книг она выбрала поэтическую энциклопедию «Русская баня».

— Саша — большой любитель русской бани, — призналась она, — и ему будет это прочесть интересно.

На прощание оставила домашний телефон.

— Надумаете в Меловое на рыбалку или за грибами, — улыбаясь, сказала Ольга Николаевна, — пожалуйста, звоните. И отвезем, и привезем. Зачем же зря блудить...

Когда гостя ушла, то Валентина, тяжело вздохнув, заметила:

— Есть же еще на Руси хорошие люди, не всех демократы испортили.

— Это уж точно, дорогая, — согласился я с мудрой женой.

ТОРКУНОВКА

*Холмы здесь, крайне высоки,
В низине их,
у водной кромки
Лесной красавицы Оки
Стоит деревня —
Торкуновка.*

Впрочем, это при власти Советов Торкуновка считалась большой деревней в Мценском районе и славилась фермой тонкорунных овец. Сегодня здесь остались лишь десяток полупустых подворий, да ставшая никому не нужной водонапорная башня.

Разор пришел в перестроечные годы, а в начале нового века завершился окончательно. В ту пору академик и губернатор Орловской области Егор Строев, с подачи мэра Москвы господина Лужкова во всю Ивановскую возносил столичных инвесторов, решивших помочь орловцам в возрождении сельского хозяйства. Как же, к примеру, они выкупили в Торкуновке землю вместе с овцеводческой фермой. Смена хозяев не сильно беспокоила селян, ибо они привыкли жить по принципу, что ни поп, то — батька. Главное, чтобы было место, где можно приложить свои рабочие руки.

Не долго радовались торкуновцы добрым посулам новых хозяев. В один из осенних вечеров неведомо откуда прибыли огромные рефрижераторы. Спортивного вида москвичи растворили двери овчарни и давай, подобно циклопу, щупать, да пересчитывать овец. Известно, что волк и считанных овец крадет. Не устояли перед соблазном и они. Все полторы тысячи: баранов, ягнят и маток мигом оказались погруженными в автофургоны, что, минув крутые подъемы холмов и горок, взяли курс на столицу. Так элитные рестораны Москвы пополнились шашлычным деликатесом, а торкуновские крестьяне оказались без всякой перспективы на будущее. Молодежь в поисках лучшей доли покинула нажитые места, а необрабатываемые поля заросли самосевом осин и берез, где по весне стали вызревать ягоды и грибы.

Обо всем этом с горьким сожалением и болью мне поведал заядлый грибник и рыболов Олег Федорович Марин. Он еще крепкий и энергичный орловский мужчина — монтажник и водопроводчик, что прописан по Тульской, 2 — 74.. Всего пять лет, как Олег на заслуженном отдыхе. Все эти годы, в летнюю и зимнюю пору отдается любимым увлечениям. То с лукошком обходит заповедные леса, а то с удочками в руках спешит к речному перекату. Когда земля покрывается толстым слоем снега, то Марин с товарищами кладут в рюкзаки валенки, становятся на лыжи и все семь километров от платформы 46 километр с шутками и смехом быстро преодолевают крутые подъемы и спуски. Их ждут окские заводы, что у деревни Торкуновка. Здесь им завсегда улыбается рыбацкое счастье.

Совсем иная доля выпала нам с ним 27 октября 2009. Мы проделали в оба конца путь длиною не менее чем в двадцать верст. Обошли с корзинами все окрестные ельники и березняки, даже посетили с дедом Василием, нашим попутчиком, несколько лесных вырубков, но все тщетно. Всего-то и нашли по десятку рыжиков да по паре маслят. На этот счет дед Василий даже не удержался от стихотворного каламбура:

*«Вот так бывает иногда,
Хотя совсем не верится:
Шумит на мельнице вода,
А колесо — не вертится».*

Действительно, было от чего огорчаться. Ни «колесо», ни колесница удачи нашей троице не сопутствовали. Впрочем, и на старуху бывает проруха. Уже вблизи остановочной платформы «Железница», едва не на берегу небольшого пруда, у самой дороги Олег Марин неожиданно отыскал большой белый гриб. Не удержался, разрезал. Чудо, он оказался хорошим. Так, по сути, с единственным достойным «трофеем» мы прибыли к поезду.

Удивили откровения пассажиров четвертого вагона, куда мы сели. Угрюмая на вид женщина призналась, что еще два дня назад

она набрала полтора ведра зимних опят в лесу, что за карьером. Молодой железнодорожник так же не устоял, чтобы похвастаться и своей находкой. Еще вчера он отыскал вблизи железнодорожного пути столько опят, что ими оказался заполненным целый полиэтиленовый пакет. Нам же, троем неудачникам, приходилось лишь проглотить эти горькие пилюли.

— Ничего, все у нас впереди, — оптимистически успокаивал нас Олег Марин, — в новый сезон мы еще не раз посетим Торкуновку. Не стало в ней овец, но зато в ее окрестных лесах завсегда вдоволь — подберезовиков и подосиновиков, маслят и рыжиков и, конечно, белых грибов. Будет еще и на нашей улице праздник.

КОРЗИНА

*Забыл я в поезде корзину —
Пришла печалиться пора...
Спасли ж ее кондуктора,
Зовут их — Лена и Марина.*

Еще прошлой осенью, выйдя на остановке «Шахова» из поезда, следующего на Михайловский рудник, впопыхах, я забыл на верхней полке вагона свою большую корзину.

Огорчаться было отчего. По сегодняшним временам ее цена не менее 600 рублей.

Моя знакомая Раиса Мартынова успокаивала:

— Марина — серьезный кондуктор, она вернет ее.

Пожилой грибник Анатолий был другого мнения:

— Ее могут украсть пассажиры или заберут железнодорожники, а скажут: «Не видели!».

Набрав опят, а их в прошлую осень было много, я, не дожидаясь поезда, сел на попутный автобус и приехал в Орел. Из дому, по совету жены, направился на вокзал — потеря мучила меня. Однако, к прибытию — опоздал: состав уже был отбуксирован в депо. Здесь меня встретила пришедшая на дежурство молодая кондуктор Лена и чрезвычайно обрадовала:

— Цело ваше лукошко.

На следующий день я пришел к поезду с подарками. Честным и внимательным кондукторам — спасителям моей корзины — Лене и Марине я вручил по шоколадке. Заслужили!

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

*Гневил сушняк.
Окрест — полынь,
Да самосев берез
Кривился...
Теперь,
Куда свой взор не кинь,
Увидишь –
Сад преобразился!*

Действительно, в 90 – е, и первые годы нового столетия в какой общественный сад не зайди – тоска охватывала. Если плодовые деревья были низкорослыми, то их просто невозможно было разглядеть из-за зарослей высоченного бурьяна и самосева берез, осин, колючего шиповника и акаций.

Посещая совхозные, некогда ухоженные садовые плантации Чернского района Тульской губернии, я приходил в неописуемый ужас. К плодам яблок и груш невозможно подступиться из-за поломанных сухих ветвей, непролазных кустов диких зарослей, огромных муравьиных кочек. Междурядья не паханы: сплошь заросены крапивой и бузиной, осотом и полынью.

Удел русской деревни, как и ее некогда богатых садов – заброшенность и запустение. Но они продолжали, не смотря ни на что, расти и плодоносить.

В прошлых годах мы собирали и привозили в Орел полные рюкзаки и корзины антоновки и синапа, пепина шафранного и богатыря, анисовки и крошечных китаек. Повезет, так находили и добрые, сочно-сладкие груши. Вдоволь было и черноплодной рябины, малины и шиповника. Только рви, не ленись. Делай за-

готовки впрок. Умудряйся сохранить, чтобы морозной зимою являлась возможность украсить всем этим роскошным богатством стол детей и внуков.

В годы советской власти яблоки зря не пропадали. Из них готовили сок и вино, что в народе называли – червивкой. Это потому, что в ход шли не только здоровые, но и червивые плоды. Но вот пришли к власти демократы. Дабы сбить прибыль, они стали поставлять в Россию все европейское, да заморское. Но шло время. Народ трезвел и набирался опыта. Люди уразумели, что экспортные фрукты – сплошь гербицидная отравка. Они стали жалеть здоровье малых чад и, наконец, обратили внимание на свои, пусть не столь яркие и роскошные, но зато качественные плоды и фрукты.

Появились арендаторы, что заключали договора с производителями широко разрекламированного сока «Добрый». Они брали сады в аренду. На период созревания и уборки урожая выставляли охрану. Сделают дело, сорвут куш и поминай, как звали. После них приходим мы, пенсионеры – собиратели. В 2008, как я о том писал в очерке «Яблоки на снегу», последний визит в Чернь мы нанесли уже зимой — 1 декабря, когда в опустевших, заснеженных садах оставалась лишь испорченная паршой «строевка».

Первый мой поход в 2009 пришелся на середину октября. Накануне мои приятельницы – грибники Зина и Рая предупредили меня:

- В три первых от заправки сада не ходи.
- Почему?
- Там все перепахано.

Сестры оказались правы. Действительно, взору моему предстали плантации фруктовых деревьев, которые были не только с перепаханными междурядьями, но также со спиленным и убранным сушняком, а некоторые яблони были даже окопаны. Чистота и приволье – сердце забилось от радости. «Наконец – то, — отметил я про себя, — пришел конец разору!».

В четвертом и пятом садах острый плуг еще не взбороздил землю, но и здесь виделись перемены: сушняк опилен и вывезен, дикие кустарники вырублены, бурьян окошен. В таком порядке и

сбор вести приятно. Нагрузившись синапом и богатырем, штрифелем и антоновкой я прибыл домой.

Второй поход совершил уже в сады, что лежали на северо-западе от железной дороги. Яблок здесь оказалось мало, но порядок был все тот же.

Третий визит пришелся на 13 ноября. На этот раз вместе со мною были семидесятилетние орловчанки Рая и Алла. По просьбе жены я прихватил с собою напарницу в лице ее подруги по торговым занятиям, некую Галю.

— Смотри, не бросай ее одну! – наказывала Валентина.

— Не дитя же она малое, — возразил я.

— Да у нее на сердце кардиостимулятор устроен, — объяснила она, — перегрузится, упадет, кто отвечать будет?!

— Понятно. Не волнуйся – в беде не оставлю! – успокоил я жену.

Наш квартет избрал путь на юго-восток от села Медвежки. По обе стороны от автотрассы шумел лес. Говорю спутницам:

— Пойду, загляну в дубраву, вдруг, опять попадутся.

— Да, да, сходи. Чем черт не шутит, — отозвалась Раиса, — я их в прошлом году в эту же пору здесь полкорзины насобирала.

— Это в том, а в этом неурожайном, — усомнилась Алла, — вряд ли что будет.

И оказалась права. Около километра пробирался я по труднопроходимой чащобе, заглядывал на пни, копался у корней дубов и берез – все попусту. Съедобные грибы не явились взору, лишь изредка попадались крапленые мухоморы, да поганки. Я вышел на дорогу и пустился бегом догонять своих путниц.

...Прошли опустевшие, голые кусты черноплодной рябины. Здесь в высокой траве Алла и Галя оставили на хранение свои коляски. Свернув вправо, перешли глубокий овраг. За ним начинались плодовые делянки.

Крупных яблок мы не увидели – они были давно обобраны. Но средних размеров и мелочи было достаточно. Так что в накладе мы не остались. Набрали по силам.

Должен заметить, что на этих плантациях все еще оставалось в первобытном – диком состоянии. Видно, у хозяев до них еще руки не дошли. Но это и выручило нас, не то, как в ухоженных садах, мы оказались бы в проигрыше.

На обратном пути Галя вызвалась вместе со своим трехведерным рюкзаком устроить на коляске мою сумку.

— Зачем? – протестовал я, — тяжело будет.

— Ничуть! – убеждала Галя, — по асфальту катить легко. Я по Москве еще не с таким грузом езжу, а там – одни переходы в метро замучают.

И как я не пытался взяться за ручку коляски, чтобы помочь преодолеть хотя бы взгорье, Галя продолжала твердить:

— Я сама. Мне не трудно.

И довезла таки, не подвело больное сердце, мою сумку до вокзала, а в Орле нас уже встречали — моя жена и ее муж. Поход завершился, на радость нашим детям и внукам, вполне удачно.

Правда, меня несколько смущало то обстоятельство, что не до всех еще Чернских садов коснулась рука человека. Но преобразование было налицо! Не зря в народе говорят: лиха беда – начало.

ЗНОЙНЫЙ ИЮНЬ

*«О, лето красное,
Любил бы я тебя,
Когда б не зной,
Не комары да мухи...»*

А. Пушкин

Любопытный читатель, надеюсь, помнит, что грибной сезон 2009 я начал 6 июня на 76 км, где нас встретил сильный и холодный дождь. Грибов же было – кот наплакал! Другое дело в 2010-м. Уже к середине мая, после череды теплых и коротких дождей, в лесах, а чаще всего на березовых опушках-ополицах во всю высыпали: подберезовики, осиновики, сыроежки и веселые семейки толстогурых ранних свинушек.

Что это за «ополицы»? В словаре компьютера нет такого слова, потому компьютер подчеркивает его красной чертой. Знатный ярославский грибник Константин Яковлев объясняет: «В нашей среднерусской полосе часто бывает: вспашут поле, а когда станут сеять, вдруг оставят почему-то, не засеют узенький краешек возле леса или у дороги. И там сеет ветер: налетают малюсенькие самолетки и бабочки березовых семян. Год прошел — поднялась густая березовая поросль. Ее уже не трогает плут.

*Что сельская околица,
У леса та ополица:
Откроешь –
среди кустов –
Веселый мир грибов.*

Почему не осинники? Да просто пашня под озимые культуры готова к тому времени, когда готовы березовые семена. А осины и цветут раньше берез и сеют свое семя раньше.

Зимой ополицы задерживают, накапливают снег, и весной хватает им влаги. Насквозь пронизанные солнцем, они первые готовы для грибов, когда рядом, в поле, только еще проглядывают из земли красноватой щетинкой ростки овса, яровой пшеницы...».

Таким образом, уже 16 мая 2010, ровно на три недели раньше, чем в прошлом году я начал свою «тихую охоту». На том же заветном 76 км мне удалось набрать целых четыре ведра чудесных свинушек. И на вид хороши эти свинушки: светло-коричневые, с легкой бахромой по краям толстой шляпы. Разрежешь: желтым — желта изнутри. Правда, бурет разрез на воздухе. А нежны-то, чисты! Хоть носи их из лесу в коробке вместо торта, чтобы не помялись.

Возьмешь и одну шляпу – для жаркого хватит. Да не в одиночку растут. Рядом с большой особью, в траве, — поменьше, покрепче свинушечки. И одна, и другая, и третья...

Утверждения, что свинухи опасны для здоровья, дескать, они накапливают в себе ядовитые вещества, а потому являются причиной отравления – чистый вздор. Помню, с раннего детства мы собирали и угощались свинушками и никаким «морам» не подвергались. Главное, правильно, искусно грибы сварить. Владеешь мастерством – будешь приятно сыт, а нет, то любой гриб станет ядовитым.

Попадались мне и подберезовики. В мае они разные – под серыми, коричневыми, кремовыми шляпками. Растут вкруговую, а не только с северной, как принято считать, стороны. Ясно: когда мало тепла им – к солнцу жмутся, когда избыток – прячутся в тень.

Но больше всего меня поразило обилие белых грибов. Долгое время, выбравшись из травы, они, как бы застыли в своем росте. На базаре, что на Привокзальной улице Орла продавали ведерки белых «малышей». Но уже в конце мая стали появляться и крупные, поистине царские грибы – красавцы. Где-нибудь в стороне, под старой березой, отыщешь подлинного великана. Истинного чудо-богатыря Илью Муромца среди малых детей. Тяжелой его шляпой – тарелиной и впрямь убьешь Идолище поганое.

Мне удалось не только угостить Белыми жену, семью зятя, но и своих друзей Шмелевых. Когда же мои приятели по «тихой охоте» – сестры Зина и Рая сообщили мне, что появились лисички, то я решил наведаться на 53 км. Там мне ведомы были места, где их всегда можно было отыскать.

Не менее пятнадцати верст я пробежал с корзиною по оврагам и логам. Все – тщетно. Разве лишь на малую сковородку и набрал их – мелких и чистых. Повстречался в лесу с молодым человеком. Он насобирал более десятка букетов ландышей. Ясно – на продажу.

— И сколько же один такой пучок – светлого мая привета стоит? – поинтересовался я у незнакомца.

— Тридцатка! – отвечал тот, — 400-500 целковых, считай, уже в кармане.

— Жаль такую красоту губить, — замечаю я, — без них как-то грустно в лесу.

— Ничего, — нисколько не смущаясь от заслуженного упрека, отвечивал заготовитель, — их останется вдоволь еще и для Красной книги. Ха-ха-ха! Нет грибов, так свой бизнес хоть на ландышах сделаю, коль иной работы нет. Выживать надо – демократия, черт бы ее побрал!

Я не разделил ни его веселья, ни огорчения по поводу жизненной неvezухи, и быстренько убрался в тень светло— зеленого березняка.

С завершением мая, когда наступила сухая погода, пропали и ландыши, и грибы. Лето в пределах Орловской области начинается со второй половины мая – на эту пору и мне как-то повезло с грибами. А когда наступил действительно летний месяц — июнь, то все пошло вкривь и вкось.

Все врут календари! Судите сами. Так в справочнике сообщается, что июнь – менее жаркий месяц лета: средняя температура плюс 15-16 градусов. А на деле, именно на июнь пришелся пик жары – термометр зашкаливал за 30-35. Складывалось впечатление, что мы не в срединной полосе России живем, а пребываем, если не в Африке, то в настоящих Кавказских субтропиках! Моя бедная супруга Валентина Алексеевна страдала не столько из-за зноя летнего, сколько была опечалена судьбою огородных культур, что с таким трудом ей пришлось высадить на даче, а теперь с горечью в сердце видеть, как они сохнут без дождя. А синоптики все не радовали. Они уведомляли орловчан, что антициклон, об-

разовавшийся в центре России, не позволяет пройти ни северо-западным, ни Уральским, ни средне — земно — морским ветрам, несущим благо-спасительную влагу.

Нечему удивляться, что грибы пропали. И жена не стала отпускать меня более в лес. Лишь в один из дней июня мы вместе с нею посетили ягодные поляны Гостомля, где, спасаясь диклофосом от укусов комаров и мошек, с трудом насобирали около пяти литров мелкой, но сладко-пахучей земляники. Остальное время отдали даче. Хотя малым, из-за недостатка воды поливом, но как-то старались спасти, на глазах увядающие под солнечным пеклом овощи и прочую огородную растительность.

— Июнь – на рыбалку плюнь! – любят повторять рыболовы. Если и поймашь десяток рыбешек, то и те не спасешь от знойного удушья.

Мне же ничего не оставалось делать, как надеяться: рано или поздно «грянет гром» и, наконец, прольется пряный дождь...

*У грибников, когда спадет жара,
Наступит вновь веселая пора!*

ТРАВА ПО ПОЯС...

*«На дальней станции сойду -
трава по пояс...»
(Из песни Н. Рубцова)*

Эти стихотворные строчки прекрасный русский поэт Николай Рубцов написал в пору «Брежневского застоя», когда, действительно, на дальних станциях и полустанках можно было лишь зреть первозданную, не тронутую руками человека частицу зеленой природы. Ныне же во дворе, не памятные 70-е, двадцатого, а десятый год XXI столетия. Потому пышное, я бы сказал, могущее разнотравье, встретишь прямо за городом. Многие же заброшенные деревеньки, как отчее Сивково, так заросли травой и бурьяном, что не отыскать даже кривых тропок ни к домам, ни к колодцам, ни к пруду. Однако, голь на выдумки хитра. Вездесущие рыболовы, а то и просто случайные бродяги бросают горящую спичку или недокуренную сигарету в сухую траву и она, что порох, тут же вспыхивает ярким пламенем.

Так сгорели Сивково и Шамордино, Аннино и Ушаково, и немало других, когда-то процветающих сельских поселений.

Но если рыбакам нужны пути – дороги к прудам и рекам, то грибникам, понятно, нужны торные тропинки, как это было раньше, в пору активной хозяйственной деятельности, когда выкашивалось все и вся, к лесам и перелескам. Совсем не случайно, где бы я не был: во всех ближайших краях – всюду вижу следы человеческого протеста – выгоревшие леса и поля.

Еще в 2006-ом, будучи в Тельчье Мценского района в гостях у поэта Николая Круглова, я был просто обескуражен, когда, придя за грибами, мы увидели горелый лес. Ясно, что обратно явились ни с чем.

Пожар уничтожает грибницы и нужно два-три года, чтобы они вновь обрели силу и начали плодоносить.

Близ Хотынца, на 53 км, чтобы открыть дорогу к заросшему кладбищу, местные старожилы выжгли лес. Здесь же огонь по-

губил также, некогда богатую маслятами и рыжиками, сосново-еловую поросль.

Огни— пожарища загубили грибы в Чернских лесах Тульчины, в Железногорских перелесках Курской области, в Орловском и Брянском полесьях.

В первых числах июля 2010, будучи на Калиновском поселке в гостях у сестры Антонины Бондаревой, я и моя жена Валентина Алексеевна решили попытать счастье – отправились за грибами. Накануне два дня шли проливные дожди и была надежда на удачу. Тем более, что молодая соседка Маша Тишина уже сумела набрать добрую корзину золотистых лисичек.

— Пройдитесь здесь, прямо за Калиновскими огородами, наверняка в Барском лесу, правда, он горел, что-нибудь да найдете, — сказала она, — а не то загляните в лог, что близ некоего Петровского поселка.

Не мешкая, с ведром и лукошком мы отправились в близлежащий перелесок. И, что же? Горелый Барский лог подарил нам не более трех десятков молоденьких лисичек. И все! Сыро и душно было пробираться сквозь густой бурелом леса, а когда жалующаяся на большие ноги жена вышла, наконец, на опушку, где расстилось большое поле, поросшее густым клевером, то совсем взмолилась:

— Дальше не пойду.

— Может в Петровский овраг заглянем? – спросил я, — к нему путь легче, через ржаное поле – машины дорогу укатали.

— Нет-нет, — стояла на своём решении Валентина, — ты иди один, а я не могу ноги из травы вытянуть. Был жив зять Василий Илларионович, он все это поле выкашивал, а теперь без него, за семь лет, по нему уже молодой березняк порос. Да не по пояс трава, как твой коллега Николай Рубцов писал, а что ни на есть – по мои плечи. Мне бы лишь по Тониному огороду впору к дому пробраться.

Выведа свою прекрасную половину на дорогу, от которой уже начиналась огородная межа, обуреваемый желанием испытать

удачу, я, затянувшись очередной сигаретой, в одиночку, отправился к Петровскому урочищу.

Не менее трех часов я пробродил по лесу, изредка встречая желтоглазых красавцев, пока, наконец, не попал на большую поляну. Она сплошь состояла из берез и орешника. И тут мне привалило таки счастье. На каждом шагу, сквозь густую траву и опавшие листья, я натыкался на молоденькие и уже распущенные лисички. Не прошло и часа, как моя более чем двухведерная корзина, едва не доверху, оказалась наполненной прекрасными грибами. Сгустившиеся темно-синие грозовые тучи и суровые раскаты грома помешали мне довести дело до конца. Пожалев, что нет рядом жены, что обходит меня в сноровке сбора лесных даров, минуя густой ельник, я вышел на тропу и быстро зашагал в сторону Калиновского поселка.

Над головою, словно выстрел, треснул раскат грома, ярко сверкнула молния и полил дождь. Но это меня несколько не волновало. Напротив, прохладные струи его, наконец, избавили мое вспотевшее тело от невыносимого зноя.

*Под сильным ветром,
Как река,
Ржаное поле волновалось...
А из лукошка,
Что в руках,
Светло мне счастье
Улыбалось.*

Действительно, мой грибной визит в Петровский лог оказался на редкость удачным...

Днем позже, уже находясь у себя на орловской квартире, узнал из телепередачи, что первый вице-премьер Зубков находится на высушенных солнцем полях благословенной Татарии. Огорченный гибелью урожая, высокий чиновник уведомил, что дисциплинированная республика Татарстан, чтобы спасти поголовье КРС — и овец, и коз, занята сейчас заготовкой сена в тех регионах

страны, где жестокая засуха не погубила ни зерновые, ни траву. Подумалось: почему бы им не приехать на Орловщину? В том же достопамятном Татарском логу, что близ Сивково, в маминой стороне – Китаево, на Машковском лугу, да и во всей округе, в том числе и у поселка Калиновский Болховского района — богатейшие запасы разнотравья. Здесь, как верно заметил поэт: трава — по пояс...

И даже – более того...

«СЕРАЯ» ПАРА

*Признаться честно:
«Серых» пару –
Двух волков,
Встретить был не рад.
Один утек...
Другой «поджарый»,
Вперил в меня
Свой хищный взгляд...*

*Я нож в руке
Сжимал до боли,
Но к схватке
Не был я готов!
Березы рядом –
Без суков...
Увидел путь спасенья –
В поле...*

Как приятно в кругу друзей, где-нибудь у костра или в теплой охотничьей избушке, стены которой увешены ружьями и карабинами, рассказывать занятные байки о встречах с серыми хищниками. Тут можно бесконечно «травить» о своей смелости и находчивости. В строку будет и сказка о хитроумном лисе и глу-

пом волке. Совсем другое дело — реальное общение с этими кровожадными тварями, которые в паре и богатыря — лося, а не то, что старого человека, свалить могут. Не мало одиноких грибников стало жертвами этих, ныне расплодившихся не в меру, так называемых «санитаров леса».

Обо всем этом я передумал при том неожиданном столкновении с ними в самый пик лета – 15 июля 2010.

Любопытный читатель, наверное, ознакомился с моей ранней зарисовкой «Шаховский гость». В ней я поведал о своей встрече, выпавшей на 10 августа 2009 года, с волком близ станции «Шахово», что на Брянской ветке. Тогда хищник – одиночка, подгоняемый моим восклицанием: «А, ну пошел!» с нежеланием, но отступил – убрался с дороги. Теперь, уже не на открытой поляне, оглашаемой гудками тепловоза, а в труднопроходимом логу, что за пять верст от платформы 53 км и за четыре версты от ближайшего села Меловое. К тому же «серые» были в паре. Лес – их привычная среда обитания, а потому они чувствовали себя в нем подлинными хозяевами. Вне сомнения, где-то поблизости было их логово с молодым выводком. Возможно, что они направлялись на охоту, Об этом можно судить постольку, поскольку они тщательно обнюхивали следы ранее пробежавшего дикого животного.

Я же, как перст один, вышел из вагона, так в одиночку и направился в дальнее урочище, где после прошедшего днями сильного ливня, на мой взгляд, не смотря на почти 40 – градусную жару, можно было отыскать и белые, и лисички. К тому же заведомо Привокзального рынка Орла мне вдоволь нашептали о появившихся маслятах.

Около трех часов я пробродил по березовой, еловой и осиновой рощам. В результате тщательных поисков в моем лукошке собрались: шесть молодых, но с уже испорченными тлей ножками белых, два десятка также не свежих маслят и несколько пригоршей молодых лисичек.

Совсем не богатый «улов» вынудил меня пройти через густую поросль травы и крапивы, что была прибита к земле прошедшим ливнем, миновать луговину и выбраться на другую сторону ов-

рага. Меня манили к себе стройные березы, где прошлым летом я испытал свое грибное счастье. Однако на этот раз я потерпел фиаско. Еще по осени ржаную солому с убранного поля сожгли. Огонь перекинулся в лес, и теперь чудо – березки, словно свечи – прямые и высокие, стояли совсем без сучьев. У самых корневищ их кожа была обугленной, а травы между ними было совсем мало.

Как раз в этом-то горелом лесу я неожиданно и столкнулся едва не лбом с увлекшимися охотой хищниками. Расстояние между нами было не более 15 метров. «Серый», что шел едва не по краю оврага, первым заметил меня и, не мешкая, молча спрыгнул в низину. Второй продолжал нюхать след. Я крепко сжал в руках свое единственное оружие – грибной нож и в силу своих легких крикнул, как это было в Шахово: «А, ну, пошел!».

Волк выпрямился, высоко поднял голову и вперил в меня свой острый взгляд. Он стоял, как вкопанный и не единым движением не показывал своих намерений. На этот раз я, повернувшись к краю леса, через который было видно свежевспаханное поле, медленно, не отводя обеспокоенного взгляда с волка, стал отступать. Взобраться на дерево не было никакой возможности, березы, как я уже отмечал, были высокими, но совсем без нижних сучьев. Разводить костер, хотя, как всегда, у меня в наличии были бумага и спички глупо и некогда – ведь волк был рядом...

В. С. Бондарев

И, вот я уже миновал окраину леса, вступил на твердый, прибитый ливнем покров пашни. Смотрю в сторону кустов – волков нет. Как видно, они и не думали меня преследовать.

Перевернул в памяти успокоительную фразу: «Волки летом сытые и на человека не нападают». После чего, поборов смятение, я напрямик зашагал в противоположный лог, где и продолжал, хотя и совсем безрезультатно, поиски грибов. Страсть к «тихой охоте» убила страх и привела меня еще в два перелеска. И там успех не сопутствовал мне. Так, с полупустой корзиною, я и прибыл на полустанок. Забрался в тень высоких деревьев, достал из левого карманчика рюкзака бутылку с уже теплой водой и с наслаждением выпил ее едва не до самого дна. Оставил лишь самую малость жидкости — на непредвиденный случай. Как я приехал один, так и уезжал в одиночку – попутчиков из числа грибников не было. Они оказались опытнее меня.

Помимо мирной встречи с «серой» парой, я еще отметил одну характерную особенность: слепни и оводы, в отличие от более прохладных дней, почти не докучали мне. И это не смотря на

обжигающий зной, когда столбик термометра на солнце доходил до 40 градусной отметки. Подумалось:

*Знать серым волкам было лень
В жару напасть на человека,
Ведь даже оводы от пекла,
Запятались в густую тень...*

Когда я поделился этими своими наблюдениями с другом Сергеем Шмелевым, то он авторитетно заявил: «Да, в сухую жару и овода – комарики прячутся под листья — в тень. Насекомые, известно, любят лишь сырую и теплую погоду. Что же касается поведения волков, то они, как всегда оказались в своем амплуа: не тронешь меня, и я не трону тебя. Благо, что среди них выводка или бешеной особи не оказалось. Не то бы, тебе, приятель – не сдобровать!».

КРАСНИКОВО

Владимир Сергеевич Лужин – человек азарта. Эта его врожденная черта характера проявляется буквально во всем: в бодряческой манере ходить и неустанно балагурить, активно рыбачить и собирать грибы, весело трапезничать или играть в карты. Среднего роста, худощавый, чрезвычайно подвижный, всегда в чисто выстиранных, ровно отутюженных защитного цвета одеждах, то забота его седовласой и строгой «герцогини – жены», он держится щеголем, хотя ему порядком за семьдесят.

Ненароком рассердившись, он сурово насупливает брови, а они у него по широте и густоте не уступят знаменитым «бровям Леонида Брежнева». Но, в отличие от широкоскулого «Ильича», лицо его мелкое и узкое, оттого мохнатые брови Лужина занимают на нем едва ли не половину и выглядят скорее смешно, чем серdito.

Владимир Сергеевич — постоянный пассажир пригородного поезда «Орел – Михайловский рудник». И это не случайно. В тридцати километрах от Орла, близ станции «Паньково», у него прекрасно ухоженная дача. Наведет с благоверной супругою порядок на грядках и вперед на «тихую охоту» или рыбалку.

В отличие от своего приятеля – рыболова, одноногого Алексея Карасика, завсегдагая Рыжковского берега Оки, он никогда не остается на ночь – здоровье дороже. Но если клев обещает быть на славу, то примчит к заветному берегу ночным или утренним поездом – своего часа удачи не упустит: опытен, расчетлив, смекалист.

Как-то, в конце сентября, я подошел к поезду в тревожных раздумьях: «Куда поехать? На «М-Рудник» или на Брянск (электричка стояла на противоположной стороне пятой платформы)?».

С грибами не везло. Потенциональных – с корзинами в руках, грибников среди пассажиров было мало. Сомнения решил Лужин. Он оставил на время своего, отягощенного рюкзаком хмурого товарища, с улыбкою подошел ко мне, взял под руку, и

заговорщески шепнул: «Едем с нами на 81 км. Не прогадаешь! Там вчера бабы по два ведра рыжиков насобирали. Уверен, я места знаю: повезет и нам».

Поддавшись на уговоры, я занял с приятелями место в вагоне. Но, надобно беде случиться: нашим попутчиком оказался сорокапятилетний здоровяк – железнодорожник. Круглолицый, с отеками от изрядного похмелья глазами, похожий на Дэна, героя кинофильма «Глухарь», он буквально прилип к нам, навязывая громко-активную, но пустую беседу. Но не таков простак Лужин. Он с товарищем нарочито молчал и диалога с хмельным попутчиком вести не хотел. Тогда Дэн -2, так мы станем величать нашего визави, стал теревить меня бесконечными вопросами – разговорами. Мне ничего не оставалось делать, как, по закону вежливости, поддерживать пьяную беседу.

Выйдя из вагона, наш квартет минул железнодорожные рельсы и устремился по направлению к хвойному бору, что вырисовывался на западной стороне глубокого оврага. Пока я слушал болтовню «Дэна», Лужин с товарищем преднамеренно приотстали, всем видом демонстрируя свое нежелание идти с нами дальше. Это осознал и мой незадачливый попутчик, сказал:

— Мы и сами с усами. Без грибов не останемся. Мне мой друг Серега вчера напутствовал: пересечь вон тот ров (он показал рукою на широкую балку), а там, за обгорелыми соснами молодняк будет. Не дрейфь – со мною не пропадешь! Я давно не был здесь, почитай, лет десять. Когда у меня вторая жена еще была жива, мы сюда с нею наведывались. Понимали друг друга с полуслова, да что там – с полу взгляда! Золотая женщина! Жаль, что в авто — аварии погибла. По моей вине. Я пару ребер сломал, а её врачи спасти не смогли – умерла. Дочь оставила. Ей уже сейчас 18 лет. Квартиру на нее переписал. Живу с третьей: стерва баба! Без денег супу не нальёт. Двадцать тысяч зарабатываю, а ей все мало. Пришел утром с ночной смены, да чтоб её не видеть, схватил вот сумку, да на поезд. Сам железнодорожник, а билет взял. Зарядился чакушкой, чтобы устаток снять, да еще четыре алюминиевых баночек пивка с собою прихватил.

— Не многовато?! – спрашиваю.

— Ничего, в лесу, на свежем воздухе – развеюсь, и голова остынет. Правда, ноги стали подводить. И то не печаль – разомнись в дороге.

Незаметно за разговором перешли огромное поле, сплошь заросшее хреном.

— Это чудо какое-то! – поразился крутым зеленым листьям Дэн, — сюда бы с лопатой наведаться. На базаре за три— четыре ножки по сорок рублей берут. Тут же этого богатства видимо – невидимо: подзаработать можно.

— Хлопотливое это дело, — замечаю я, — и спрос невелик: заготовки закончились, и конкуренток базарных полно.

— И то правда.

Балка оказалась сплошь залита водою, и нам ничего не оставалось, как обойти ручей, сделав едва не километровый крюк. Миновали обгорелые сосны: молодняка нет.

— Неужели Серега обманул? — сокрушался Дэн, вытирая фуражкой со лба обильно выступивший пот, — да и сам я тут давно не был. Леса-то за десять лет вон как вымахали — не узнаешь!

— Теперь, — твердо говорю попутчику, — когда твоя уверенность угасла, беру бразды правления на себя. По праву учителя. Согласен?

— Тебя как величают?

— Петром Дмитриевичем ученики звали.

— Понятно, Дмитрич! Хоть я педагогов за их нотации с детства терпеть не могу, но веди, куда знаешь. Без поводыря слепому нет пути.

— Видишь, — говорю Дэну, — деревню, что справа?

— Конечно! Там еще водонапорная башня торчит.

— Вот-вот. Перебежим еще один овраг, а там, что бог даст. Без Бога – не до порога!

— Как иначе, — соглашается попутчик.

Действительно, через полчаса ходу мы преодолели крутую балку и лесополосу из высоких дубов и берез. За нею же хороводом потянулись молодые ели и сосны. Взглянули к их корням и диву дались: там и сям, шлейфом виднелись из травы сочные и тугие маслята. Порою радовали глаз и молодые розовые рыжики.

Сразу же забыв обо мне, Дэн распахнул огромную сумку – кладовую для добрых пяти ведер грибов, и под напев блатной песни активно занялся сбором лесных див.

Прежде чем приступить к «тихой охоте», я обследовал район сбора. Увидел идущую через ельник тропинку, перешел ее. Снял рюкзак, достал корзину и стал ловко орудовать ножом.

Не прошло десяти минут, как я услышал голос товарища. До-саду, но иду на зов.

— Что ты? – спрашиваю.

— Да скучно одному.

— Грибы гуртом не собирают, — урезониваю я.

— Да их хоть косою коси. Ты – молодец! Отыскал таки нава-ристую поляну.

— Вот и собирай молча. Здесь деревня рядом – не заблудишь-ся. Закончишь дело – позовешь, а лучше всего я тебя сам найду.

— Заметано! – согласился с моими доводами незадачливый железнодорожник, — но без песен я не могу – душа поёт!

— Как знаешь! – ответил я и направился к прежнему месту. По-ставил рюкзак, чтобы не мешал, у большой сосны. На ветви ее по-весил рванный цветной пакет – приметку и стал прочесывать окрест-ности. Всего два часа потребовалось для того, чтобы я наполнил обе корзины и объемистую сумку – это не менее пяти ведер.

— Дмитрич! – вновь услышал я голос Дэна, который ока-зался уже неподалеку от меня. Подойдя ближе, увидел товарища, блаженно потягивающего пиво.

— Чего тебе?

— Пивка не хочешь?

— Нет.

— Как знаешь. Грибов пропасть.

— Собирай, но только нагружайся по силам — знай меру.

— Это и ёжику понятно. Нести – не ближний свет. Вспомню, как добирались по буеракам – оторопь берет.

— Назад идти будет легче.

— Как?

— Очень просто. Пойдем напрямик через деревню, а там пря-мой дорогой до самой платформы.

— Ну и голова у тебя! Так я ненароком, с твоей легкой руки, и учителей уважать стану.

— Правильно сделаешь — они плохому делу не научат! — подтвердил я.

— Это верно. Ты собирай, а мне уже хватит. Я в жизни не видел такого обилия маслят — душу отвел.

— Я тоже насобираю, но хочется еще несколько рыжиков найти. Выходи на стежку и отдыхай. Жди меня.

— Все понятно.

Краснолицых див было мало, но около десятка я их все-таки нашел. Забрав поклажу, мы отправились восвояси. Дорога привела нас к пруду, от него к ручью, где был устроен колодец. Попили холодной, чистой воды. Не забыли наполнить бутылки и впрок. Перешли по импровизированному мостику ручей, и вышли, как я и предполагал, на торную деревенскую дорогу.

На выходе из деревни была обустроена околица. Здесь нас встретили ее старожилы. Один из мужчин, что поразвязнее и помоложе, назвался Григорием, другой — Петровичем. Незаметно разговорились.

— Как ваша обитель называется? — спросили мы.

— Красниково.

— Но в Знаменском районе также есть Красниково — большое село, со среднею школой. Там мои ребята, по окончанию Сурьянинской восьмилетки, где я директорствовал, учились.

— Но то в Знаменском, а в Кромском районе — наша деревня Красниково и есть. Была большой, да и сейчас домов, чаще законченных, много.

— А купить справную хату можно? — поинтересовался Дэн.

— Почему нельзя? Пожалуйста. Я сам за 15 тысяч приобрел жильё, — ответил Петрович и неожиданно заплакал.

— Что с вами? — спрашиваю, — горе, какое?

— И горе, и беда! — подтвердил, как-то, весь, ссутулившись, 65-летний старик и стал рассказывать о своей беде-кручине.

Оказывается, он со старухой жил в Орле. В деревню же навдывались к дочери и двум девочкам — внучкам, чтобы помочь по

хозяйству. Год назад их зять, по пьяной лавочке, убил свою жену, а сам на шесть лет угодил за решетку. Вот и остались девочки сиротами. Дед с бабкою во имя спасения малюток переехали на жительство в деревню. Чтобы быть независимыми от зятя – убийцы купили собственный дом. Девочки: одна -семи, вторая — пяти-классница учатся в соседней деревне. До школы пять верст. И провожать, и встречать надо. Приходится обувать и одевать, поить и кормить сирот. И это все на их стариковскую пенсию.

— Зять хоть и вернется, но толку от него не будет, — твердо заметил Дэн, — тюрьма не лечит, а калечит.

— О том мы и сами знаем, — тяжело вздохнул Петрович, — а каково нам, больным старикам, такой крест нести!?

Нам ничего не оставалось делать, как только посочувствовать.

— И сколько же вас мужиков в деревне?

— Мы с Петровичем, двое, да еще один инвалид, — ответил чернокудрый Григорий. — Вон дом его (указал рукою на край деревни) под железной крышей. Бабы – одиночки все больше горе мыкают. Моя же гнедая, увидите, когда пойдете, в поле пасется, — единственная лошадь на всю округу.

— И долго нам до остановки на поезд идти?

— Да, нет. Пару верст. Отсюда лесополоса видна, за нею и платформа.

Еще потолковав о том-сем, отдохнув, мы, забрав поклажу, отправились на восток. Дорога была прямой и хорошо накатанной. Гнедой конь, приняв кого-то из нас за хозяина, проржал вслед. По выходу из лесополосы присели отдохнуть. До прихода поезда оставалось более часа, а идти нам всего-то метров триста. Прошлись по березкам с надеждой отыскать хоть один белый гриб, но тщетно. Лето и осень 2010-го на них оказались неурожайными.

По бетонному настилу прохаживались наши прежние спутники. У их ног стояла корзина и большое ведро с огневыми рыжиками.

— Видать повезло вам, изменникам? – урезониваю Лужина с его приятелем.

— Да, мы тут недалеко походили и набрали, что Бог послал,
— хитро улыбается Владимир Сергеевич, — а вы где были?
— В Красниково, — ответил Дэн, — жизнью деревни, да по-
лем хрена интересовались.
— И, как она?
— Что?
— Жизнь-то?
— Что зря говорить; одним словом – хреновая!
Общий смех разрядил неприязненную атмосферу, и мы про-
должали беседу уже в более дружеской обстановке.

ПОДКИДЫШИ

*Их было четверо щенят,
В живых – всего один...
Не в силах пес судьбу понять:
«Что же случилось с ним?».*

Существует множество легенд и баек о первых друзьях че-
ловека – собаках. Это они были верными помощниками древних
пращуров – охотников: загоняли лихого зверя в ловушку, под
копые или его меткую стрелу. Они же стерегли стада буйволов и
овец, ревностно охраняли от непрошенных гостей дом и добро
хозяев.

О взаимной верности и дружбе человека с собакой рассказа-
ны тысячи историй. Из таковых, особенно занимательные прит-
чи — новеллы, рождались под пером чудесного американского
писателя Джека Лондона. Одна романтическая повесть «Белый
клык» чего стоит! Автор ее, в свое время, исколесил на собачьих
упряжках едва ли не всю Аляску и на личном опыте познал, что

значат собаки среди белого безмолвия снегов и сопков. Они не только помогали отыскивать золотоносные каньоны, совершая огромные перегоны, но нередко, спасая жизнь человека, приносили себя в жертву.

И люди не оставались безучастными к судьбам четвероногих любимцев. Мы с детства зачитывались повестями: Антона Чехова «Каштанка», Ивана Тургенева «Муму», рассказом Гарина-Михайловского «Тёма и Жучка». В них явь благородных примеров.

Но уже совсем не радуют нас такие произведения, как повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце». Добрым его не назовешь. Известно, что жестокость собакам прививают сами люди. Нельзя без грусти, в этом плане, читать и «Песнь о собаке» Сергея Есенина. Отняли – утопили в воде семерых щенят суки, и от безутешного горя «покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег».

Мы не знаем, что испытывала собака неизвестного нам хозяина, который отнял у нее четырех рыжих 2-х-3-х недельных щенят и вывез их на верную погибель в глухой лес, что располагался вблизи станции Шахово Брянской железнодорожной ветки.

В этот день, выпавший на пятницу 10 сентября, мой приятель Сергей Иванович Шмелев узнав от меня по телефону, что я собирал массу грибов и донести их к станции, до коей 3-4 версты бездорожья, совсем не в силах, распорядился:

— Жди меня! Через час буду! Пятьдесят верст не крюк!

Действительно, не зная верного пути, следуя принципу: язык до Киева доведёт, через полтора часа (пришлось поблудить!), я увидел на проселочной дороге, пылящий скатами, со стороны Орла, белый «Мерседес» друга.

Погрузив в кузов машины мои сумки и корзины с грибами, Сергей Иванович вызвался сам заняться «тихой охотой», благо солнце еще окончательно не скатилось к западу. Не теряя время, мы помчались вглубь леса. Остановились на стыке двух лесополос, поблизости к стоявшим у густого мелкоколосья черного цвета «Жигулям». Уже через час наши два лукошка наполнились груздями, осиновиками и подберезовиками. В то время, когда мы ссыпали их на брезент кузова, чтобы вновь направиться за очередной

партией, к нам подошла симпатичная женщина средних лет, спросила:

— Вам не нужны щенята?

— Как! – опешил приятель, — где они?

— Да, вот, возле нашей машины. Еще маленькие, но красивые и ухоженные. Видно хозяева их недавно привезли и...бросили на произвол судьбы. Жаль – погибнут же!

— Скорее их волки съедят, — высказал я опасение, — мне как-то довелось встретиться здесь с одним из «серых хищников».

— Мама! Давай, мы их к себе возьмем! – умоляла женщину тринадцатилетняя девочка – школьница, — уж скоро ночь наступит.

— Нам негде их содержать, — воспротивился стоявший тут же ее отец, крепкий и строгий мужчина. Вздохнув, добавил: «И оставлять нельзя – пропадут ни за грош!».

— Печально, что и вам они не нужны, — огорчилась нашим отказом женщина, которую, как мы позже узнали, звали Галиной Ивановной, — но пропадать в этой глухомани мы им не дадим

Действительно, через три дня, оказавшись вновь по грибным делам, я увидел у широкополосной платформы Шаховской станции трех старых лесных знакомцев. Из рыжих комочков, они превратились, извалявшись в пыли, в серо-пепельные создания. Щенята, движимые голодом, выпрашивали у пассажиров еду. Один из них выглядел шустрым и справным. Двое других, напротив, успели похудеть, хотя животы их пузырились подобно надутым шарам. Вспомнилось теория Джека Лондона: в борьбе особой за жизнь – побеждает сильнейшая. Ничего не поделаешь: биологический закон неотвратим.

— Где же четвертый щенок? – спросил я у соседа по сетчатой железной скамейке, худощавого старика – пенсионера, отламывающего от крупного ломтя хлеба небольшие кусочки и бросающим их, как голубям в парке, повизгивающим от предвкушения удовольствия, щенятам.

— Да, видно, кто-то из местных, сердобольных, забрал к себе, — ответил тот. Изрядно обкусав яблоко, он бросил остаток шустрым псам, — ешьте.

И чудо. Щенята стали теребить брошенные им яблочные огрызки.

— Да, они пить хотят! – понял я.

— Верно! – отозвались трое молодых мужчин, усевшись, в ожидании поезда, у края платформы, — а у колодца нет ведра: хозяева припрятали. Одна пустая цепь болтается, а до воды не менее десяти метров. Свои же запасы иссякли – от жары спасу нет.

— Будет вода! – твердо сказал я, повертев в руках, пустую полиэтиленовую бутылку. Найдем и вторую.

— Как ты ими воду наберешь? – усомнились они.

— Голь на выдумки хитра! – выпалил я, направляясь к колодцу.

— Я с вами пойду, — поднялся с платформы крепкий мужчина.

Вырезаю ножом у бутылок узкие полосы чуть пониже горловины. Мой товарищ привязал их к тяжелой цепи и запустил ворот. Вскоре цепь с бутылками издала глухой всплеск. Тянем-потянем. Удача налицо. Три рейса цепи вниз принесли нам щедрый запас воды. Её хватило не только нам самим, но и впрок изнывающим от жажды щенкам. Напоив и накормив рыжих друзей, мы с чувством исполненного долга садимся в прибывшую электричку и отправляемся в город.

Очередная встреча с рыжими знакомцами предстояла у меня в воскресенье, 10 октября. И что же? Ко мне подбежал уже подросший, спустя месяц после первого знакомства, шустрый щенок.

— А где твои братья? – спрашиваю у него.

От повизгивающего от предвкушения угощения пса я ничего внятного не услышал. За него ответила высокого роста, с сумкою в руках старушка.

— Видно, «местные» пожалели, взяли, — сказала она, — а может и под поезд с дуру попали. Они же, как шило, всюду снуют.

— На этот раз ты у меня рыбной котлетой побалуешься, — бросаю ее рыжему забавнику, — не зря жена ее из паштета стерляди изготовила.

Щенок сделал два-три укуса, растеребил ее, а есть не стал. Брошенный мною же кусок булки проглотил, а в котлете, видимо, запаха рыбы не обнаружил.

— Вот оно, готовое доказательство низкого качества рыбной продукции, — возмущаюсь я, — мне самому эти котлеты есть в тягость. Собаке, видать, и подавно. Ее не обманешь — на крахмальные примеси и бумагу не купишь! Так и доложу своей благоверной: знай, что брать в магазине!

Брошенный кусок яблока также не прельстил щенка. У скамейки стояла большая зеленая чашка с водою. Стало быть, жажда его не мучила. На всякий случай добавляю в посуду оставшийся у меня запас воды: октябрь уж наступил и холод дело знает. Пока дождей нет — пригодится впрок.

Заметил я и другие преобразования в обустройстве щенка. Под широкой огромной платформой был сделан подкоп — лаз. В него — то пес, время от времени, нырял. Но не так, как скрываются в период опасности, а по-хозяйски: спокойно и уверенно, как в свой дом — собачью будку. Это меня обрадовало: теперь не только дождь, вьюги — завирухи, но и хищные волки, бродящие зимою ночами по станции, его, походя, так запросто — не возьмут.

Деловито-хлопотливая бабуся из близлежащей деревни — чистая гостыя станции, оставила у входа в импровизированное логово набирающего силу щенка полбатона булки.

— Проголодается — съест! — уверенно сказала она, — будет жить. Большой уже!

С подобным благотворным чувством и я, заняв место в вагоне, покидал когда-то оживленную, а теперь заброшенную, забытую людьми и богом станцию, где оставался на ночлег в одиночестве рыжий лесной подкидыш, так и не осознавший: что же случилось? Судьба пропавших трех братьев, некогда вывезенных вместе с ним в Шахово доброй волей Галины Ивановны, так и осталась неразгаданной тайной.

БИРЮК

Утро 5 октября 2010 выдалось солнечным и морозным, а потому совсем не случайно, собравшись поехать за грибами, я приврал с собою подаренные женою легкие перчатки. Во втором вагоне электропоезда «Орел – Тула» я неожиданно встретил «Замороженного», стародавнего приятеля – рыболова Юрия Яшина, попивающего из крышки термоса, используемого в качестве стакана, горячий травяной чай. Рядом с ним на мягком коричневого цвета диване возлежал видавший виды рюкзак с удочкой.

— Никак вновь на 113 км? – пожимаю руку весело улыбающемуся пятидесятилетнему, но вечно молодому, а точнее неизменно молоджавому любителю карасей ухи.

— Да.

— Ратаны не замучают?

— Нет. Они больше на червя клюют, а я приноровился на манку карасей выуживать. Они сейчас, по осени, крупные идут. После летней жары оба водоёма обмелели. К примеру, в верхнем пруду слой воды не более полуметра. Так что напрягаться не приходится. Будет жор – вернусь с добычей, а нет – суда нет.

— Желаю удачи!

— Спасибо. И тебе не хворать, — шутит Яшин, — впрочем, обратно будем ехать, проверим, кому больше повезло?

— Это уж, как водится! – соглашаюсь я.

— Привет, Юра! – к нам подошел с большим рюкзаком за плечами, облаченный в сапоги и широкую накидку угрюмого вида толстяк.

— Здорово, Николай! Ты, конечно, как Петр Дмитриевич, в Думчино, за грибами? – осведомился «замороженный».

— Верно. Я день назад уже был там.

— И что?

— Маслят набрал. Сегодня, надеюсь, рыжиками разживусь...

— Ну-ну.

На остановочной платформе нас оказалось двое: Николай и я. Вместе взобрались по крутой лестнице на пригорок и, отмахиваясь,

ваясь у дома от двух хозяйских, привязанных к цепям злых псов, вместе устремились к опушке Думчинского леса.

— Ты за село Никольское пойдешь? – осведомляюсь я.

— Дальше, вплоть до трассы «Болхов — Мценск».

— Путь не близок.

— Семь верст не крюк. Если ты за опятами, то ныряй сразу же в березки, — Николай махнул рукой в сторону белоствольной рощицы, — там их по пням можно и отыскать.

Мне хотелось пойти с ним, но, чувствуя, что мой попутчик желает оказаться в гордом одиночестве и тяготится моим присутствием, ничего не оставалось, как последовать его совету. Прощаясь, спросил:

— Когда на станцию приходить?

— К половине восьмого.

— Это уже темно будет.

— Верно, день коротким стал. Так что засветло приходи, не задерживайся.

— Постараюсь.

— Ну, бывай! – Николай прибавил ходу и быстро скрылся в проеме высоких деревьев.

Прочесав взад-вперед значительную часть леса и ничего не отыскав, я решил направиться к югу, в сторону 46 км. Дойдя же до тропинки, ведущей к близлежащему населенному пункту, пошел по ней. Не заметил, как оказался на краю глубокого оврага, за которым виднелись дома и хаты так называемого Красного посёлка.

Принимаю решение обогнуть посёлок восточной стороной, ибо вдаль я заметил густой сосновый бор. Высокая трава и бурьян сдерживали мой ход, но, преодолев пни и кочки, я выбрался, наконец, на бетонную дорогу. Около километра шел по ней, а миновав неизвестное мне село, вышел к лесу.

Чудо! Уже невдалеке от крайнего дома мне стали попадаться опята: толстоногие осенние и летние, уже распустившиеся, с широкими шляпками. Побродив по берегам тенистой балки, я довольно быстро набрал более двух ведер грибов. Можно было собирать и дальше, но меня не удовлетворило их качество, а потому

я выбрался из лога и устремился в молодой ельник. Мне, как Николаю, так же захотелось набрать рыжиков. Долго я огибал шатры вечнозелёных красавиц – елей, но удача не сопутствовала мне. В моей корзине оказались всего четыре рыжика и два-три десятка маслят.

— У нас тоже не густо! – сочувственно заметили встретившиеся мне две женщины, — вы походите по сосняку, может там еще чего-нибудь найдете. Время есть. Автобус на Мценск пойдет в половине шестого – успеете. Они полагали, что я их земляк, а потому не ведали, что мне ехать в Мценск совсем не с руки: я же орловец.

Расставшись с сердобольными дамами, я все глубже увязал в хвойном лесу. Шел в южном направлении. А когда увидел высокую водонапорную башню, стоящую на краю деревни, то решил, что это и есть печально – известная Торкуновка. К востоку от неё, как считал я, находится станция Железница. Настойчиво долго бегал я по широкому полю от сосны к сосне: результат нулевой. Расстроившись, прибавил ходу и вышел на торную дорогу. Долго шел я вдоль накатанной машинами колеи, напрасно обшаривая придорожный сосняк, пока не убедился, что я на ложном пути. Вокруг – никого. Ничего не оставалось делать, как повернуть обратно к деревне, где надеялся узнать: где я?

Вот уже бреду по сельской улице – людей нет. Наконец, у раскрытой двери деревянного домика показалась пожилая женщина. Спрашиваю:

— Это Торкуновка?

— Нет, — отвечает она, — вы заблудились. Это – Полосино (за точность названия не ручаюсь).

— Как же мне к поезду выйти?

— Да вот она, тропинка – прямо за деревней.

— Это, что на север?

— Да. Но вы не успеете. Думчино — далеко.

— И сколько верст?

— Не менее восьми.

— Успею! Как метеор полечу. Только объясните, как идти.

— Выйдете на бетонку. По ней пройдёте до Красного посёлка, а там две версты по лесу. Спешите, скоро темнеть начнёт.

До отхода электрички оставалось в запасе один час 40 минут. Поблагодарив сельчанку, не страшась огромной бродячей собаки, что увязалась за мною, на то в руке и палка, я взял курс в искомом направлении. Нет, совсем не просто с полным рюкзаком за плечами отмеривать шаг за шагом ставшими трудными от усталости дорожные километры. Вытирая фуражкой, время от времени вспотевший лоб, я успокаивал себя мыслью, что отрицательный результат, это тоже результат: пригодится на будущее. И надо лишь не сбиться с темпа: дорогу осилит идущий!

Не стану описывать все дорожные приключения, уже по темени, я выбрался, наконец, к станции. На крыльце дома с бутербродом в руках увидел ссутулившегося под ветром Николая.

— Ты уже здесь? — снимаю с плеч рюкзак, — а мне пришлось поблудить.

— Да, я тебе видел, — обратился он ко мне свое небритое, щетинистое лицо.

— Где?

— В ёлках.

— Встречался мне издали похожий на тебя грибник, но я никак не мог вообразить, что это был ты. Почему же не окликнул?

— Недосуг было.

— Напрасно.

— Люблю одиночество.

— Но ты же в другую сторону пошёл?

— Все перелески пришлось обегать.

— И как результат?

— Плохо. Но я шиповника вместо рыжиков набрал.

— Понятно, — продолжаю размышлять вслух. — Темень, ветер, холод, благо перчатки захватил — руки мерзнут, а у нас, коль поезд не придет перспектива ночевки. В дом переспать, по нынешним временам, не пустят.

— Это точно. Нравы людские изменились. Но выход всегда есть.

— Какой?

— Отыскать заброшенную дачу.

— Лучше ночь за костром скоротать, чем чужие замки сбивать.

— Какие замки? Половину дач – без окон и дверей. Можно и в Красный посёлок наведаться – с деньгами примут. Да ещё и самогоном угостят.

Электричка, однако, не подвела. Во втором вагоне вновь с крышкою термоса в руках, словно и не расставались, сидел неунывающий рыбак Яшин.

— Как улов?

— Слабовато. Клёв ни к черту – ветер колючий волну гнал. А у тебя?

— Тоже не густо. Трех ведер не осилил набрать.

— А у Разживина как дела?

— У Николая тоже незадача. Вместо хлеба есть печенье. Хотя, кто его знает, что у него в рюкзаке, кроме шиповника есть – он не показывал.

— Ха-ха! То-то, думаю, чего к нам Бирюк не подходит? Ясно, хвалиться нечем! Он всегда одиноким волком по лесам шастает. Ни с кем делиться удачей не хочет. Живет по принципу: нашел – молчи, потерял – молчи. Вижу, замерз ты, попей чайку, вот еще остался, — Юра протянул мне свой необычный стакан.

— Спасибо.

За время быстрой и долгой ходьбы у меня пропотели вместе с рубашкой и пиджак, и куртка. Оттого, стоя на лихом ветру в ожидании электрички, я действительно здорово продрог. Стакан теплого чая оказался кстати.

ПОПУТЧИКИ

Комсомольцы – беспокойные сердца... О том, что это так, а не иначе, можно привести тысячи примеров. Они отражены советской литературой в ярких образах Павла Корчагина и Бонивура. В бессмертных подвигах героев Брестской крепости и молодогвардейцев Краснодона, в самоотверженных поступках Александра Матросова и Зои Космодемьянской. В трудовых победах молодежи— строителей гигантов первых пятилеток — Днепрогэса и Магнитстроя. Не имело, по накалу страстей, себе равных стахановское движение, переросшее позже в ударничество по всем фронтам коммунистического строительства. Набатом звучал лозунг: «Коммунизм – это молодость мира и его возводить молодым!».

Возведенные в степень Ученье и Труд помогли воплотиться мечтам.... Комсомольцы становились трактористами и танкистами, моряками — подводниками и авиаторами, инженерами и педагогами. Они поднимали целину, основывали новые колхозы и совхозы, возводили заводы и фабрики, многочисленные ГЭС и ГРЭС. Осваивали Арктику и Антарктику. Наконец, поставив задачу, что «и на Марсе будут яблони цвести», первыми в мире вышли в звездный Космос.

Притягательность коммунистических идей собрала под знамена Ленинского комсомола 34 миллиона юношей и девушек. Комсомол, по поручению партии, руководил пионерской организацией страны, которая объединяла 23 миллиона детей.

Это в 70-е, в годы развитого социализма – первой ступени коммунистического общества, было явью. Комсомольцы делали жизнь свою «с товарища Дзержинского». Стремались быть честными и высоконравственными, подлинными патриотами социалистического Отечества.

Все это было, было... Но, ничто не вечно под Луной. 91 и 93 годы XX века в корне изменили обстановку в стране. С развалом СССР под запретом оказалась КПСС. Из 18 миллионов коммуни-

стов, лишь 500 тысяч сохранили верность прежним идеалам, а в руках комсомола их оказалось и того меньше.

Пришедшие к власти господа Ельцин и Гайдар создали, по сути, правительство «национальной измены», превратившееся в прислужника США. Приватизация «по Чубайсу» окончательно разорили трудовое население России. Все идеологические рычаги воздействия на массы (газеты, радио, телевидение) оказались в руках враждебных сил, поставивших своей целью разобщить нации и классы, привить молодежи западную модель нравственности. Героями книг и фильмов стали: олигархи и бизнесмены, бандиты и проститутки, геи и наркоманы.

Такие буржуазные атрибуты, как кризисы и безработица, платное лечение и образование стали нормой жизни. Старики и инвалиды, получающие и без того жалкую пенсию, становятся зачастую единственными кормильцами своих неустроенных, вследствие разорения колхозов и промышленных предприятий, взрослых детей и внуков. Пауперами (бомжами и бичами) стали многие тысячи, а беспризорных детей достигло катастрофической цифры – пяти миллионов. «Крайняя бедность народа, — по выражению П. Бауста, — почти всегда бывает преступлением его вождей».

Действительно, по их воле Россия из страны товаропроизводителей превратилась в сырьевую базу Запада и, по существу, утратила свою национальную безопасность.

Правящей партией страны ныне является «Единая Россия», возглавляемая премьером В. Путиным. Она представляет собою конгломерат чиновничества и их прислужников. По примеру КПСС она создала свои молодежные организации, в лице: «Наши» и «Молодая гвардия». В них состоят в основном дети все тех же «единороссов». И они, как некогда замечал Ч. Колтон, — «по мере падения нравов нации, на бедность смотрят все с большим презрением, но на богатство все с большим уважением». А потому совсем не случайно, что дети нынешних российских буржуа ориентированы на Запад. Именно там, на случай угрозы, они приобретают для себя спасительную недвижимость – дома и виллы.

Нынешние правители сознательно держат народ в бедности, ибо твердо, по словам А. Дюма – сына, уверены, что «бедность

сбавляет гордость: пустому мешку трудно держаться стоймя».

Но еще Я. Княжнин утверждал: «Бедность – уничтожение всех наших дарований». Или, как образно выражался великий поэт Дагестана Расул Гамзатов: «Поёт песни не тот, кто арбу тянет, а тот, кто на арбе сидит». С таким положением не может согласиться патриотическая молодежь и лезет, как говорят, из кожи вон, чтобы приобрести знания.

Характерна, в этом плане, моя беседа с 19-летней Светланой, оказавшейся моей попутчицей по поезду, следующему в направлении «Орел – Комаричи». Девушка зашла в тамбур вагона, чтобы затянуться дорогой сигаретой. Там же оказался и я.

— Вы так молоды, — замечаю ей, — а курение, как написано на пачке, убивает.

— Все так, — соглашается она. А затем, как некогда Михаил Шолохов, преследуемый сатрапами Ежова, на вопрос Сталина: «Мне докладывают товарищ Шолохов, что вы много пьете? Писатель отвечал: «От такой жизни — запьешь!». Девушка же, вздохнув, также обронила похожую фразу: «От такой жизни – закуришь!».

Я не удержался, чтобы не полюбопытствовать: «Вы студентка?»

— Да, я – первокурсница Орловского педагогического университета.

— Понятно, за обучение платите.

— И за квартиру тоже. Я поистине «дорогая» для моих бедных родителей.

— Печально. Мне более в годы Советов повезло. Я учился бесплатно и за квартиру платил всего десятку в месяц.

— Что было при коммунистах, того не вернешь. Теперь, при демократах, все иначе, — и будто спохватившись, добавила: «Впрочем, вы об этом лучше меня все знаете».

— Знаю, — согласился я и вновь задал вопрос: «Комаричи, где вы живете – это город?».

— Нет. Рабочий поселок с 5 –тысячным населением.

— И школ там много?

— С каждым годом все меньше, как и детей. Боюсь, пока окончу вуз, и учить некого будет.

— Грустная история. Но сейчас с рождаемостью, если верить газетам, дела стабилизируются.

— В Москве, Орле может быть, но не на периферии. С детскими яслями – вечная проблема. Одно хорошо: поезд стал прямой на Орел ходить. Раньше, когда его конечным пунктом был Михайловский рудник, чтобы до вашего города добраться приходилось ехать вначале на Брянск, а уже затем – в Орел.

— Нет худа без добра.

За беседою не заметили, как подъехали к платформе 76 км. Я простился с попутчицей, забросил за плечи рюкзак с корзиной и был таков – меня ожидала «тихая охота» за лесными дарами.

На следующий день, выпавший на 10 октября, уже загруженный поклажей с грибами, я оказался в электричке, следующей маршрутом «Брянск – Орел». Как и всегда, по воскресеньям, все четыре вагона были битком забиты студентами, а потому мне с коллегами – грибниками пришлось довольствоваться ступеньками тамбура.

Невероятно, но железнодорожное начальство, ограничивая состав лишь четырьмя вагонами, не учитывает, что Орел не только третья литературная столица, но в нем к тому же масса привлекательных высших учебных заведений. Наряду с педагогическим здесь большой популярностью пользуются технический и аграрный Университеты, Академия государственной службы, Институты культуры и искусства, финансово-экономический, торговли и спорта. К вузам примыкает масса средних профессиональных учебных заведений. О том, что Орел превратился в подлинно студенческую Мекку, наглядно убеждаешься, сидя на подножках вагона.

На станции Нарышкино вальяжной походкой, по-хозяйски, в двери вагона зашли три молодых сержанта – милиционеры. Двое парней уступили им свое место, а сами, с огромными стоячими рюкзаками на плечах, вышли к нам в тамбур. Незаметно разговорились.

— Никак в поход собрались? – любопытствовали мы, указывая глазами на их груз.

— Да нет, — отвечают они, — в рюкзаках постельные принадлежности, сменная одежда и прочее. Летом, правда, соверши пару экскурсий.

— А как же стройотряды без вас обошлись?

— Мы бы и рады были подработать, да только таковых сегодня нет. А на стройках вместо нас «господа азиаты» хлопочут, их труд работодателям дешевле обходится.

— Но и в Брянске, и в Орле десятки магазинов и супер маркетов, складов и контор. Неужели и там вам место не нашлось?

— Бывали и там. Но не одних только репатриантов, но и нас там дурачат, как хотят.

— Это, как?

— Очень просто. Зашли мы как-то на один лесоторговый склад. Профессиональные грузчики зарабатывают там по 30 тысяч в месяц. Студентам предлагают за тот же труд по восемь – девять. Соглашаемся. Приходит время расчетов. Нам вместо 8-9 уплачивают по 4-5 тысяч. Возмущаемся! И что же? Нам показывают съемки видеокамер. Наглядно разъясняют: «Вот тут кто-то из нас стоял и курил, другой отошел за недозволенную черту и т.д.». Дескать, нарушали дисциплину труда, так пеняйте на себя. На Линиях и того наглее. Прежде, чем начать работать, нам предлагают купить рабочую форму стоимостью едва не в наш предстоящий заработок.

— Ну и дела! – качаем мы головами, — при Советах так с молодежью не обращались.

— Это верно, теперь нравы иные — буржуазные.

— В это жаркое лето была огромная нужда в экологических работах. Не пытались устроиться?

— Но там все больше управлялись «Наши» или члены «Молодой гвардии», а что касается комсомольцев или несоюзной молодежи, то им предлагали проводить бесплатные субботники по уборке мусора с берегов Оки и Орлика. Или, как у нас в Брянске, окрест Десны.

— Но, ничего, окончите учебу – легче будет.

— Не думаем. Сегодня и с дипломами – тысячи безработных, — в ответах ребят невольно проскальзывали нотки отчаяния.

Мне вспомнилось о том, как многое делал комсомол по привлечению к активному участию учащейся и студенческой молодежи в трудовых делах советского народа, в общественной жизни производственных коллективов. Так в летние каникулы комсомольские организации школ организовывали лагеря труда и отдыха, ученические производственные бригады. На самые важные объекты направлялись студенческие строительные отряды. Только за четыре года девятой пятилетки в таких отрядах работало 1,7 млн. студентов, ими было освоено 3,7 млрд. руб.

Студенты не только хорошо трудились, но и проводили политическую и культурно-массовую работу. Выступали перед местными жителями с беседами, докладами, концертами самодеятельности. В свою очередь трудовой студенческий семестр помогал юношам и девушкам выработать качества, необходимые будущим организаторам производства, рачительным хозяевам народного богатства.

Теперь же народные богатства оказались в руках нуворишей жизни, а производства сознательно закрыты, дабы избавиться от грозы буржуазии – рабочего класса.

— Вы бы о своих бедах в «Комсомольскую правду» написали, смотришь, и помогли бы, — предложили мы, — ведь не даром Наполеон говорил, что «четыре враждебные газеты более опасны, чем тысяча штыков»

— Ха-ха! – засмеялись ребята, — бывший редактор «Комсомолки» П. Гусев, а теперь и новый – В. Сунгоркин перестроились, как Ж. Лафонтен отмечал: «Каждый редактор газеты платит дань дьяволу». Так поступили и они. Оставили на первой полосе прежние комсомольские ордена и прочие заставки, а о нуждах комсомольцев совсем забыли. Тираж, а соответственно, деньги делают, подобно желтой прессе, на скандальной хронике «звезд» и олигархов, порнографии и уголовщине. Перетряхивание белья одной Аллы Пугачевой с ее мужьями-сожителями чего стоит!

— Это верно, — согласились мы, — и прав Р. Шеридан, утверждавший: «Газеты! Они самые мерзкие, распущенные, отвратительные, адские. Не то, чтобы я никогда не читал их, нет. Я взял за правило никогда не заглядывать в газету».

Когда-то все было иначе. Газета была нашим другом и наставником. Ведь ВЛКСМ издавал 226 молодежных и детских газет и журналов с разовым тиражом более 70 млн. экземпляров. Три комсомольских издательства выпускали 50 млн. экз. книг и брошюр.

Долгие годы я был внештатным заведующим отделом школ «Орловского комсомольца» и очень удивился, когда эта газета, в угоду новой власти, поменяла свое название на «Поколение». И от того во многом проиграла. В первую очередь, в тираже. И что же? Дабы обрести былую популярность, учредители вновь вернули ей прежнее название. Беда, однако, в том, что в корне изменился ее дух, цели и идеологическая направленность. «Наши» и «Молодая гвардия» не боевые отряды ВЛКСМ. Они лишены главного – идеи. Без идеи – нет газеты. Нет сплоченного общества, нет полнокровной страны. Отрадно лишь, что сегодня на Орловщине с каждым годом все яснее прозревает молодежь. Она вступает в отряды Ленинского комсомола, руководимого КПРФ – боевого звена российского народа. Рано или поздно «идеи социализма» вновь обретут смысл и действие. И тому будут способствовать молодые Ленинцы, ибо мы знаем, что у комсомольцев всегда были и есть «беспокойные сердца».

ДИГГЕРЫ

В переводе с английского термин «диггер» означает «копатель». Копателями или «истинными левеллерами» называли участников аграрного движения в период английской буржуазной революции XVII века. «Копатели» самовольно захватывали и распахивали пустующие земли, требуя уничтожения частной собственности.

В современном значении копателями мы называем археологов и геологов, крестьян и городскую бедноту, что используют при обработке земли обычную лопату, кирку или мотыгу. Копателями могут быть не только люди, но и животные. Например, грибкикам доставляют массу неудобств изрытые кабанами лесные доли, а крестьянам приносят немало печали землеройки и кроты, что превращают в кочки когда-то ровные луга и поля – преграда жаткам и косам.

Но самым опасным и страшным копателем на российской земле оказалась Великая Отечественная война. Она похоронила в ее недрах тысячи тонн смертоносного груза. В том числе останки тел воинов и их боевого снаряжения.

Уже в октябрьские дни 2010 в Дмитровском и в других районах Орловщины состоялись массовые перезахоронения бойцов и командиров Советской Армии, павших за свободу и независимость нашей Родины. Подобные факты стали достоянием всей общественности. Мы по достоинству чувствуем копателей – поисковиков, девизом которых является благородная формула: «Никто не забыт, ничто не забыто».

«Поисковики» из числа патриотической молодежи действуют открыто, тогда как ряд диггеров – любителей предпочитают вести свои раскопки тайком от общественности, ибо их занятие носит сомнительный характер. Задачей подобных копателей является обретение оружия и взрывчатых веществ, рассеянных по земле лихолетьем военных лет. Такие «боевые находки» нередко используются ими в преступных, террористических целях, неся новые беды мирным гражданам.

Именно о таких злых диггерах и пойдет речь.

Читатель наверняка помнит мой рассказ «О доброте и минах». Впервые он был опубликован в моей книге «Дым Отечества» (Орел, 2006 г.). Обнаружив в июле 2005 на склоненном стволе белоствольной березы пять минометных мин, «насмёрть» вросших в её кору, мы с приятелем Сергеем Ивановичем Шмелевым забили тревогу. Я в вышеуказанной книге, а он через газету «Орловский меридиан» довели этот факт до властей и общественности. Результат – нулевой. Пять лет покоились на берёзе мины и лишь летом 2010 я уже не увидел на прежнем месте ни мин и ни самой березы. Зато в июле того же года, оказавшись с женою Валентиной в Гостомльском буреломе, мы наткнулись уже на целый ворох – не менее двух десятков подобных мин. Чтобы не выглядеть смешным, оповещать о данной находке я никого не стал.

Не появился бы в печати и этот очерк, если бы не события 9 октября 2010. В этот субботний день с группой грибников, во главе с «директором леса» Зинаидой Константиновной, она же Мадлен, я прибыл на 76 км. – Южную окраину Орловской губернии. Мои товарищи, по обыкновению, занялись сбором подберезовиков и свинушек, меня же потянуло побродить по лесным чащобам в поиске опята.

Вначале я заглянул в дальний лог, что примыкал к железнодорожной ветке, ведущей до станции Курбатово (она в трех верстах от платформы 76 км.), уже относящейся к Курской области. Вожделенных грибов в логу не оказалось, зато весь он, от верха до низа, был перекопан невидимыми диггерами. Там и сям валялись ржавые снарядные ящики и прострелянные каски. И, увы, более ничего. Расстроенный неудачей, перебегаю березовый перелесок, и ныряю в глубокую, поросшую крапивой лощину. Её луговая пойма была выкошена и у самого взгорья замечаю с тонированными стеклами и широким кузовом зеленого цвета легковушку марки «Жигули».

— В такую глухомань за грибами? – поразился я, — чуть брызнет дождь, здесь топи и грязь, а они на машине? Право, смельчаки!

Размышляя, я, тем не менее, стремлюсь к цели: обшариваю крутые берега лога. И, вдруг, чудо! Мне стали попадаться прекрасные – с толстыми ножками и крутыми шляпками осенние опята.

Занятый сбором грибов, я не заметил, как наткнулся на двух грибников; то были сорокалетние мужчины – здоровяки.

«Ясно,— решаю про себя, — это и есть хозяева «Жигулей». Чтобы избежать упрека конкурентов, что рву дива у самого их носа, я попытался свернуть в сторону. Но, как назло, стройные, словно оловянные солдатики, опять манили меня к себе. Наполняю ими корзину и с ужасом жду окрика. Его не последовало. Более того, заметив меня, двое неизвестных сами свернули с моего пути. Взглянув в их сторону, замечаю, что в руках одного из них была лопата, а у другого — пакет с прибором. Понятно: это металлоискатель. За ними шлейфом тянулись свежие буторки и неглубокие ямы. Вот они – живые диггеры! Мужчины бодро разговаривали между собой, совершенно игнорируя факт моего присутствия. Данное обстоятельство прибавило мне бодрости, а так как запасы грибов не иссякали, то через пару часов я набрал их более пяти ведер.

Обшарив оба берега лога, я вернулся в лощину, чтобы испытать удачу в параллельном овраге. И что же? «Жигули» с курскими номерами стояли на прежнем месте, а их хозяева ушли в противоположный от меня лог. То было кстати. Вяizzlyваться с ними в беседу, тем более пытаться читать им сентенции о пагубности их увлечения, было не только неразумно, но и небезопасно. Копателями были не зеленые юнцы-мальчишки, а уверенные в себя крепкие мужики. У них своя мораль, свои правила поведения. Таких не перевоспитаешь.

Как бы там ни было, а день 9 октября 2010 обернулся для меня двойной удачей. Во-первых, я оказался счастливым грибником; шесть ведер опят – не шутка. Во-вторых, я воочию увидел тех, кто портит грибникам радость «тихой охоты»? Кто, подобно кабанам, наносит раны матушке – земле. Невольно вспомнилась басня Крылова о незадачливой свинье, которая, поедая желуди, взрывала корни дуба, сама того не замечая: где и на чем они растут?

Курские диггеры невольно ассоциировались у меня с этим неразумным животным.

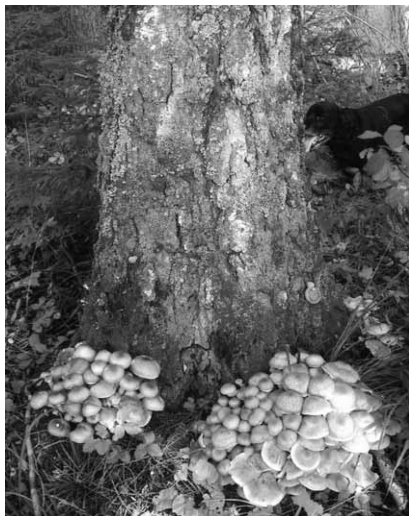
(«Как важно не быть у жизни на краю» — В.С. Афонин).

СЕЗОН — 2011

*Сияньем света
Промчалось лето,
Меж туч, как просинь,
Тянулась осень.*

Действительно, если жаркое лето приятно забавляло нас разнообразием грибов, то осень, на редкость оказалась малопродуктивной.

Уже в конце мая и, особенно, в начале июля в обилии радовали глаз стройные шеренги Белых и густые стайки желтоглазых Лисичек. Вдоволь также было груздей, подберезовиков и свинушек. Во второй же половине августа их стало совсем мало. Все надеялись, что осень порадует урожаем Опят. Но, не тут-то было. Лишь самые удачливые грибники привозили для про-

дажи на Привокзальную площадь Орла по два-три ведра летних опят. Развернутые, светло — коричневые, они часто оказывались червивыми. Осенних же «оловянных солдатиков» было на редкость мало. Предлагаемые покупателям зелено-бурые их представители выглядели совсем не красавцами. Росли они, чаще всего, не гроздьями, а одиночками.

Напрасно я мотался на пригородных электричках из конца в конец родной Орловии; результат оказывался плачевным. Ни на 76 и 53 км, не в Нарышкино, ни в Гостомле и Золоторево, ни в Думчино и Железнице, нигде мне не удавалось придти в восторг от встречи с настоящими грибами. Те, что и попадались, зачастую выглядели унылыми и ущербными. Их портили лизуны и неведо-

мые красно — коричневые черви. Опята не имели товарного вида. Данное обстоятельство принуждало меня отдавать свои находки друзьям и близким. Те их тщательно сортировали. Варили и жарили. Но лишь изредка благодарили; как говорится Федот, да не тот.

УШАКОВ

Нет, речь пойдет не о знаменитом флотоводце, адмирале Ушакове, а о его однофамильце Ушакове Владимире Ивановиче, машинисте первого класса. Но вот он уже три года, как в отставке. Став пенсионером в 55 лет, высокий, дородный, с вечной улыбкою на крупном симпатичном лице, он выгодно отличается от нас, 70-летних грибников, своим живым задором и относительной молодостью.

Живость русского характера, доброта и общительность позволяют ему иметь массу друзей среди любителей природы. Ведь помимо того, что он способен много часов кряду, под палящими лучами летнего солнца отмеривать трудные километры в поисках грибов, он к тому же и заядлый рыболов. Случится пауза, постигнет грибной неурожай, Владимир не отчаивается, а выбирает пару крепких удочек из своего широкого арсенала и айда на Оку. Удит чаще всего поблизости от деревни Рыжково, где близ железнодорожного моста устроена «вечная сиж» одноногого Алексея, героя моего рассказа «Радость жизни».

Но если страстный балагур Алексей из-за физической немощи не может менять место своей дислокации, то Владимир, напротив, склонен к движению. Он в поисках удачного клёва, готов исследовать десяток мест и пройти два-три километра по берегу реки. И, надо отметить, зачастую бывает с уловом. Причем, по возвращению, не стесняется показать всякому любопытному пассажиру электрички предмет своей охоты. И с обязательным объяснением, где и каким образом ему удалось выловить тот или иной солидный экземпляр карпа или язя.

Основным отличием от нас, рядовых любителей природы, Владимир Ушаков умело сочетает две страсти. Помимо удочек,

он захватывает с собою также и огромное, трехведерное лукошко. Это на случай, если в ближнем лесу он наткнется на грибной урожай. Не покривим душой, признаемся, что нередко он обескураживал нас. Мы едва по пару ведер лисичек или опят везем, а Владимир демонстрирует свой двойной успех — и лукошко доверху, и в садке рыбы до пяти килограммов.

Его неукротимой энергии, увлеченности завидовал каждый. Ведь многие из нас считали предмет своей страсти товаром, то Владимир Иванович никогда не занимался торговлей. Все, что собирал и ловил, он употреблял сам, а чаще всего дарил своей бывшей жене и сыну, а то и просто отдавал друзьям и соседям. Ушаков живет с 30-летней дочерью в железнодорожном пятиэтажном доме, что напротив 31-й школы, а его разведенка-жена с сыном, за пять верст — в Лужках. Широкая русская душа не знала обид, великодушие и щедрость суть её.

Известно, что простота бывает хуже воровства. Любители выпить за чужой счет, а их на Руси пруд пруди, часто пользовались щедротами его души. То брали с него товаром, то занимали без последующей отдачи деньги, то пристраивались вторыми или третьими к купленной бутылке водки. Свою наглость объясняли тем, что, дескать, у машиниста Ушакова большая пенсия, а потому выброшенные на ветер две-три сотни рублей, от неё не убудет. Сам Владимир Иванович, когда ему указывали на алчность его сотоварищей, лишь улыбался и разводил руками: «Что поделаться, таковым уж я глупым зародился видать, отказывать не могу. Все неудобно как-то».

Случалось, что при дальней поездке, как, например, в Гостомль или Поныри Курской области, он кутил с приятелями. Увидев меня в вагоне, непременно предлагал стопку водки. Я отказывался, объясняя, что непьющий, тем более за чужой счет. Такой ответ вызывал у Владимира недоумение: «Тут все пьют за мой счет и не отказываются. Даже сама «директор леса» Зинаида Константиновна не брезгует; выпьет и по песням». Пожав плечами, с веселым смехом добавлял: «Впрочем, хозяин — барин!».

Моё бескорыстие вдохновляло его на откровенные разговоры. Заслуженный железнодорожник, исколесивший едва не всю

Россию, он оставался неисправимым романтиком. Глубоко начитанный человек, он любовался красотами среднерусского пейзажа. Выглядывая из окна электрички, вослед за автором книги «Моя Россия» Николаем Михайловым, восторженно замечал:

- Кому-то наша равнина может показаться монотонной. Но не мне. Ведь природа ее так разнообразна, что нет и двух мест, похожих друг на друга. Пологие холмы то чуть поднимаются, то опускаются, медлительные как вздохи спокойной груди.

Пригорок, ложбинка — все живет, стелется и уходит в даль — просторную, синееющую, на краю очерченную лесом. Супеси и суглинки, кашка, одуванчик или как теперь золотые головки подсолнухов. Невидимый жаворонок в небе, дуг с излученной реки, крутой обрыв берега над скрытой глубиной. Так и хочется выпрыгнуть из поезда и бултыхнуться в неё.

Снег у нас держится сто сорок дней. В этот период я хожу на подледный лов. К весне низкое серое небо голубеет. Снег покрывается спящей ломкой корочкой. Потом садится, подтаивает и, источенный лучами солнца, совсем сходит — к середине апреля. Водный разлив — самое время ловли щук. Но вот сквозь комья земли пробивается трава, лес одевается в зеленую дымку. Лопаются почки березы. Когда удается — добываю из стволов белоствольных красавиц сок, что вкуснее вина. Около 10 мая поет первый соловей. Зацветает черемуха, за ней сирень. Самое время отправляться за карасями.

Приходит лето, как нынешнее, с жарой, с грозами, с грибами, но теперь с редким сенокосом — животноводство в упадке. Стада разве лишь в Рыжково да в Шумаково еще остались. Да и те совсем не тучные. В знойные дни июля термометр поднимается за 30 градусов в тени. Тут нам с тобою хоть до гола раздевайся. Еще беда — нещадно беспокоят комары и мухи.

Наливаются и гибнут под собственной тяжестью колосья на редких полях. По вечерам вода в реке тепла, «как парное молоко». Самое время лова лещей и плотвичек.

Но вот уже замечает глаз осенние пряди в листве. На смену белым и маслятам подходят опята. В конце августа начинается листопад. Уходит бабье лето — желтое на синем; с сединой паутин-

ки. Дождь спешит отдать земле свои годовые 600 миллиметров. Лес чернеет, небо затягивается дымкой туч, на огородных дачах торчат корешки от капусты. В середине октября мелькает первый снег. К концу ноября, правда не всегда, он ложится сплошной пеленой. И вот уже в трескучие январские ночи ртутный столбик готов упасть до минус — 30 градусов. Но мороз мне не помеха; в разгаре подледный лов.

— Владимир Иванович! — не удерживаюсь от замечания, — ты мне все времена года обрисовал, а начинал-то с упоения равнинным ландшафтом.

— Русская равнина — это бесконечная ширь, — отзывается Ушаков, — едешь — едешь, нет конца и краю. На Великой Русской равнине, коей я горжусь, могла бы поместиться вся Западная Европа с Альпами и Пиренеями. Прогибы в кристаллическом ложе Русской плиты заполнены отложениями древних морей, и покров лежит более или менее горизонтально. Вот откуда русская равнинность. Возвышенности её, как средне — русская, невелики. Та же Приволжская вздымает утесы Жигулей над уровнем океана всего на 370 метров. Ленинские горы в Москве того ниже — полторы высоты здания МГУ.

Едешь, как теперь, в поезде. Перед глазами равнинная волнистость, к которой мы привыкли и которая так приятна и мила нашему русскому глазу.

КОСТЫЛЬ

В сезон 2011 на орловских магистралях произошла замена тепловозов на так называемые скоростные «автобусы». В направлении «Михайловского рудника» в качестве кассиров — контролеров стали работать две Татьяна Васильевны. Эти дамы, средних лет и весьма миловидные, ранее трудились на Кромской железнодорожной станции. Одна в качестве кассира, другая — уборщицей. Наша речь о последней из них.

Случилось так, что один из пассажиров, выйдя из поезда, за-

был желтого цвета, инкрустированный и, несомненно, дорогой костыль. Я, обеспокоенный таким обстоятельством, не позволил его украсть, а потому обратился к Татьяне Васильевне с просьбой сберечь костыль. В ответ услышал: «Он мне не нужен, я за него не отвечаю».

Приехав в Орел, я направился к дежурному по вокзалу. Им оказалась также женщина. Она выслушала мое пожелание вручить, в случае обращения, клиенту — растеряхе утерянную вещь. Ответ обескуражил:

— У нас, как прежде, нет стола находок. Принесли и идите.

Через пару недель я спросил контролершу:

— Кто-нибудь обращался за костылем?

— Нет, — недовольно буркнула она, — зря беспокоились.

— Но ведь владельцем его, наверняка, был инвалид.

— Был бы инвалид, то без костыля бы не ушел.

— Плохо мы заботимся о пассажирах, — заметил я.

— Такие времена, — согласилась Татьяна Васильевна, — мы больше заняты борьбой с террористами. Всякую утерянную вещь расцениваем не иначе, как их происками.

— Выходит, я поступил глупо.

— Скорее всего, забота не по времени.

Мне невольно вспомнился тогда тележурналист Познер, который вел передачу «Времена» и часто повторял избитую фразу:

— Такие у нас времена.

В том, что никуда не годные — это факт.

РЫБНИЦА — КОРМИЛИЦА

1.

В 90-е годы, когда я еще жил в районе УВМ, был у меня отличный приятель, сосед по гаражу (1736) в кооперативе «Сталь» майор Кокашинский Владимир Павлович. Коренастый, русоволосый, 50-летний хлопотун, он будто весь светился добротой и участием. Никогда не отказывал в повседневной помощи; то с устройством гаража, то с устранением поломки в моем стареньком, цвета морской волны «Запорожце». Нередко он приглашал меня с собою на рыбалку. Как правило, с ночевкой. Так не раз мы посетили с ним Оку и Зушу. Пруды — на поселке «Первом воине», Кромском, Болотовском. Побывали вместе с полковником, его командиром части и на Строевском заказнике (предназначался для особ, приближенных к губернатору), что влево по Наугорскому шоссе. Однажды Владимир Павлович предложил мне прокатиться на его белых «Жигулях» в сторону реки с впечатляющим названием — Рыбница.

— Там у меня небольшая дача, — сказал он, — огород поправим и, можно будет, если уж не порыбачить, то хотя бы искупаться в чистой воде.

— Это неплохо, — согласился я.

Путь из Орла на Рыбницу не легкий и не прост. Бесконечные холмы и пригорки, грязные ручьи и топкие лощины. В общем — солнце, ели и песок! Невеселая дорога... Водителем же Кокашинский слыл мастер — классом, а потому мы добрались до его дачи без особых приключений.

Правый берег реки представлял собою высоченный холм, возвышающийся над водой едва ли не в сотню метров. Бегущие по крутому пригорку огороды можно было лишь копать, а не вспахивать. Зато на солнце чудесным образом вызревали виноград и желтобокие дыни.

Левый же берег, напротив, был низким и пологим. На затапливаемой в пору половодья равнине хорошо приживались свекла, морковь и капуста.

Вот тогда от Владимира Павловича я впервые услышал отзыв о небольшой речушке, так похожей на Машок, речку моего дет-

ства, Рыбнице. Он не сказал, а продекламировал:

*Наша речка Рыбница -
Добрая кормилица!*

Оговорюсь сразу, что огород мы поправили, но искупаться, тем более порыбачить нам, за неимением времени, не удалось; надвигался вечер. Погрузив в машину часть собранного урожая плодов и фруктов, мы возвратились в город.

2.

Прошли годы. Переехав на жительство из Северного в Железнодорожный район и, забросив после приобретения нового свой старый гараж, я надолго расстался с добрым рыбаком. Владимир Павлович Кокашинский теперь на пенсии и вне сомнений навещает и на пруды, и на дачу. Что касается меня, то, став за всегдатаем грибных угодий, я часто в поездах пересекаю высокий над речкою мост и любуюсь затерявшейся в кустах Рыбницей. По обе стороны от неё все так же квадратами разбиты дачные участки. От многих из них, среди лебеды и крапивы остались лишь полуразрушенные строения.

И самое неприятное это то, что нерадивые хозяева превратили обе стороны железнодорожного моста в свалки дачных отходов, тем самым испортив красоту прекрасной русской реки со столь многозначным названием — Рыбница.

*Не знают люди, что творят,
Назло себе — красу «хламят».*

3.

Мое огорчение по поводу безобразного отношения к природе всем сердцем разделил со мною былой старожил этих чудесных мест, бывший главный инженер СМУ ОКСа УВД, кавалер Ордена Трудовой Славы Василий Петрович Ветров. С его помощью

В. П. Ветров

в Орле и области сданы в эксплуатацию более 150 объектов жилого фонда и соцкультбыта. В том числе: областной архив, административные здания в Нарышкинской, Ливенской и Шаховской колониях, множество жилых домов в областном центре. Только квартир построено свыше 1400.

В 2011 году В. П. Ветров выпустил книгу воспоминаний, которую так и озаглавил «Моя гордость». По праву гордится заслуженный русский строитель трудами рук своих. Мне особенно приятно, что он оставил свою память и на моей родине — Болховской земле. Несколько лет Ветров трудился прорабом на стройках Злынского 15-го конезавода (директор А. С. Касименко). Долгое время жил в Татинках, воспетые мною в сборнике стихов «Перелески» (Орёл, 1994 г.).

*А дереушку эту знает
Любой проезжий неспроста;
То пограничная черта -
Родного Болховского края.*

Вот как начинается его очерк «Детство»:

— Я родился 6 августа 1932 года. Мать вязала снопы и родила меня в поле, в копне скошенного овса, не успев добраться до дома. Дом наш стоял на краю деревни Кусты Орловского района». В 300 метрах от реки Рыбница.

— Удивительная параллель! — не сдержался я от восклицания, прочитав эти строки, — ведь и меня мать родила в копне, с разницей лишь в том, что она была не овсяной, а из сухого лугового сена. И тоже на берегу реки. Только не Рыбницы, а Машка. Вот только дом находился в деревне Сивково, что не в 300 метров, как твои Кусты, а в двух верстах от лугового покоса. И данное событие произошло 1 июля 1940 года.

*«Родился я на берегу Машка
Июльской, покосною порою.
Из трав душистых, с малого стожка,
Весь светлый мир — открылся предо мною».*

— Выходит, ты моложе меня на 8 лет; совсем пацан! Ха-ха!
— шутил Василий Петрович при встрече со мною, — но оба мы —
копенные братья.

— И речные тоже.

— Но я — сын Рыбницы.

— А я — Машка. Хотя мой отчий дом стоял на берегу его при-
тока — Лабосыни.

Волнуют и такие ветровские строки книги:

«С горы открывался вид неопишуемой красоты. Внизу река
Рыбница. Название говорило само за себя. Здесь водилось много
рыбы. В основном: карп, щука, красноперка. А также: карась, плот-
ва, пескарь и много раков. Противоположный берег — ровные,
как стол, обширные заливные луга, с которых накашивали огром-
ное количество сочного душистого сена. В праздничные Троиц-
кие дни это было место массовых гуляний. Молодежь, праздни-
чно разодетая, с песнями и плясками под гармошку, собиралась на
берегу, и праздник продолжался несколько дней в подряд».

4.

В канун Дня защитника Отече-
ства, чтобы поздравить с праздником,
20 февраля 2012 года, ко мне явились
два ветерана труда: почётный автомо-
билист, земляк — болховчанин Иван
Алексеевич Лукьянчиков и почетный
строитель Василий Петрович Ветров.
Обоим за 80 лет, но они по-прежнему
бодры и энергичны. Вспомнили роди-
телей — фронтовиков, дни трудовой
молодости. Не забыли посетовать на
отсутствие будущего у их сегодняш-
них внуков; разве за такую жизнь во-
евали, проливая драгоценную кровь,
их отцы и деды?! Или по полвека тру-
дились они во благо Родины?! Обсу-

В. С. Бондарев

дили Программы кандидатов в Президенты: Путина, Зюганова, Миронова, Прохорова и Жириновского. И ни в одной из них не увидели света в конце тоннеля. Термины: инфляция, кризис, приватизация, процентные ссуды, ВТО, безработица и прочие навязли в зубах, но ничего хорошего не предвещают.

Но вот Василий Петрович вспомнил о своем далеком детстве, любимом деде Стефане, который вскормил и поставил на ноги его, за отсутствием родителей, с братьями Николаем и Степаном. И, как строитель, не преминул рассказать о несостоявшейся нови любимой реки. На вопрос присутствующего при беседе его молодого коллеги, инженера — строителя Сергея Ивановича Шмелева: «Почему на Рыбнице затормозилось строительство плотины?», Ветров сказал:

— Потому, что всегда получается плохо тогда, когда сапоги шить берется пирожник, а хлеба печь, — сапожник.

— Как это?

— Горе — проектировщики не смогли спроектировать, а строители должным образом устроить замок — отвод воды. Когда в образовавшемся водохранилище её набралось высотой в 6 метров из проектируемой в 18, то лавина воды неожиданно устремилась вниз, под землю.

(Как позже объяснил этот факт мой приятель, инженер — механик Бондарев Валерий Сергеевич; дело в твердолобости руководства. Оно не послушалось умного совета ученого, специалиста по водным ресурсам Поддубова Владислава Митрофановича. А он, будучи в составе комиссии, проектирующей в 80-е годы данное водохранилище, предлагал не трогать глиняный водяной запор. Ибо за ним следуют поноры — данко-лебедянская свита Третьенского известняка. Причем он убеждал, что лучшим вариантом явится не одно, а каскад из трех водохранилищ. Однако стремление к удешевлению объекта строительства сыграло пагубную роль).

Тонны бетона не смогли устранить брешь. В результате губернатор Строев дал команду: проект законсервировать. А ведь было у него желание гнать по трубам в Орел чистую воду Рыбницы. Тогда еще СПЗ работал в полную силу. Но в результате не

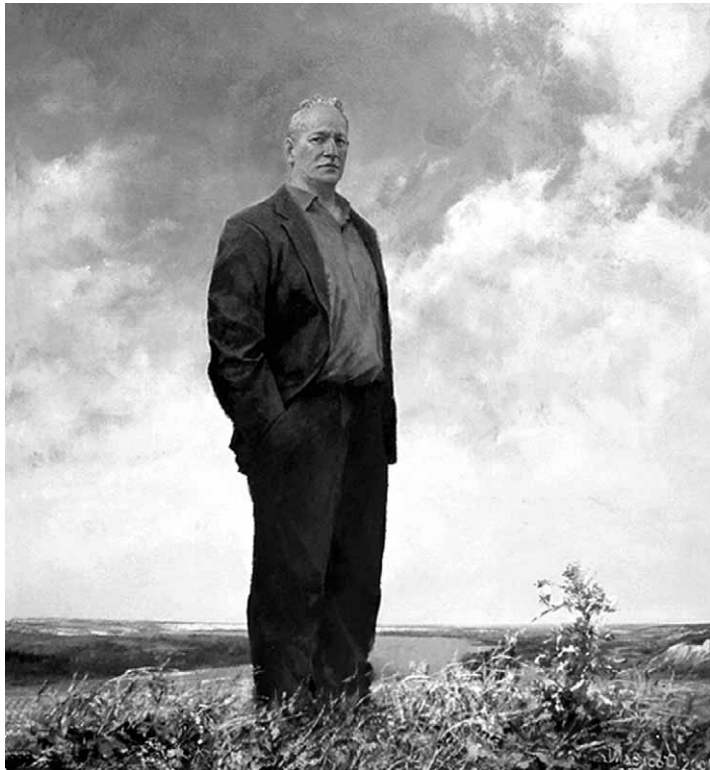
было устроено ни плотины, ни водохранилища. Хотя уже многие семьи, жившие в понизовье, были отселены и им были выплачены деньги за оставленные дома и хозяйские постройки.

— Выходит, что блин получился комом?

— Именно, так. Благими пожеланиями, известно, дорога вымощена и в ад. А ведь на случай удачи весь Орел можно было бы накормить рыбой. Как сейчас помню. В жаркие дни вся детвора собиралась на реке: купались, загорали, ловили рыбу удочками и вершами. В летнее время в семье не было дней без рыбных блюд, да и была возможность вялить улов в зиму.

Поистине Рыбница была нашей доброй кормилицей.

**Великий сын Дона –
Михаил Александрович
Шолохов**

(1905-1984 гг.)

НА ДОНУ СО ШМЕЛЁВЫМ

Путевой очерк

«Пётр Дмитриевич! Приглашаю Вас, вместе с вашим другом — юбиляром Сергеем Ивановичем Шмелевым к нам в Ростов. Погостите. Попутешествуете. Отдохнёте и порыбачите на тихом и вольном Дону».

(Из письма есаула А. М. Борисова)

Автотур: Орёл — Воронеж Ростов-на-Дону — ст. Багаевская — Семикаракорская — Вешенская — Еланская — Елец — Орёл с 6 по 14 сентября 2011 г.

1. Юбилей

5 мая 2011 года моему верному другу и соратнику Сергею Ивановичу Шмелёву исполнилось 60 лет. К его Юбилею, в качестве главного подарка было приурочено издание моей книги «Сергей и Людмила Шмелёвы». Предисловие к ней под заголовком «Соратники» написал наш бывший коллега по работе в системе автотранспорта инженер-экономист Валерий Часовитин.

7 мая в роскошном зале ресторана «Трётый Рим», что располагается на Щепной площади Орла, состоялось чествование именинника. В торжественном мероприятии приняли активное участие члены семьи, близкие родственники, коллеги и друзья.

Нам, с моей супругой Валентиной Алексеевной Козиной, по счастливой случайности родившейся в один день и месяц — (5 мая) со Шмелевым, было предоставлено право выступать первыми. Валентина говорила о высоких человеческих качествах юбиляра. О том, как она счастлива, что у её мужа есть настоящий и надёжный друг, с каким конкретно, а не виртуально, можно без опаски «пойти в горы».

Это тем более верно, что Сергей Иванович — кандидат в мастера спорта по горному туризму. Мне, как поэту, сам Бог повелел говорить стихами:

*Орёл. Щепная. Третий Рим.
Друзья, мы хорошо сидим.
Не правда ли; мы все готовы
Отметить Юбилей Шмелёва!?*

*Но прежде чем нам Пир начать,
«Виват!» — герою прокричать,
И прежде чем начнутся речи
О сокровенном и сердечном -*

*О том, как удалец Сергей
Искал Людмилу много дней;
Как с нею он любовь итожит;
И как семью крепит и множит...*

*Нам нужно вспомнить об отцах -
Родной России молодцах!
О тех, кто добывал Победу!
Вот с них мы и начнём беседу...*

*Герасим Митин — Людин папа -
Был ранен, но фашистов сцапал;
Набравшись мужества и сил,
Врагов на Балтике пленил.*

Г. В. Митин

*О подвиге том, о ранении,
Узнаете вы из «Глумления» -
Ту книгу можете прочесть;
Конечно, в Интернете есть.*

*Как офицер Иван Шмелёв
Под Брянском колотил врагов;
Во имя родины и славы —
Спускал их... под откос составы.*

*Как он, измученный войной,
Вернулся к жизни трудовой,
Как стал «Железку» укреплять
Вы там же можете узнать.*

*За старших — Митина, Шмелёва -
Отцов Людмилы и Сергея!
За тех, кто, не жалея крови,
Повергли в землю лиходеев.*

*За них, за подлинных Героев,
Я предлагаю выпить — стоя!*

Все присутствующие, а их в зале собралось под сорок человек, звеня бокалами с искрящимся шампанским в руках, горячо поддержали мое предложение.

На празднестве прозвучало немало других ярких речей. Со всех концов стекались подарки и здравицы в честь Юбиляра. Запомнились выступления: старшей сестры виновника торжества Людмилы Ивановны

И. С. Шмелёв

Боевой (Шмелевой), его сына — инженера Юрия Сергеевича, его дочери, врача-хирурга Натальи Сергеевны, невестки Аллы. Родственники, друзья и знакомые наперебой спешили засвидетельствовать своё уважение к дорогому человеку.

Цвела счастьем супруга именинника Людмила Герасимовна. Весело и радостно отплясывали с любимым дедом его милые внучки, наследницы Ангелина и Софья Шмелёвы.

2. Были сборы недолги...

Но если «Третий Рим» был впечатляющим началом в праздничной феерии юбиляра, то поездка на озеро Селигер Тверской губернии явилось его продолжением. По возвращении из туристической поездки у Сергея начались трудовые будни. Однако телефонный звонок из Ростова от моего лицейского друга Николая Григорьевича Бовдурца, приглашающего нас, как ранее это сделал есаул Борисов, в гости, вновь вернул нас в сладкие грезы. Ведь Николай сообщил, что он приготовил для нас «приятные сюрпризы».

Как говорили в старину: «Бедняку собратъся, разве, что — подпоясаться». И мы поступили также. Сергей заправил горячим свой «Мерседес», а именно на этом «белобоком» красавце предстояла наше дальнейшее путешествие. Подготовил инструменты и аптечку. Запасся и банкой тосола — двигатель при больших скоростях, перегреваясь, давал течь.

Валентина в качестве презента земляку Борисову подготовила связку чеснока и небольшой мешок с сушеными грибами — дар леса. Бросили в машину уже большую сетку с молодым картофелем. Пополнив денежный взнос, зарядили сотовые телефоны. Уложили в салон автомобиля коробку со свежими книгами «Донские тетради», приготовленную женами домашнюю снедь. Уведомили ростовчан о своем предстоящем визите и были таковы...

3. Путь — дорога

*«Эх, дороги — пыль да туман»
(Из песни)*

Ровно в полдень, 6 сентября 2011 года наш «белоногий» конь, начав свой разбег от моего дома, что на 5-ое Августа, миновал улицу Ливенскую и железнодорожный мост, взял курс на родину Ивана Бунина — город Елец.

Мелькали за окнами автостанции: Змиевка, Покровское, Дросково, подарившее России талантливого поэта Дмитрия Блынского; Ливны, где проживал наш с Сергеем общий приятель — лирик и философ Юрий Воробьев. Средняя скорость автомобиля 120 км, а потому мы и не заметили, как миновали Елец.

Уже подъезжая к Воронежу почувствовали, что проголодались. Подумалось: неплохо будет сдобрить Валентинины пирожки свежим молоком, тем более, что у дорог оно было выставлено на продажу. Останавливаемся. Знакомимся с содержимым в бутылках и к своему огорчению убеждаемся, что это не производное живой буренки, коих стада некогда пас молодой воронежец Алексей Кольцов, а лишь разведенный порошок. Да и тот завезен из благополучной Европы: плохо обстоят дела с развитием животноводства в России. Отказываемся от покупки; приобретаем обычный лимонад.

Вызвали наше восхищение стройные еловые рощи, да не простые, а корабельные. Это из них Петр Великий выстроил целый флот и пустил его вниз по реке Воронеж, а затем по волнам тихого Дона к славному Азову. Теперь ели не стали былой ценностью и сиротливо стояли понизу обгоревшими. Тут и еще новая печаль. Перед нами возник турникет. Вывеска возвещала о платной дороге. Ничего не оставалось, как раскошелиться и промчатся сотню верст не легкой для кармана, но зато широкой, надежно обустроенной и чисто ухоженной магистралью.

К Ростову подобрались уже в полночь. Созвонились с Александром Борисовым и он по телефону направлял водителя, какими улицами необходимо ему следовать. Когда же оказались на

Театральной площади, то надобность в помощи отпала, я сам хорошо знал всю последующую дорогу. Без приключений добрались до проспекта Стачки, где проживала Вера Борисова, а уже до улицы имени Рихарда Зорге вновь добирались под диктовку её милого брата. Спустя десяток минут мы уже заключали бородатого есаула в своих дружеских объятиях.

Пришлось признать, что шоферское мастерство Сергея оказалось на высоте. К тому же мужеством и терпением его, видимо, сам господь наградил.

4. Борисовы

Квартира моего старинного ростовского друга, инженера — морехода, казачьего есаула Александра Михайловича Борисова располагается на первом этаже большого 9-этажного дома. Неудивительно, что её окна, выходящие на улицу имени Р. Зорге, были зарешеченными; криминал торжествует по всей стране, а мы оказались в городе, который именуют не иначе, как: «Ростов — папа».

Есаул А. М. Борисов с сыном Олесем

Дабы «Мерседес» оказывался под приглядом, его поставили напротив окна нашей спальни, на обочине тротуара, под лиственным шатром величественных каштанов.

Александр Михайлович проживал вдвоём с сыном — иностранцем. Прописан отрок его в Киеве у мамы — украинки, носит имя Олесь, что в переводе на русский язык означает — Александр. Получается, что Сергею Ивановичу пришлось познакомиться сразу с двумя Александрями Борисовыми, которых мы в шутку

называли — два Дюма: отец и сын. Тем более, оба они слывут страстными книголюбями, а Дюма — старший не только почитывает, но даже пописывает.

Олесю, выпускнику Киевской гимназии, 19 лет, но он нигде не учится и не работает и это при мизерной пенсии своего отца. Правда, выручает мама: раз, в каждые три месяца выделяет денежную сумму для скромного проживания.

Еще в сентябре 2010 Олесю как завернул к отцу, так и прикипел к отчому плечу; не оторвешь. Бедно живется, но зато ладно. Компьютер с выходом в Интернет, собственный малый парусник, рыбалка и книги — таков круг его интересов.

Посмотришь на двух Дюма — залюбуешься. Оба среднего роста. Подвижные и мускулистые крепыши. Улыбчивые и ясноглазые. Красивые, как древние эллины. Добрые и благородные, как русские витязи. Мужчины умные и рассудительные, как Эзоп. Копия друг другу — и речью, и поступью.

В первый же день после проведенной ночи, с полосатым арбузом в руках, одним из двух, купленных нами по пути в Ростов,

мы являемся в дом, что на проспекте Стачки. Здесь проживает семья сестры Александра — старшего — Вера Михайловна Борисова. Вручаем в качестве подарка арбуз и «Донские тетради» с нашим автографом.

— Вот спасибо! — благодарит нас полногрудая, черноволосая, как всегда милая и обаятельная женщина. — ты и о нас написал?

— Безусловно, — отвечаю с улыбкой, — никого не забыл; ни тебя, ни дочь твою Наталью. И тем более красавицу — смуглянку Бэлу.

— Вот внучка — то рада будет! Бэла теперь второклассница.

— Надеюсь, — согласился я, — где прочтет, а где просто фотографии посмотрит.

— Надолго к нам?

— На неделю, а впрочем, как отметим Александру Михайловичу день рождения, так и обратно в Орел укатим.

— Да, да ведь Саше 11 сентября 63 стукнет.

— Именно так! — шутливо отрапортовал её старший брат.

Вера Михайловна явно болела; с марлевой повязкой на лице, она пребывала на больничном листе. Потому наша веселая компания не стала докучать ей далее своим присутствием.

5. На даче Бовдурца

Сразу же после утреннего визита к Вере Борисовой, наш дружный квартет отправился на дачу к Николаю Бовдурцу. Миновали мою прежнюю обитель — станицу Нижнегниловскую, 10-ый подшипниковый завод, мост через Мёртвый Донец и вышли на прямую трассу, ведущую к хутору Курган. Не доезжая пяти километров до него, свернули у рукотворного, обустроенного камнем пруда вправо и оказались у высокого деревянного строения. Оно своею красотой было похоже на сказочный терем. Да и хозяин его напоминал всемогущего волшебника. Дородный, стройный, седоволосый и черноусый, внук Черноморского казака, сын Кубани, он был теперь одним из друзей — товарищей самого Атамана Всевеликого войска Донского.

Николаю Григорьевичу Бовдурцу в день 16 ноября 2011 года предстояло отметить 70-летие со дня рождения. Именно, приурочив к этой торжественной дате, мы и привезли Юбиляру в качестве подарка 16 экземпляров книги «Донские тетради». В них был опубликован о нем большой очерк под заголовком «Рожденный на Кубани».

— Один экземпляр с нашим автографом лично тебе, — вручая книгу, жму руку лицейскому другу, — а остальные книги для твоих будущих гостей.

— Ну, Петр Дмитриевич, спасибо. Это поистине чудесный подарок.

А после того, как Сергей Иванович преподнес ему еще в качестве скромного презента бутылку

шампанского и красочную коробку конфет с букетом цветов, то Николай Григорьевич совсем просиял.

— Знаю, что вас к себе 16 ноября не дожدهшься, — сказал он, — а потому предлагаю сегодня отпраздновать нашу встречу. И знакомство с Сергеем Ивановичем. И мой предстоящий Юбилей. Согласны?

— Какой разговор, всегда рады.

— И не только вы, но и мы тоже с супругой. Вот и она, легка на помине.

Из кухни терема к нам вышла, все еще сохранившая милость и стройность, пожилая женщина.

Естественно, что мы обнялись и расцеловались со своею старой знакомой. Мне всегда, со времен студенческой молодости, нравилась Александра Петровна Бовдурец. И внешним обликом и характером, она была сродни своему супругу. Такая же скромная, спокойная и предупредительная.

— Вы сейчас погуляйте по саду, отдохните от всяческих забот, — мягко сказала она, — а мы пока стол приготовим.

— Есть такая партия! — как некогда Ленин, чеканю я.

— Но ты же не состоишь в КПРФ!? — то ли изумился, то ли спросил Николай.

— Нет. Я внял установке писателя и философа Михаила Веллера, что литератор не должен быть скован партийной дисциплиной. Он завсегда обязан быть независимым и свободным.

— Это верно, — согласился приятель, — твои книги сами за себя о том говорят. Особенно понравилась мне твоя поэма — хроника «История Государства Российского от Гостомысла до Ельцина». Не поэма, а целое историческое исследование. Но почему оно не продолжено до господина Путина?

— Да, ты взгляни на дату издания «Руси». Ведь эта книга вышла еще в 1995-ом. Тогда Путин всего лишь с градоначальником Питера Собчаком в обнимку ходил. И Ельцин о нем ни сном, ни духом не ведал. Возведение его на президентский трон произошло гораздо позже.

— Извини, я этого не учел.

Пока мы с Николаем жарко беседовали, трио друзей обозревали его владения. И двухэтажную баню, и огромную печь, предмет восторга юного Олеся. И сад-огород, обрамленный серебристо — зеленой английской травкой. И красавец — пруд, отягощенный засухой. И, наконец, дымчатую, желто-сизую траву степи, что широко раскинулась сразу же за дачным забором.

Что касается Александра Михайловича, то он, по обыкновению, был в своем амплуа. Без блокнота, но с неизменной лейкой в руках, он перебежал от

одного объекта к другому. Выбирал ракурс, прицеливался и щел-кам своим фотоаппаратом. Фотоснимков было сделано так много, что в последующем мы со Шмелевым его работами заполним це-лых два 100-страничных альбома.

Нет нужды описывать обилие и красоту приготовленного для нас стола. Гостеприимство четы Бовдурцов общеизвестно. Поразили наше с Сергеем воображение «сюрпризы» Николая, о которых он намекал еще в телефонном разговоре.

За мой вклад в литературу о казачестве от имени товарища (заместителя) Атамана Николай Григорьевич торжественно вручил «Грамоту» Она уведомляла о приеме меня казаком в состав Всевеликого Войска Донского. Сергею Ивановичу по случаю его Юбилея им был вручен ценный сувенир и две бутылки вина. На одной из них красовался он с несравненной Людмилой, а на другой наш с Сергеем портрет. Забегая впе-

ред, замечу, что в канун Нового 2012 года С. И. Шмелёв также был удостоен «Грамоты» о его приеме в казаки.

В знак ответной благодарности к 16 ноября 2011 мы послали в адрес Николая Григорьевича «Памятную папку» с нашими поздравлениями по случаю его юбилея, украшенные цветными фото.

День же 7 сентября 2011 завершился общим снимком у ворот дачи, а также договоренностью о новой встрече, имевшую цель осуществить давнюю мечту — посетить город Семикаракоры, где возложить на могилу нашего лицейского друга Георгия Забазного цветы.

6. ДГПБ

Каждый раз, приезжая в Ростов, я непременно наведываюсь в Донскую государственную публичную библиотеку. Передаю в её

фонд свои книги. Меня неизменно сопровождает Александр Борисов. В 2010 к нам присоединился профессор Константин Сергеевич Жижин.

Теперь же, 8 сентября 2011 года, доктора медицины с нами не было. Его место занял Сергей Иванович Шмелев.

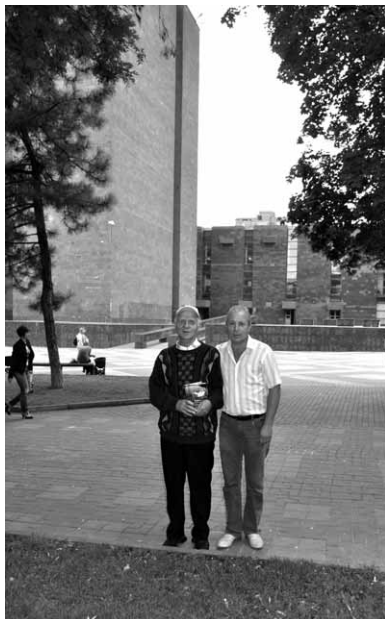
Удивительно, но факт. Симпатичная, средних лет дама, научный работник библиотеки встретила нас, как старых друзей, радушно и приветливо. Это можно судить по сделанному Александром фотоснимку.

Библиотекарь призналась, что сама пишет книги, а потому с радостью знакомится с каждой новинкой.

— А у вас такая чудесная книга получилась, — похвалила она, — да еще с донской тематикой. Такие книги нам нужны. Желательно, чтобы ваши «Донские тетради» были у нас в трех экземплярах.

— Эту ошибку мы исправим, — отозвался на её

просьбу Борисов, — я в следующий раз принесу Вам недостающие экземпляры; автор-то уже будет в Орле.

— Пожалуйста, занесите. На всякий случай запишите мой телефон.

7. Библиотека ЮФУ

Своим долгом я считаю также передавать свои новинки и в родную для меня со студенческих лет научную библиотеку РГУ, ныне ЮФУ (Южный федеральный университет). И здесь, на этот раз, нас встретили с пониманием. Сотрудница библиотеки, принимая «Донские тетради», взглянула на фамилию автора и с улыбкою произнесла:

— Книги Козина у нас есть. Кстати, наши студенты их с удовольствием читают

— Это приятно, — улыбнулся я.

Александр Михайлович и на этот раз не удержался, чтобы не запечатлеть библиотечаршу с автором даримой книги.

8. Русский богатырь Морозов

Из всех своих друзей — ростовчан Александр Борисов отличается и уважает «физика и лирика» Владимира Александровича Морозова, кандидата технических наук, самодеятельного поэта.

Лично меня Морозов поразил своим обликом; мощной фигурой богатыря, высоким духом русского патриота. Откройте мои «Донские тетради» на странице 133. Взгляните на фото и вы, воочию, убедитесь, сколь выразителен лик Владимира Александровича, стоящего со мной у камня — основания града Черкаска. Высокорослый атлет, вровень с огромной гранитной глыбой, бородастый, с распушенной шевелюрой, с лукавым прищуром глаз, он олицетворял собою образ казачьего атамана Стеньки Разина.

Да, мы впервые с Морозовым встретились в Ростове, вместе побывали 29 августа 2010 года в Старочеркасске на фестивале казачьей песни. И я посвятил ему пару страниц своей книги. Когда он прочел её, то скромно обронил:

— Петр Дмитриевич, вы написали, что мне «за 60». Это неверно; я старше вас, а вам, я знаю, 70. В остальном изложении все — правда. Спасибо за добрые слова.

Вот таков Морозов! Во всем любит точность и справедливость. Не случайно он является активным сторонником «Концепции общественной безопасности», иначе именуемой, как «Мертвая вода». Когда я ознакомился с диском, который он мне подарил, то нашел в «КОБе» много содержательного и полезного. Тем не менее, я согласен с оценкой академика В. Истархова, что идея «Мертвой воды», предполагающая через русскую соборность придти к возрождению и обновлению России, в целом, ошибочна. Данная теория — многословна и туманна. А, как сказал философ: «Многословие — это папка, на которую опирается слабый ум».

К примеру, автор «Концепции» генерал-майор, академик К. П. Петров утверждает, что господин В. В. Путин отлично усвоил замыслы «Мирового правительства» и успешно противостоит «глобалистам». Как бы не так. Как сообщает пресса: по данным британского и чешского изданий состояние В. Путина и его родных превышает 130 миллиардов долларов. Это на 50 миллиардов больше активов официального лидера рейтинга журнала «ФОРБС» мексиканского магната Карлоса Слим Элу — владельца коммуникационной индустрии общей стоимостью в 74 млрд. Компании, являющиеся собственностью «клана Путина», не принадлежат государству, но голос Путина является решающим как в административных, так и в финансовых вопросах.

Вот и получается, что клятвы В. Путина, что он любит Россию и заботится о росте благосостояния её народа, лишь лукавая пропаганда.

Знал ли о подобных фактах генерал К. Петров? Остается загадкой, ведь он умер. Последователям его учения, как товарищу Морозову В. А., самим надо во всем критически разобраться, а не принимать учение академика лишь «на веру».

Вера — слепая, а знания — сила!

Приблизительно в этой плоскости мы вели разговор с Владимиром Александровичем, когда 8 сентября 2011 года он пригласил наш квартет к себе в гости.

В его просторной трехкомнатной квартире были чистота и порядок. Когда я оказался в его рабочем кабинете, то с удоволь-

ствием для себя отметил, что на полке книжного шкафа Морозова, наряду с другими авторами, стояли мои книги: «Глумление», «Русь», «Мои современники», как и теперь «Донские тетради». На рабочем столе лежала набранная типографским способом корректура его поэтического сборника.

В. А. Морозов и П. Д. Козин

Владимир Александрович большой поклонник публицистики орловского писателя Петра Родичева и он не пожалел тысячи рублей, чтобы приобрести для себя его книги. Этот штрих подчеркивает глубокий интерес «физика и лирика» к проблемам современности, к идеям возрождения России.

Отец и сын Борисовы, Сергей Иванович и я остались чрезвычайно довольны данным нам обедом. Во время трапезы к нам «на минутку» заглянул внук Морозова, молодой и такой же рослый, как дед, мужчина. Приветливо, чувствовалось хорошее воспитание, он поздоровался с нами, а затем, пожелав всем здоровья и благополучия, незаметно и тихо, по-английски, покинул дедову квартиру.

Мы же прощались с гостеприимным и радушным хозяином по-русски: громко, шумно и весело.

9. Доктор Жижин

— Петр, это ты? — слышу в трубке знакомый твердый голос лицейского друга, — ты где? На Университетском!?! Хорошо! Окончу лекцию, подойду.

Ожидать профессора Константина Сергеевича Жижина, читающего очередную лекцию в медицинском колледже пришлось не более получаса. Побродив по Пушкинской улице, мы переш-

ли на Университетский переулок. Ещё издали увидели коренастую, с намечающимся брюшком фигуру знаменитого доктора медицины. В полосатой рубашке, понизу заправленной в светлые брюки, с черною сумкою на правом плече и в таких же белых и схожих туфлях, как у Сергея, он стоял на углу здания Университета. Когда

Встреча с профессором К. С. Жижиним

Борисов запечатлел нашу встречу, то

на фото ярко обозначилась вывеска кинотеатра «Ростов». Седовласый и загорелый, Константин расплывался добродушной улыбкой.

— Привет, Толстой — два! — воскликнул он, обнимая меня за плечи, — вижу, что книга получилась на славу; оформлена подобающим образом.

— Старались не подвести редактора, — показываю ему на страницу, где был помещен наш с ним общий портрет.

— Ну, мои заслуги тут невелики.

— Константин Сергеевич! Предисловие вы написали замечательное, со знанием дела, — серьезно заметил Сергей Шмелев, — не только с научной, но и художественной стороны.

— По Сеньке и шапка! — шутливо отвечивал Жижин, — две недели погулял по Дону и на тебе, — книга в 300 страниц! Я так не умею.

— Каждому — свое! — вставил свое слово Александр Михайлович.

— Точно так, — поддержал доктор точку зрения есаула Борисова и, обращаясь к Шмелёву, отдался воспоминаниям, — знаешь, Сергей Иванович, когда я на почте получил книги Петра, то едва их до дома донес. Ну, подлинный ваятель! Тяжеловес. Вот с той поры я и зову писателя Козина, не иначе, как Толстой— два!

— До Толстого, как Волку до Льва, мне еще далеко, — скаламбурил я.

— Но Шолохова наверняка обошел.

— По объему печатных страниц, возможно, но по качеству, как жаворонку до звёзд.

— Смотри, Сергей, каков Петр, молодец, какими образами сыплет?! Ха-ха-ха! — знакомым со студенческих лет заразительным смехом зашелся седовласый профессор.

— Он же поэт!

— К тому же и историк. Вот в этом же здании, — Жижин указал на мощную стену университета, — Петр и грыз гранит науки. Тут же и я с ним журналистику осваивал. В этом единстве многообразия и прелесть его творчества.

— Вы об этом и в предисловии написали.

— Как же? Было такое! Ха-ха-ха! — вновь захохотал доктор и, будто спохватившись, предложил, — не пора ли заглянуть в магазин. Коньячку, да пивка взять. И за встречу и за «Донские тетради» тост поднять!

— Доброе дело! — поддержал Сергей Иванович.

— Пировать же приглашаю всех вас ко мне в дом, на Зорге! — твердо сказал Борисов, — не на скамейке же, как в прошлый раз.

— Не возражаю! Время терпит, — согласился Константин Сергеевич.

— В таком случае, прошу в автомобиль! — пригласил Шмелёв.

— Ба! «Мерседес»! Прямо-таки немецкая роскошь.

— Это для русских — роскошь, а для немцев — повседневный транспорт, — мягко поправил профессора Сергей Иванович, усаживаясь за баранку своего белобокого коня.

— Вперед и с песней! — провозглашаю я.

— «Ой, Дон, ты мой Дон, кормилец наш Дон Иванович!» — с грустинкой затягивает бородатый есаул, когда мы пересекали уже мост над Темерником, что мутным потоком бежал к широкому донскому простору.

К докторскому коньяку я в качестве закуски приобрел тут же в ларьке, что у дома Борисова «Куру-Гриль». По вкусу пришлась. После хмельного торжества воцарились в апартаментах двух Дюма.

— Сергей Иванович! Смотри, — Жижин указал рукою на настенную книжную полку, — и тут я вижу козинское собрание сочинений. Того и гляди, доска вниз рухнет. Ха-ха!

— Полка надежно приби-та. Ничего с ней не станется, — успокоил профессора хозяин квартиры, — книги Петра Дмитриевича мне, что бальзам на душу. Как Ленин к Марсу «ходил» за советом, так я в трудную минуту «советуюсь с Козиным».

— Похвально!

— Это не спроста, — заметил Шмелёв, — ведь едва не в каждой книжке он пишет о тебе и о Доне.

— Да и о вас не меньше, — резонирует гостя находчивый есаул.

— Ха-ха-ха! Вы просто уморили меня, — Костя внимательно рассматривал казачью шашку хозяина, — но с вами, я вижу, много не пошутить!

У Андреевского флага

— Это точно, — подтвердил Сергей и предложил сфотографироваться.

Александр Михайлович попеременно с Олесем произвели несколько фотоснимков. Так появились портреты, увековечившие нас: за трапезным столом, в гостиной у телевизора, под сенью Андреевского флага и другие.

Провожали на автобусную остановку дорогого профессора мы вдвоем со Шмелевым. Беседа не прекращалась и все в том же ракурсе — с шутками и прибаутками.

— Извини, Константин Сергеевич, что не смогу на автомобиле вас до Филимоновской подбросить — сказал Сергей, — на радостях коньячку принял. Дорожные инспекторы не поймут.

— Какая печаль, все нормально. Я так рад встрече и нашему знакомству, что на крыльях до дома долечу. Какие у вас планы на будущее?

— Много всего, — отвечаю, — но главное собираемся навестись в Вёшки, к Шолохову.

— Это здорово! Не успел при его жизни, так теперь отдай долг памяти.

— И еще неплохо было бы побывать в Еланской.

— Да, там возвели хороший мемориал. Завидую Вам. Сам бы с удовольствием с вами прокатился, да работа по ногам — рукам вяжет.

— Ничего, все у тебя впереди.

— Успокаиваешь. Ха-ха! А вот и мой автобус! — мы обнялись на прощание и стояли с Сергеем у дороги до тех пор, пока за веселым и находчивым доктором Жижиным не захлопнулась дверь.

10. Дергунов — друг Дубоноса

*«Сатирой всех разить готов
Редактор «Спаса» Дергунов»
Петр КОЗИН*

С казачьим полковником Николаем Николаевичем Дергуновым, урожденным в станице Багаевской в 1944 году, я знаком с лета 2006 года. Русский патриот, он уже несколько лет является главным редактором газеты «Казачий Спас». Публикует на её страницах критические материалы, достойные едкого пера известного

Слева – редактор Н. Н. Дергунов

писателя — сатирика Салтыкова — Щедрина. Не щадит никого: ни казачьих Атаманов (Водолацкого, Юдина), ни зарвавшихся администраторов, ни прокуроров, ни полицейских. Что касается представителей Фемиды, так за несправедные дела их он выдаёт им «Дипломы «Хама» с высшим образованием». Такого Диплома за № 015, например, удостоена мировая судья Ленинского района г. Ростова-на-Дону Кукленко С. В. Она при рассмотрении уголовного дела главного редактора газеты «Уполномочен заявить» Толмачева А. М. нарушила, на его взгляд, присягу и нормы права. Как гласит «Римское право»: «Закон — это справедливое утверждение, предписывающее то, что благородно». По убеждению журналиста судья Кукленко преступила нормы судебной этики, а потому решением Совета МОПО (Председатель Волков Н. П.) была признана «юридической лгуньей».

Это смелое, но, безусловно, несерьезное, неправомерное решение. Публикация таких материалов на страницах печати не приносит редактору Дергунову дивидендов, а напротив ожесточает против него представителей власть предержащих. В том числе вызывает недоумение у таких выдающихся представителей русской интеллигенции, как народный художник России Сергей Бочаров и поэт — лауреат Валерий Хатюшин

Дергунов, как нам кажется, не усвоил утверждение мудрецов, что «Справедливость без силы — смешна». Ничего удивительного, что, не обладая «реальной силой», он сам нередко попадает в щекотливое положение.

Его положительные качества ухватил таки острый глаз ростовского поэта Леонида Юдина. В стихотворении, посвященном Николаю Николаевичу, он писал:

*«Суров полковник Дергунов наш с виду,
Но государство не дает в обиду.
О, мать честная, сил же у него!
И пишет, и сражается, и мудро
Из поседелых смотрит он бровей.
Судья. Пророк. И тут такая сутра,
Что суд продажный меркнет перед ней.
Бывает же казацкая порода;
Служить! В Россию верить! Дорожить
Достоинством, фамильною свободой!
А что еще наградой может быть?».*

Вот таким же отчаянно храбрым сатириком являлся и друг Николая Николаевича русский поэт Владимир Дорофеевич Дубонос, урожденный 7 февраля 1934 года в селе Сростки. Он — земляк и приятель Василия Шукшина. Владимир учился в Литературном институте имени Горького. Сотрудничал в редакции газеты «Новороссийский рабочий». Путёвку в поэзию ему дал Михаил Светлов — автор «Гренады». За свои «крамольные строчки» он подвергался преследованиям со стороны властей, где проживал и нередко вынужден был находить себе «приют отдохновенья» в

Ростове, на квартире редактора «Казачьего Спаса». И вот 15 августа 2011, в 77 — лет В. Д. Дубанос ушел из жизни, оставив после себя двух сыновей. Похоронен поэт в Анапе.

Неудивительно, что при нашей встрече 9 сентября 2011, на квартире Александра Борисова первый тост мы подняли в память о Дубаносе. Сам редактор Дергунов его величал не иначе, как «Великий Дорофеевич!». Ибо, по его мнению, Владимир Дубанос — посвященный, ясновидящий: он знал, что было 500, тысячу и пять тысяч лет назад. Он оценивал современную обстановку и видел, что ожидает Россию и её народы в 2012 и через 100 лет. Он — Волхв Света Жизни на Земле. Положил начало ведической культуры в Краснодаре. Являлся целителем. Избавлял от недугов, перед которыми традиционная медицина бессильна: рак, слоновая болезнь, красная волчанка и другие. Знал основы медицины. Исцелял от многих опасных болезней. После общения с Дорофеевичем все его клиенты становились здоровыми.

— Почему же сам себя не излечил? — засомневался Сергей Шмелев

— Так бывает, — объяснил Николай Николаевич, — Волхвы — целители тратят на больных много своей энергии и рано сгорают.

Принимая в дар «Донские тетради», редактор сказал:

— Обязательно прочту и доведу до вас свое мнение. Ждите, я позвоню.

11. Опасный рейс

9 сентября ознаменовался большим ливнем. Вздумалось же двум Дюма в этот день осуществить свою мечту: пополнить повседневное меню запасами подсолнечного масла и так любимой Олесем халвы.

— Её продают на заводе коробками по несколько килограммов веса, — убеждал нас юноша, — оно бывает еще теплым и очень вкусным.

— И где этот завод?

— На Аксае.

— И далековато, и многоводно — застрянем. Дождь-то, как из ведра льет!

— Я на стареньком «Москвиче» спокойно добираюсь, — отверг сомнения Борисов — старший, — а для «Мерседеса», думаю, нет проблем.

Доброта же и отзывчивость Сергея Ивановича — притча во языцах. Неудивительно, что он согласился.

Если езда по Ростову была еще сносной, то за городом начались не лужи, а целые озера. Колеса, вплоть до кабины, уходили в мутную грязь.

— Зальем мотор! — сетую я.

— Прорвемся! — упорствовал водитель.

Как бы то ни было, но цели своей мы достигли. Весь багажник был заполнен коробками халвы и пяти — шестилитровыми банками масла.

— Куда так много? — недоумеваю я.

— А я впрок себе взял и для Валентины Алексеевны подарок купил. Это у тебя, лентяя, живущего за ней, как у Христа за пазухой — никаких забот. Все жена закупает. Валя же, знаю, оценит мой дар.

Предвосхищая события, отмечу, что Александр Михайлович оказался прав. Не только наши с Сергеем жены, но и дочери оценили хлопоты наших ростовских друзей. Что касается халвы, то ею с удовольствием угощались наши дорогие внуки.

Отец и сын — Борисовы
(два Дюма)

12. Багаевская

Как было и условлено, в субботу 10 сентября наш «Мерседес» подкатил к дачному особняку Бовдурца. К нам вышел его хозяин с сумкою в руках, сел рядом с водителем и мы втроем отправились в направлении города Семикаракоры. Два Дюма задержались по моей настоятельной просьбе дома. Не делом, я считал, юному Олеся ездить на могилу к усопшему взрослому мужчине, которого не знал и не ведал. Ему скорбеть еще рано. Молодые должны верить в бессмертие.

Александр же старший остался из отцовской солидарности. Тем более, у него появился досуг; возможность заняться печатанием фотографий.

— Я, на всякий случай, — сказал Николай Григорьевич, — захватил с собою старенький фотоаппарат. Надеюсь, что будет к месту.

— Выручит, — подтвердил я.

На полпути к цели мы свернули влево от основной трассы, чтобы заехать в станицу Багаевскую — родину физика и журналиста Н. Н. Дергунова. Там я намеривался встретиться со своим старым знакомым по прошлогоднему визиту главным редактором районного вестника «Светлый путь» Александром Колобродовым, чтобы передать книги. Свои обещания я привык исполнять.

Когда мы оказались на месте, то узнали, что жители Багаевской сегодня отмечают очередную дату основания любимой станицы. С летней сцены, что у Дома культуры, окрест лилась задорная музыка. Пляски и танцы были в самом разгаре. Николаю даже посчастливилось сделать удачный снимок группы поющих казачек.

Через местного газетчика связались с недавним выпускником РГУ, редактором Александром Дмитриевичем Колобродовым, а когда он появился, то мы направились с ним для короткой беседы в парк Славы, что был совсем рядом.

— Какой приятный сюрприз, — обрадовался молодой журналист, принимая от меня три экземпляра «Донских тетрадей», —

Праздник в Багаевской

извините, но даже не ожидал: такая большая книга и так скоро написана.

— Старались, — улыбаюсь я, при этом разъяснил, — один экземпляр с автографом вам, второй нашей визави — директору Центра детских отрядов Галине Васильевне Тимаковой, а третий передадите в краеведческий музей.

— Большое спасибо! Ваше поручения незамедлительно выполню, — твердо заверил меня Александр Дмитриевич.

На прощание мы сфотографировались с Колобродовым. Однако старые батарейки подвели — фотографии, к сожалению, не получились. Я не печалился, так как у меня сохранились прежние фото.

С редактором А. Козобродовым

13. Семикаракоры

Проскочив станицу, а вслед за ней боковую дорогу, мы вновь оказались на главной трассе. Не заметили за доброй беседой, как достигли искомой цели.

Город Семикаракорск (прежняя станица Семикаракорская) живший некогда здесь писатель Виталий Закруткин охарактеризовал «Плавучей станицей». Он, действительно, едва ли не весь омывается водами Дона и его притоками. Примечательно, что в 50-60-е годы первым секретарем Семикаракорского райкома партии здесь работал

Николай Дергунов, отец нашего доброго приятеля — журналиста. Дергуновы и Закруткины дружили семьями. Жена писателя была моим преподавателем на факультете журналистики и принимала у меня выпускные экзамены.

Экзамен по журналистике в РГУ
(в центре – Л. Г. Закруткина)

Для нас с Николаем Григорьевичем Бовдурцом ныне 340-летний (1672—2012) город Семикаракорск ещё знаменит тем, что в нем, в 80-90-е годы, директором технического училища работал и тут же был похоронен наш студенческий друг Георгий Евдокимович Забазнов (1940—1995).

С трудом, но могилу его мы отыскали. Она вся поросла ковылем. Втроем трудились, чтобы очистить и облагородить последний приют товарища.

Пока я бегал по магазинам в поисках новых батареек для фотоаппарата, Николай купил на местном рынке венки памяти. И тут же обновил им могилу. Самое поразительное для меня с Сергеем Ивановичем было то, что он, произнося скорбную речь,

наизусть продекламировал мои стихи, посвященные покойному другу. Читал же он их как всегда выразительно и с пафосом:

*Георг, Георгий, милый Жора,
Как можно о тебе забыть;
Ты выручал в беде и горе,
Всех нас,
Кто не умели жить.*

— И впрямь обидно, — опечалился я, — Забазнов прожил всего 55 лет, а мы с тобою, Николай, так сказать, «не умеющие жить» дотянули до семи десятков.

— Се ля ви, — отозвался Шмелев и добавил, — пути господни неисповедимы. Что зря горевать. Как призывал Василий Шукшин: «Надо жить! Надо только умно жить».

— Вот и выходит, — сокрушаюсь я, — мы — умные, а добрейший Жора, словно Данко, сердце разрывающий для людей — обыкновенный простака.

— Да, — подтвердил Николай Григорьевич Бовдурец, — Георгий Евдокимович действительно был простым и душевным товарищем. И для нас, и для всех без исключения.

Вечно кого-то устраивал — приставлял к должности, одалживал деньгами и материалами, хлопотал о вакансиях и квартирах. Потому так рано и безвременно спорел.

По-христиански, трижды мы помянули старого друга. Вместо вина, в отличие от нас с Николаем, Сергей пил воду. Он,

У могилы Г. С. Забазнова

как водитель, всегда оставался трезвым, и подобно оставившему этот грешный мир Жоре Забазнову, всегда помнил о пассажирах и об их безопасности. Об их интересах. Для него рейс (туда и обратно) в 300 вёрст был не крюк; молодой задор бил ключом.

Возвращались в Ростов с чувством исполненного долга. Ведь пять лет, начиная с 2006 года, я с Николаем Григорьевичем вознамеривался навестить на могилу незабвенного Георгия Забазнова, и вот в сентябре 2011 эта мечта стала реальностью. По пути мы заглянули в придорожное кафе. Пообедали и, вдвоем с Николаем, стопкой коньяка, еще раз помянули оставшегося вечно лежать на Семикаракорском кладбище нашего лучшего друга лицейских лет.

14. Рыбалка в день именин

Ещё с утра, 11 сентября, в «день Сашиных именин», как выражалась его сестра Вера, мы отправились в ближайший магазин. Сбросились по тысяче. На одну из них накупили всевозможных продуктовых подарков к праздничному столу. Вторую заключили в конверт и вручили лично виновнику торжества.

Александр вежливо поблагодарил нас. Приняли решение пир устроить на даче Сердюковых, несостоявшихся сватов Борисовых, что раскинулась домом с пристройками и огородом на правом берегу Дона и совместить его с рыбалкой. Знали, что душа морехода — простора просит.

Были сборы не долги. По пути в поселок Курган, где размещалась «обитель радости и надежд», купили коробку живых червей. Всеми делами, связанными с рыбалкой, руководил молодой, но весьма опытный рыболлов, знающий секреты сего мастерства Борисов — младший.

Отец его, не преминув похвастаться своим приобретением — узконосым яликом, попросил нас помочь ему перевернуть лодку покойного хозяина дачи Сергея Сердюкова и поставить её на камни; он собирался довести её до ума: проконопатить и покрасить.

Не мешкая, мы тут же выполнили его поручение.

— Молодцы! — похвалил он нас, — мне бы одному не справиться.

Итак, Дюма-отец занялся домашним хозяйством, а мы, втроем, вооружившись удочками и прочими снастями, направилась к Дону. На берегу реки, несмотря на штормовой ветер, уже во всю хлопотали любители свежей ухи. В их садках серебром сверкали крупные гибриды.

«Нам бы такие особи были весьма кстати», — подумалось мне.

Но не только с погодой — низовой ветер сбивал наши легкие поплавки к берегу, но и с «поклевками» нам явно не везло. Разве только что выудили огромного рака, да пару небольших рыбешек — верховодок.

Если мы с Сергеем облачились в костюмы, то неустрашимый и энергичный Олесь чудодействовал с удочками в одних трусах;

ему и холод не помеха. Загорелый, статный, мускулистый, подлинная копия бывалому моряку — отцу, он нырлял в воду, умело распутывал лески, устанавливал дополнительные грузила; все бесполезно.

После праздничного обеда, с тортом и чаем, наша троица решила испытать удачу на притоке Дона. До реки от поселка было не менее девяти километров. Но такое расстояние нас не остановило.

И на новом месте рыбалка не задалась, если не считать, что Сергею Ивановичу попался-таки небольшой бычок.

*Хоть колючим был бычок,
Но попался на крючок!
Невеликий он на взгляд,
Но Шмелёв удаче рад!*

Не везло с рыбалкой и соседям. Правда, они согревались мыслью, что в прежние дни им улыбалось счастье. Рыба в притоке водилась. Порою вытаскивали на берег и язей с лещами, и карасей с гибридами. Все было, да травой поросло.

На обратной дороге купили арбуз. Он оказался

удачным — свежим и вкусным. Этим чудным лакомством и была крашена наша неудачная рыбалка.

Уже вечером, покинув поселок Курган, мы, по приглашению хозяйки дачи Нины Сердюковой, заехали к ней на ростовскую квартиру. Она поздравила своего свата Александра Михайловича с именинами и дала праздничный ужин. Когда мы вручили хлебосольной хозяйке «Донские тетради», она обратилась ко мне с просьбой:

— Петр Дмитриевич! Вы, в свое время, презентовали нас с покойным мужем книгой «Глумление». Там был опубликован замечательный очерк «Рыбалка на — Дону». Он был мне очень дорог. Ведь вы многое в нем рассказали о нашей жизни с Сергеем. Так вот, эта книга куда-то пропала. Не могли бы Вы мне еще один её экземпляр подарить?

— Нет проблем, — отвечаю, — в сумке, что у Борисова на квартире эта книга должна быть. Вручу Саше, и он, с моим автографом, вам её передаст. (Так все и сбудется).

— Вот спасибо!

Прихватив с собою гостившую у бабушки Нины её черноволосую внучку Бэлу, мы направились на проспект Стачки. Передали её, с рук на руки, другой бабушке — Вере Михайловне.

Наконец, по возвращению на квартиру двух Дюма весь рыбацкий день постившийся водитель «Мерседеса» Сергей Шмелёв, позволил себе активно вступить в контакт с хмелем.

«Сашины именины» вошли в кульминационную фазу.

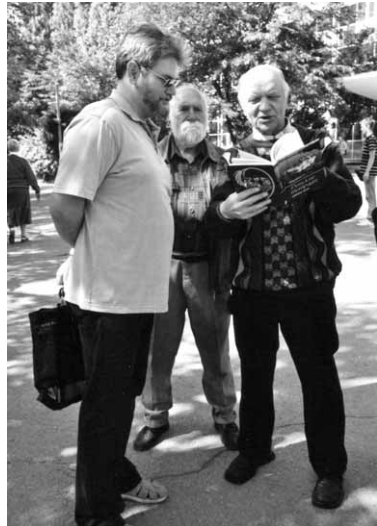
15. Презентация

В 8 часов утра 12 сентября раздался телефонный звонок. Взявший трубку хозяин квартиры Борисов — старший, сказал: «Это тебя!». На связи был редактор «Казачьего Спаса» Николай Николаевич Дергунов. Тонем, не терпящим возражений, он продиктовал распоряжение:

— В 12 часов дня в аудитории университета (физическое отделение ЮФУ) состоится презентация «Донских тетрадей». Я обо всем договорился. Участников будет 9—10 человек. Немного, но все они люди компетентные, знающие цену литературы. Так что жду без опозданий.

Презентация книг. Их было у меня — две. Одна по сборнику стихов «Отчий край» в 1994, другая по книге «Перелески» в 1995. Обе проходили в старинном доме купца Бакина, где размещалось Орловское отделение Союза писателей России. Теперь предстояла презентация № 3, в здании родного моему сердцу Университета. Почему на физическом отделении? Ларчик открывался просто: организатор мероприятия Дергунов некогда работал здесь преподавателем физики, а потому ему легче было договориться со знакомым деканом о помещении.

Прибыли в назначенный срок. На асфальтированной дорожке, что затенялась от солнца мощными шапками каштанов и орешника, стояла группа старых знакомцев. Сам редактор — организатор Дергунов, ростовский писатель, он же преподаватель института усовершенствования учителей Юрий Николаевич Круглов, кандидат тех-

Слева – писатель Юрий Круглов

нических наук, он же и поэт Владимир Александрович Морозов. Обменявшись объятиями и дружескими рукопожатиями, вошли в аудиторию, заставленную физическими приборами. Со стен зала на нас смотрели лики великих химиков, физиков и механиков. И не нашлось среди них ни одного портрета стоящего литератора.

Итак, нас оказалось всего семь человек. Правда, к нам время от времени заглядывали в кабинет работающие здесь три-четыре сотрудника. Стоя или сидя слушали. Время от времени выходили и возвращались вновь. В целом же активного участия в обсуждении не принимали.

В своем выступлении я подробно изложил композицию, идею, тему книги. Как мог, раскрыл образы моих героев. Автор критической статьи «Донских сказаний волшебство» Сергей Иванович Шмелев рассказал о воплощении в «Донских тетрадах» моих творческих замыслов. Вскрыл синтез исторических сведений и настоящей действительности, лежащих в основе содержания донских новелл.

Николай Дергунов передал мне свой паспорт, коим подтверждалось, что он родился в станице Багаевской, которую я дважды посетил. И очень посетовал, что в знак этого факта, в книге не помещена его фотография.

— Видит Бог, не знал, — признался я, и как бы в оправдание, сказал: «А вот в книге «Мои современники» я дал ваш портрет.

— Где, покажи!?

— Вот она, — протянул ему увесистый сборник на раскрытой в нужном месте странице.

— Это хорошо. Книгу забираю с собой. Что касается «Донских тетрадей», то я прочел её; она написана хорошо, современно. Хотя в них содержится не мало исторических сведений и об истории донского казачества. Особенно мне понравилась поэма «Казачи». Чувствуется, что автор глубоко усвоил эту тему. Отрывки из неё и ряд новелл постараемся опубликовать в «Казачьем Спасе».

Писатель Юрий Круглов также дал положительную оценку моему сборнику новелл. Выразил удовлетворение тем, что в ос-

нове поэмы «Казачья» лежит его научно-художественная монография «Многоликий мир казачества»

— Я постараюсь, — заверил присутствующих Юрий Николаевич, — дать на страницах Интернета, после тщательного изучения, специально подготовленную статью — анализ на книгу «Донские тетради» писателя Петра Козина. Жаль лишь, что она вышла малым тиражом.

«Физик и лирик» Владимир Александрович Морозов, не мудрствуя лукаво, сказал:

— Петр Дмитриевич, безусловно, человек талантливый. Его «Донские тетради» — это замечательный подарок не только нам, кто его хорошо знает, но и всем труженикам великого Дона. За это, верю, казаки его никогда не забудут.

Присутствующий на презентации Олесь не успевал переводить взгляды с одного на другого оратора. Юноша, словно губка, впитывал в себе содержание их выступлений. Как видно, тема донского казачества его интересовала не менее серьезно, чем взрослых.

Борисов — старший речей не произносил. Он был занят своим любимым делом: запечатлевал историю свершившегося события фото — фактом.

* * *

После окончания официальной презентации, по предложению редактора Дергунова, мы решили продолжить её в неофициальной обстановке. Кафе же, в которое мы направились, оказалось закрытым, а потому согласились с Александром Михайловичем, что малое торжество он может обеспечить в личной квартире.

Широта славянской души Николая Николаевича не знает границ. Он, при пенсии в 30 тыс. руб., никогда не жалел для друзей личных средств; выпить для него, как для русского человека — святое дело. Борисов, напротив, хмельным зельем не увлекался. Отсюда, порою и возникали противоречия. Вот и сейчас, есаул с полковником затеяли жаркий спор на извечную тему: «Кому на Руси жить хорошо и кто в ней должен княжить?».

Предприимчивый же писатель Юрий Николаевич Круглов пытался убедить меня, что нет ничего предосудительного в том, что я, как автор обязан, по его личному примеру, научиться про-давать свои книги.

— Стесняться тут нечего, — наставлял он, — это твой труд. Написать и издать — полдела, реализовать, как товар, куда важнее. Я тысячами реализую свои книги, а у тебя какие-то скромные сотни. И еще. Я собирался навеститься в Орел, чтобы побывать в Спасском и музее И. С. Тургенева. Принять участие в научной конференции. Да все недосуг.

— Надумаете, то позвоните. Встретим, — пообещал Шмелёв.

— Спасибо.

Один только богатырь Морозов ни с кем не спорил, ничего не просил и никого не наставлял. Он, лишь застенчиво, по-доброму, улыбался; таков его русский характер.

В одном из номеров «Казачьего спаса» появилось сообщение о прошедшей 12 сентября 2011 года в ЮФУ презентации книги П. Д. Козина «Донские тетради». Читатели уведомялись, что подробности этого события будут изложены в следующем номере. Он же, полгода с сентября 2011 до марта 2012, когда я пишу эти строки, к общему огорчению моих друзей, так и не вышел в свет. Видимо, занедужил редактор.

Таким видится Дон
с крутого обрыва
на котором стоит
усадьба М. А.
Шолохова

16. Вёшки

*О, Вёшки! Шолоховский край!
Ты и в ночи,
Как — светлый май!
Здесь, с Доном венчанный навек,
Жил легендарный человек!*

Почти полвека, с достопамятного приглашения, сделанного мне Михаилом Шолоховым летом 1964 года, я мечтал побывать в знаменитых Вёшках — родине великого художника слова. В августе 2010, как о том я писал в «Донских тетрадах», казалось, эта светлая мечта, с подачи журналиста Николая Дергунова, должна была стать явью. Он обещал предоставить нам с Борисовым такую возможность. Но не получилось: казачий полковник задержался в Анапе, где проходил курс лечения у волхва — целителя Владимира Дорофеевича Дубаноса.

Теперь же, а именно 13 сентября 2011, благодаря «белогривому коню» Сергея Ивановича Шмелёва, желаемое обратилось в реальность, ибо известно: желать, значит — мочь!».

Ранней зорькой наш дружный квартет в составе двух Дюма, меня и водителя, покинул уютную, хотя и скромную цитадель, что на улице Р. Зорге и стремительно помчался по сонным проспектам славного Ростова. Путать не пришлось; рядом с шофером сидел надежный гид, знающий все хитросплетения улиц и улочек родного города. Им был наш гостеприимный хозяин Борисов — старший.

Нам было плевать на трусость суеверных англичан, боящихся, как чёрт ладана, цифры под № 13. Для нас день сентября, выпавший на это число, стал самым памятным и счастливым. Правда, проскочив 250 вёрст, уже близ Миллерово — родине профессора Константина Сергеевича Жижина, случилось небольшое приключение. Наш ретивый конь, вопреки дорожным указателям, превысил скорость, за что и был наказан дорожным патрулем. Затем, хотя путь и не был усыпан розами, все прошло без серьезных помех.

От Миллерова, где проходила железнодорожная ветка и автомагистраль «Ростов— Москва», до искомым Вёшек — 150 верст. Дорога, по мнению Сергея Шмелёва, выглядела вьющейся лентой — змейкой. Она вилась по ухабистым буеракам, равнинному безбрежью, по гулким мостам, висящими над многочисленными ручьями и речушками, что поросли густо-зелеными камышами и осокой. Встречных машин было мало, а потому спидометр зашкаливал за сто.

Не доезжая десятка верст до Вешек, увидели указатель «Шолоховский район». Вправо от трассы шла боковая дорога на хутор Кружилинский — отчую сторонку Михаила Александровича. Именно там, 24 мая 1905 года и родился писатель Шолохов. От Вёшек до Кружилина — 15 верст. На перекрестье — высился огромный курган, на вершине которого красовался всадник.

Внизу была установлена гранитная глыба с надписью: «Казакам Тихого Дона». Мы ознаменовали это священное место своими фотоиллюстрациями. Из сердца так и вырывались слова:

*«Прими, красавец «Тихий Дон»,
От скромных путников — поклон!».*

Пересекли большой мост, висящий над Доном, и достигли нового перекрестка — эта, влево идущая дорога вела в большую станицу Казанскую, принадлежащую Воронежской губернии, хотя до неё было всего пять километров. У Казанской и Вёшенской станиц — среднее течение Дона. Считается, что отсюда до истока реки — тысяча километров и столько же до впадения Дона в Азовское море.

Вдоволь налюбовавшись с базковского взгорья красотой лесостепи и широкой поймой Дона, долиной и бархатистыми горами с Гетманским шляхом, урочищами и левадами, мы, свернув направо, помчались, в соответствии с указателем в Вёшки.

Все улицы станицы тянутся вдоль высокого берега Дона. А вот за садами и парками, за невысокими домами, устремляется к небу зеленый купол станичного собора. Остановились у ресторана «Дон», рядом с которым помещался кинотеатр. От них — крутая ступенчатая лестница вела к вешенской пристани. Широкая, бетонированная набережная была, во имя безопасности, обрешечена.

— Как проехать к Дому Шолохова? — спросили мы у встречного жителя.

— Так же прямо и езжайте. Увидите указатель, так свернете вправо.

— Далеко?

— Нет. Вёшки — не Москва. У нас живет столько тысяч людей, сколько в столице миллионов. Не заблудитесь. Дом Шолохова у нас, как в Риме храм Петра — все дороги ведут к нему.

Сергей Иванович ловко вырулил на улицу имени Шолохова. Остановился на противоположной, от Дома писателя, её обочине. Наш веселый квартет высыпал из салона запылившегося за время дальней, в 400 верст езды, «Мерседеса».

По обе стороны металлической калитки невысокий забор. За ним проглядывали зеленые шапки различных кустарников и деревьев. Проходим по чистой дорожке, обрамленной свежес-

беленным бордюром, усыпанной мелким красным гравием. А вот и дом писателя. Он двухэтажный, с небольшими колоннами. Его стены выкрашены в желто-розовый цвет. Если его с натяжкой и можно было принять за особняк купца, даже не первой, а второй гильдии, то уж никак нельзя было именовать «Дворцом Нобелевского лауреата», настолько он невелик, прост и скромен. Совсем соответствует характеру самого донского казака Михайло Шолохова, который великим трудом своим и неиссякаемой волей вышел «в люди».

На дверях — табличка: «Мемориальная усадьба М. А. Шолохова. Режим работы: ежедневно с 9 до 16 часов. Выходной — понедельник»

Подумалось: «Благо, что 13 сентября выпало на вторник. Поспешу днем раньше и не бывать нам тогда в чертогах литературного храма».

По правую сторону от дома груше — яблоневый сад с крупными и сочными плодами. Колонна серебристых елей. Напротив её, под ветвями плакучей ивы, установлен в форме удлиненного квадрата большой мраморный камень. На нём высечено всего одно слово: «Шолохов». Поистине, нужно было обладать мировой известностью, чтобы за одной фамилией разглядеть эпохальную личность. Назовите имя Шолохова и сразу предстанут перед взором: и тихий, вольный Дон, и его славные казаки, схлестнувшиеся в борьбе «За Веру, Царя и Отечество».

Припомнились слова армянского писателя Вардгеса Петросяна, некогда побывавшего в Вешках. Он сказал: «Помимо физической, политической и экономической карты, существует еще и литературная карта мира. На которой отмечены: Троя Гомера,

Испания Сервантеса, Бородино Толстого, Дания Шекспира. На этой литературной карте мира великая река, которая называется Тихим Доном Шолохова. Эта река течет по высотам мировой литературы, и нет конца её движению».

Действительно, в двух десятках метров от дома, сразу же за опрокинутой большой лодкой, лежащей у забора, предстает глазам весь в золотистых отмелях, обрамленных яркой зеленью красавец — Дон. Мы долго очаровывались развернутой панорамой реки и невольно вспоминали признания самого Шолохова:

«Гляжу на Дон, а по нём — зябь, и от солнца он чисто серебряный, так и переливается весь, аж глазам глядеть на него больно. Повернусь кругом, гляну... «красота — то, какая».

Право, лучше не скажешь.

Более всего меня, орловца, умиляли две огромные, с опущенными вниз ветвями, белоствольные берёзы. Они стояли тут же у крыльца дома. Никогда не думал, что средне — русская красавица станет, вдруг, достоянием донской земли; в Ростове то их почти нет. Позже дошло до меня, что Вёшки-то за 400

верст к северу, а стало быть, и климат здесь несколько суровей. К степным суховеям же более приспособлены: ели да сосны, кустарники акации да алыча. Всего этого добра здесь вдоволь.

После окончания перерыва открылся музей. Мы взяли входные билеты. Мне, как ветерану труда, полагался льготный, но я не стал мелочиться, а купил себе право ознакомиться с покоями любимого писателя за 150 рублей — полный трафарет. Вдобавок к тому вручил сотруднице музея книгу «Мои современники», с очерком о встречах с Шолоховым. Подарил бы и «Донские тетради», да вот беда — все сорок экземпляров книги, захваченных из Орла, уже стали достоянием ростовчан.

Наш экскурсовод, полногрудая казачка, с указкою в руках, повела нас по комнатам вначале первого, а затем второго этажа. Невольно замираю от сознания, что в этих тихих покоях с 1949 по 1984, год смерти, жил и работал гений русской и мировой художественной словесности. Тот самый, который по изданию книг

и по популярности обошел даже гения пролетарской литературы Максима Горького.

Прихожая, столовая, спальни и комната для гостей меня мало интересовали. Зато впечатлил огромный рабочий кабинет. Широкий и длинный стол, заваленный многочисленными

книгами, письмами и рукописями — предел моих мечтаний. Тем не менее, я понимал, что в большом кабинете трудно концентрировать мысли. Да и освещения он требует не малого. Как бы идя навстречу моим предположениям, экскурсовод привела нас в малую угловую комнату — приют ночных бдений писателя. В ту самую, где

провела ночь под хозяйским одеялом, народная артистка Зинаида Кириенко.

— Это то, что надо! — бросил я фразу своим спутникам, — из распахнутого окна утренней зорькой, здесь и впрямь можно, подобно его герою — Макару Нагульному, послушать пение горластых, станичных петухов. Свежо, уютно и тепло.

Два Дюма, попеременно, запечатлевали меня в различных апартаментах, в том числе и у стола, отделанным зеленым сукном, угловой комнаты, с амбарной розовой книгой в руках. Рядом лежала пачка французских сигарет.

В угловом кабинете

В охотничьей

Интересно было увидеть спецодежду, рыбацкие удочки и ружейные снасти писателя — охотника и рыболова. В комнате на первом этаже мы увидели облачение — смокинг и рубашку Нобелевского лауреата. Всевозможные картины и портреты, всюду висевшие по стенам коридоров и залов, описывать не стану; они даны во многих книгах краеведов.

Вручение М. А. Шолохову Нобелевской премии

Покончив с изучением пестрой анфилады комнат, вслед за экскурсоводом, мы вышли из дома-музея и направились в левую часть мемориальной усадьбы. Здесь находились: глубокий, бутовым камнем выложенный, погреб и просторный гараж. Для заядлых автомобилистов Борисова — старшего и Шмелева, было весьма любопытно узреть — на каких машинах выжимал «газ» чудесник слова.

В гараже

В гараже стояли в образцовом порядке не менее шести автомобилей. В том числе «Победа» и «Волга», ГАЗ-24 и «Москвич». Нам было разрешено сфотографироваться у любой из них, что мы и сделали.

Прошли задним двором, обозрели еще раз лодку с веслами и оказались у могил самого Шолохова и рядом — его жены Марины Петровны, в девичестве носившей фамилию — Громославской. Жена покоилась отдельно от мужа. Над её могилой, в отличие от супруга, нашедшего свое упокоение под глыбой мрамора, возвышался памятник с полным перечислением фамилии, имени — отчества, и датами рождения и смерти. По принципу: «Каждому — своё!».

Гид поведала экскурсантам о последних днях жизни писателя. Упомянула о его пристрастии к курению; с сигаретами не расставался ни дома, ни на охоте и, тем более, на рыбалке. От того, видимо, и сократил срок своей прекрасной жизни (1905 — 1984). На рабочих столах писателя, в спальне и на кухне и сегодня можно увидеть разнообразные пачки табачного зелья, в том числе и иностранного производства.

По завершению официальной части, экскурсовод посоветовала нам самостоятельно изучить визитную карточку Вёшек — фигуру всадника со стоящей рядом и держащей на коромысле вёдра с водой, молодой красавицей — женщиной. Это бронзовое чудо стояло прямо на высоком берегу Дона, и мы вдоволь могли пленяться героями Шолохова — неустрашимым Григорием Мелеховым и его несравненной возлюбленной Аксиньей Астаховой.

Поднявшись по лестнице вверх, наша компания с высоты обозрела бегущую навстречу морю реку. Мы представляли, как на этом же, где мы сейчас, месте стоял и глядел на неё великий писатель. Любовался медлен-

ным восходом солнца, сонной тишиной над парующей темно-зеркальной гладью воды, гулкими редкими всплесками начинающей играть рыбы, зеленым атласом прибрежных кустов.

Не преминули мы сфотографироваться на фоне церковного Собора, у бронзового бюста, у дверей Государственного музея — заповедника М. А. Шолохова, где всегда много посетителей. Ведь Шолоховский край в наши дни стал центром притяжения всего самого гуманного, светлого, мужественного, честного. Для всего мира творчество писателя приобрело значение не только великого литературного образца, но и драгоценного кладезя непреходящих жизненных ценностей, высоких нравственных принципов и духовных исканий.

Я от всей души радовался, что, наконец, осуществилась моя стародавняя мечта побывать на родине Шолохова. Есть что доложить другу Константину Жижину, некогда подарившему мне замечательную книгу «В родном краю М. А. Шолохова». Его

горячо любимые Вёшки навсегда останутся в моем сердце. Есть что поведать и орловскому классику Василию Катанову, который ранее написал поэму «Михаил Шолохов».

Не менее меня также радовались и мои спутники. Им тоже будет о чем рассказать друзьям, детям и внукам. Шолохов — явление непреходящее. Это эталон гения, отдавшего свою пламенную жизнь всему человечеству. Что касается казачества, то оно в неоплатном долгу перед земляком, великим сыном их славного Дона.

*Нам Вёшки, Шолохов всегда,
Как в небе ранняя звезда;
Я это утверждать берусь,
Развеют — и печаль и грусть...*

Расставаться же с родиной писателя было нелегко. Мы поклонились его дому, его саду, серебристым елям, его белоствольным красавицам — березам. Заняв места в салоне «Мерседеса», наша дружная компания покинула чудесные Вёшки.

Нас ждала станица Еланская, а до неё от Вешенской, рукой подать, всего — то два десятка вёрст.

17. СТАНИЦА ЕЛАНСКАЯ

*В «Еланскую» — станицу Дона,
Как в Мекку едут для поклона -
В Музей, что Мелихов создал,
Зовётся он — «Мемориал»...*

*В нём воедино: Свет и Тьма,
Казачье Право и Тюрьма...
Свобода, Доблесть, Правда,
Честь;
Измена, Ложь -
Здесь то же есть!*

Пётр КОЗИН

«Казачи создали Россию»

Лев ТОЛСТОЙ

В прессе имеются разночтения. Одни авторы пишут, что от Вёшек до Еланской — 20 км, другие утверждают — 25. Наш отважный водитель Сергей Шмелёв, по доброте характера своего, соглашается и с теми, и с другими. При этом объясняет: «20 верст мы проехали по асфальту, остальные же пять — по ...щебню. Вот и вся разница».

Видимо, у властей Шолоховского района явно не хватает средств для полного асфальтирования пути до мятежной станицы, каковой она, на их взгляд, стала сегодня. Потому они сознательно и тормозят сей процесс. Но охотно ведут тяжбу, с подачи коммунистического депутата Госдумы Коломийцева, с организатором Мемориал — Музея «Донские казаки в борьбе с большевиками» Владимиром Петровичем Мелиховым. Его несколько месяцев даже в тюрьме подержали, ибо еще при власти Советов бытовала крылатая фраза: «Инициатива — наказуема!».

Теперь вспомните однофамильца создателя Мемориала — главного героя «Тихого Дона» Григория Мелехова. То его в поисках «казачьей Правды», судьба бросала; к «белым» и «красным».

И даже — к «зеленым». Он же всего лишь хотел быть «самостийником» — боролся за свободу и независимость своего казачьего народа.

Того же сегодня добивается и потомственный Донской казак Владимир Мелихов. И он призывает своих собратьев не забывать трагичных уроков истории.

ПАМЯТЬ

*«Если мы войну забудем,
Вновь придет война!»
(Из песни)*

По справедливому утверждению вождя ЛДПР В. В. Жириновского: «Всё извращено: наука и философия, социология и история. Даже летописи врут». Но всё же, нет — нет, да и пробиваются ростки правды Древней истории.

Например, есть детская книга «Святослав Храбрый. Иду на Вы!». В ней рассказывается о том, как в течение 200 лет Русь находилась под Хазарским игом. И только лишь великому Киевскому князю Святославу Храброму в 970 году удалось разгромить Хазарский каганат. 3 июля 2010 года казаки отметили эту очередную юбилейную дату. А теперь вспомним о книге А. И. Солженицына «200 лет вместе». Там ведется повествование от времени Великой Французской революции 1789 — 91 года, организованной евреями — масонами, до 1991 — года развала СССР. Именно с этого периода к власти в России вновь пришли те же хазары — масоны. Они, собственно, и не уходили, ибо, начиная с февраля (Временное правительство Керенского) 1917 года господа евреи контролировали всю территорию Российской империи. Её же, по утверждению Л. Н. Толстого — «создали казаки».

Нет нужды объяснять, что после вероломного «рассказывания» — геноцида казаков в 1919 году, они так озлобились на большевиков — ленинцев, забывая при этом, что изначальные большевики — суть хазары (евреи). Что касается «русских», то они такие же заблудшие жертвы, не устоявшие перед их лживой пропагандой.

Вся подоплека «геноцида» и является темой и содержанием всей подвижнической деятельности казака В. П. Мелихова.

ЕЛАНСКИЙ МЕМОРИАЛ

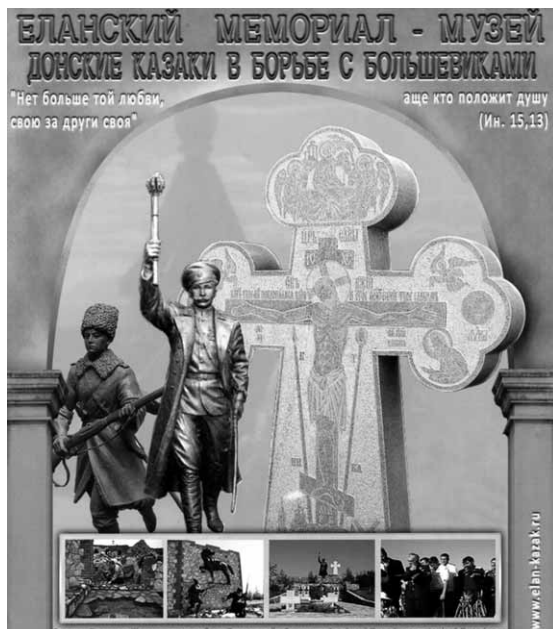
В станице Еланской, расположенной, как и Вёшки на берегу Дона — Батюшки, ранее проживало 8 тысяч казаков. Теперь же, со слов экскурсовода Музея, всего 46. Осталось разве только две достопримечательности — захиревший церковный Собор, да постоянно обновляющийся Мемориал.

В проспекте за 2009 год, выданным нам бравым казаком — гидом говорится: «Это первый в совре-

менной России крупномасштабный Народный Мемориал Белым героям — вождям, атаманам, командирам и рядовым бойцам — всем борцам антибольшевистского Сопротивления.

4 августа 2007 года, торжественно, при стечении большого числа Донских казаков, делегатов других казачьих обществ, монархических и правых организаций России и зарубежья, духовенства, была открыта первая часть Мемориала.

Центральное место в нём занимают Поминальный (Поклонный) крест и монумент Атаману Всевеликого Войска Донского. Несколько ниже по рельефу местности композиция. В центре —

доска с надписью: «Донским Атаманам, генералам, офицерам, казакам и казачкам, живот свой за Веру и Отечество положившим» в обрамлении Императорского Герба, лаврового венка и боевых знамен. Слева и справа от Доски — барельефы Атаманов А. М. Каледина, А. М. Назарова, Е. А. Волошинова, начальника штаба Донской армии И. А. Полякова, полковника В. М. Чернецова. На переднем плане — Поминальный Крест трагических мест казачества».

МУЗЕЙ — КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Вводной частью экспозиции Музея стала Галерея Доблести и Чести. В неё вошли видные представители казачества и Белого движения, погибшие или продолжившие борьбу в эмиграции.

На площади около 700 кв. м., отведенной под здание Музея, планируется разместить 10—15 залов, тематически отданных под следующие экспозиции:

1. История казачества с момента возникновения до 1914 года.

2. Российская империя с начала XX века. Первая революция 1905. Война 1914 г. И роль казачества в ней. Февральская революция 1917 г. Большевистский захват власти.

3. Избрание атаманом ОВД Каледина. Состояние казачества. Гибель Атамана.

4. Восстание казаков. Избрание атаманом Краснова П. Н. Создание ВВД.

5. Уход атамана Краснова. Выборы атамана Богаевского. Борьба с большевиками на всей территории России.

6. Окончание гражданской войны. Исход русских людей в Зарубежье.

7. Большевистский террор и его человеконенавистническая сущность.

8. Русские и казачество в Зарубежье, их организации и борьба.

9. Вторая мировая война — как вторая гражданская война.

10. Что такое Советская власть перед её развалом, что есть Перестройка. Сегодняшнее состояние общества и казачества.

11. Сегодняшнее положение дел в русском Зарубежье и в России. Есть ли будущее у казачества, и каково оно?

Со всех концов России и Зарубежья едут люди сюда, в станицу Еланскую, что вольно раскинулась на берегу Дона. Приехали и мы. Бродим по залам. В одном из них висят портреты тех, кто проводил политику расказачивания, геноцида казачьего народа.

Это: Янкель Мойшевич Гаухман (Я. М. Свердлов), подписавший Указ о расказачивании в январе 1918 года, (убит в Орле казаками в 1919), Лейб Давидович Бронштейн (Троцкий), убит в 1940, в Мексике. Бланк — Ульянов (Ленин), ныне спокойно лежит в Мавзолее Кремля), Роза Самуиловна Залкинд (Землячка).

Лев Троцкий считал, что казаки способны к самоорганизации и сопротивлению, а потому требовал их повального истребления. В этом плане особенно выделилась Роза Землячка. В 1920 году В. И. Ленин назначил Розу секретарем Крымского обкома. Это был её звездный час. «Расстрелять! — повторяла она непрерывно. Она показала себя верной собакой Ленина. Не из расчета

на подачи: мяса и крови у неё хватало — ей дорог был сам процесс. Она организовала такую зверскую эпопею в Крыму, что горы были залиты кровью, а Черное море у берегов стало красным.

Заливался кровью и тихий Дон. За время первой Мировой, революции, гражданской войны и коллективизации (1914 -1936) жителей Донской республики сократилось с 4 млн. 500 тыс. до 300 тысяч человек. За этот же период население России, в целом, стало меньше более чем на 40 млн. человек. Таковы трагичные итоги деятельности большевизма.

Сделаны ли какие-либо выводы? Ответом на этот вопрос является, на наш взгляд, исповедь войскового старшины ТКВ (Терского казачьего войска), атамана Кавказской Казачьей линии (ККЛ) Чурекова Юрия Сергеевича, 1952 года рождения. Живет в Пятигорске. В своей статье «Возрождается казачество», опубликованной в №3 газеты «Казачий Спас» за 2009 год, он с горечью пишет:

«С первых Кругов мы кичились своей казачьей мужской гордостью, а приходили домой, и опять становились совдеповскими подкаблучниками. Предвижу возмущенный хор голосов. Но если я не прав, то покажите мне возникшие за период возрождения (1991 — 2009) многодетные казачьи семьи. Покажите тех, кто, следуя христианской и казачьей морали, бросил пить, курить, отрекся от совкового прошлого? Если такие и есть, то это единицы. У основной массы так называемых казаков даже взрослые дети не состоят в казачестве.

Никогда не забуду личной беседы с тогда еще будущим атаманом так называемого реестрового Терского казачьего войска Бондаревым В. П. В 1994 году Бондарев был главой Кировского района Ставропольского края и по совместительству атаманом Павловского отдела. Я в то время был атаманом Пятигорского округа ТКВ.

В кабинете над его головой висит портрет Ленина. Спрашиваю: «Василий Павлович, почему портрет убийцы и палача казачества до сих пор висит у Вас в кабинете?». Ответ: «Я его тут не вешал и не мне его снимать». Спрашиваю: почему до сих пор не ставите вопрос о переименовании Кировского (Киров — больше-

вик) района, например, в — Павловский? Ответа вообще не услышал. Получается, как в песне — раньше был партийный секретарь, а теперь — атаман.

Лояльность властей к казачеству лучше всех имитирует губернатор Кубани Ткачев. Все казаки и атаманы это знают и понимают, но делать ничего не собираются. Ведь если громко назвать вещи своими именами, то вмиг отодвинут от кормушки всю казачью старшину. Сработал примененный властями принцип «разделяй и властвуй». Нас разделили сначала на «реестровых» и «общественных». Реестровых назвали «государевыми» и, вроде даже зачислили на государственный кош, но, как всегда, надули. Общественников с помощью реестровых травили, т. о. сформировали два враждебных лагеря казаков».

Таково состояние казачества сегодня. За истинное же возрождение казачества ратуют лишь наиболее честные и последовательные казаки. Нет у них доверия даже к Президенту, образованной в октябре 2009 года ДКР (Донской казачьей республики) атаману А. Н. Юдину и его окружению. Вот как об этом рассказывается на страницах «Казачьего Спаса» №1, январь 2011 года.

«Член ЛДПР Касьянов, когда ему процитировали стихи Валерия Хатюшина:

*«Нас грабят по учению Талмуда
И по законам Каббалы казнят»*

дал такой комментарий: «Тора и Талмуд — это наука о справедливости, а Библия — наука о любви».

Другой соратник лидера либеральных демократов, некий Задорожный, в ответ на фразу редактора «КС» Николая Дергунова: «Я товарищу на день рождения подарил «Тихий Дон» Михаила Шолохова», в сердцах бросил: «Да что вы носитесь с этим Шолоховым, ведь не он написал «Тихий Дон».

Но не случайно же еще Александр Невский утверждал: «Бог не в силе, а в Правде».

Не менее шокирует и ответ самого Юдина. Он возмущился стихотворением поэта Евгения Скворешнего «Быть русским», его не остановило даже патриотическое восклицание генералиссимуса Суворова «Мы русские! Ура! Какой восторг!», он «сказал:

— Да что вы носитесь с этими русскими? Во время второй мировой войны немцы потеряли 5 млн., а русские — 20.

Отсюда вывод, что идеологией ДКР является русофобия — ненависть евреев к русским. И совсем не случайно директор Музея «Донские казаки в борьбе с большевиками» Мелихов В. П. на заседании правления ДКР в январе 2010 года отчитал вице — президента Маняшкина такими жесткими, словами:

— Маняшкин, прекрати заниматься русофобией!

О глубоком русском патриотизме говорили на Совете атаманов Юга России, прошедшем в Астрахани 14 августа 2010 года.

Атаман ККЛ Чуреков Ю. С.: «На Кавказе проживает 30 млн., из них 7 млн. мусульман. Покажите мне мусульманина, который уважает русского, славянина, казака. Не

назовете и не покажите мне такого. На случай боевых действий 10 процентов из них станут в строй — это 700 тыс. хорошо обученных головорезов. Они проходят подготовку и в лагерях, и в условиях боевых действий в Ираке, Афганистане, Ливии, а сейчас сидят в городах Кавказа в ожидании команды «Фас!».

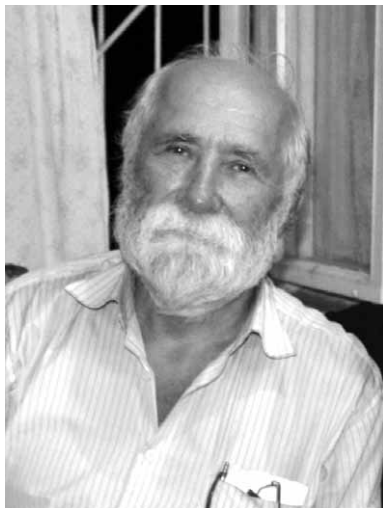
Что мы можем им противопоставить? Наша задача удержать нашу землю в составе РФ, землю, завоеванную нашими предками и политую их кровью. Мы превратим место нашего проживания — всю территорию Кавказа в сплошную Брестскую крепость»

Главный редактор газеты «Казачий Спас» Дергунов Н. Н.:

— Две недели назад мы с Чурковым Юрием Сергеевичем были в городе Подольске на открытии Музея, подобного Еланскому «Казачи в борьбе с большевиками» на усадьбе Мелихова В. П. Это единственный музей в России и на Земле. Еще одного такого нет.

На одной из стен музея представлены портреты тех, кто проводил политику рассказывания, раскулачивания, геноцида казачьего народа. В том числе и В. И. Ульянова — Ленина.

Когда мы возвращались из Москвы на Кавказ, я вспомнил песню Михаила Ножкина «Казачий круг» и спел её. Трогает припев:

Н. Н. Дергунов

*«Казачий круг, казачий круг;
И слева друг, и справа друг;
Один народ, одна судьба,
Одни святые.
И нету силушки вокруг,
Чтоб одолеть казачий круг:
Одна семья, одна земля,
Одна Россия».*

Мы — народ, нация, живем на земле, политой кровью наших предков и все должны знать это. К нам должны относиться с уважением, а наши враги дрожать перед нами.

Еще одна песня казачьего барда Алексея Мелихова:

*«Думай, думай, думай Атаман.
Время смутно и сплошной обман.
Собирайте снова воинство Христово,
Помириться враз, ждет Россия Вас».*

Казак — это воин Бога. Объединяйтесь донцы, терцы, кубанцы и другие казаки для того, чтобы здесь, на Кавказе, противостоять врагам России. Отечество в опасности! С врагами не спорят и если они не сдаются, как говорил А. М. Горький, их уничтожают. Наше горе, как замечал другой писатель Валерий Хатюшин, не от войны, наше горе от мира с врагами. Атаманы! Будьте Платовыми!

Мы бы еще добавили: «Будьте Ермоловыми!». Этот мужественный русский генерал сумел на столетие усмирить Кавказ!

КАЗАЧЕСТВО И ЭКСТРЕМИЗМ

«НТВ ЦТ» 13 марта 2011 г. 19-00. Воскресенье.

Ситуация с казаками в целом такова: войск на территории России одиннадцать, а согласия между ними как не было, так и нет. Наш корреспондент столкнулся с двумя парадоксами на Дону.

Город Азов. ПТУ. Его директор Воронин бреется шашкой, а дети машут ими, т. е. идет процесс воспитания казаков с детства.

Ведущий: Кто такие казаки? Японцы сказали, что казаки — последние самураи России, её последние рыцари.

Голос: Мы граждане РФ, мы — русские, мы — казаки, мы — народ. Мы — казаки традиционники, у нас кровь казачья.

Ведущий: Казаки — защитники трона. Это было при царе. Но победили большевики, и казаки были объявлены врагами народа.

По переписи 2010 года 7 млн. человек назвали себя казаками.

Создание ДКР — речь идет о самостоятельной казачьей единице с принципом казачьего самоуправления. В одном из опубликованных в Интернет документов речь идет о Конституции ДКР.

Как, на Дону, возрождается казачество — это не устраивает прокуратуру Ростовской области.

Прокурор: Данные документы по ДКР в соответствии с экспертными оценками противоречат федеральному законодательству, содержат призыв к восстанию, насильственному захвату и удержанию власти. Ориентировано на осуществление экстремистской деятельности.

Ведущий: В 2009 году в станице Старочеркасской на съезде казачьего народа А. Н. Юдина избрали президентом. Он сейчас в больнице, но его сторонники определились с границами ДКР?

Вице-президент Маняшкин О. В.: На Украине находится наш Луганский округ, а в России — Ростовская и Волгоградская области. Мы не понимаем, где здесь экстремизм? Почему без экстремизма существует республика Мари Эл или другие республики, а в ДКР говорят, что есть экстремизм? Непонятно.

Ведущий: В настоящее время музей «Донские казаки в борьбе с большевиками» находится в 20 км. от Вёшек, где жил М. А. Шолохов. На своем подворье Мелихов открыл музей. 4— метровая фигура похожа на генерала Краснова. После многих судов сняли надпись. В музее КР Краснова, которая просуществовала менее года, посвящен специальный стенд. Большевики забрали весь хлеб и на Дону, дошло до людоедства. Семья людоедов представлена на фото.

Во время войны Краснов вернулся на Дон. В начале войны были сформированы казачьи части в составе вермахта. Вместе с Красновым на стороне фашистов воевало 70 тысяч казаков, более чем было их на стороне Советов. В 1947 Краснов был повешен.

Тихий Дон раскололся давно и очень глубоко. Муниципальные дружины патрулируют совместно с полицией.

Редактор газеты «Завтра» А. Проханов: Если сегодня Россия — слабая и оскопленная, осознает себя империей, и возникнут имперские задачи: обороны, выдвижения авангарда, то лучше казаков воинов для Империи не найти.

В. Семенов: На хуторе курень; крыша из камыша, но молодежи нет.

Так закончился разговор на НТВ ЦТ. Мы бы к нему добавили выдержки из книги писателя С. В. Терентьева «Преодоление беспамятства», «Заговор сорняков», 2009 год. Автор пишет: «Армия собирается там, где и один в поле воин». «У русского народа есть только одна партия — сам русский народ». «Национальные интересы страны — это интересы русского народа, являющегося государствообразующим, а, следовательно, соответствующим по

международным нормам статусу нации, в состав которой органично входят малые народы».

Осознание русскими своей роли — роли «Хозяина Земли Русской» — и есть та национальная идея, в поисках которой сбили ноги и сломали глаза руководящие партийные структуры всех расцветок и оттенков, продолжая вести Россию к гибели.

Вождя Господь дает только народу — воину. Так станем же вновь таким народом. И жидовское иго будет свергнуто, ибо это не враг силен, а мы отравленные ядом лжи, не преодолев беспамятства, пока еще слабы. Я закрываю глаза и слышу, как Александр Невский обращается к нам со словами:

*«Слышишь, Иван! Спешу стать в строй!
Живой водою пелену смой с глаз...
Он совсем близко, долгожданный час,
Когда Господь поднимет Русь на бой...
Да не забудь, что вступит Русь в тот бой
Лишь только следом за тобой!».*

Я к этим строкам хочу добавить еще две, помогающие сделать первые шаги на пути следования к великой цели освобождения России от ненавистного жидовского ига.

*«Из книги правду в пригоршни возьми
И ею тех, кто рядом, окропи».*

С. В. Терентьев.

Однако завершим сию главу стихами уже московского поэта Валерия Хатюшина, который с горечью восклицает:

*«В России положено русским молчать,
Такая нам выдана ими печать».*

(Цитируется по газете «Казачий Спас» № 1, 2011 г.)

Наши впечатления

Все, о чем мы поведали выше, так или иначе было отражено в многочисленных материалах: в подшивках газет и журналов, плакатов и репродукций. В том числе и зарубежного производства. Уяснили и другой факт: в Белой и Донской Армиях было относительно неплохо поставлено дело антибольшевистской пропаганды. Например, мы увидели в музее красочные карикатуры на Ленина и Сталина, Свердлова и Троцкого. Отсюда нам стало понятно, почему нынешние деятели КПРФ так невзлюбили Мемориал Мелихова. Еще бы, вожди партии обвинялись в пристрастии к гомосексуализму (Ленин и Троцкий). Да и Сталин был представлен в роли жениха.

Произвел впечатление также иконостас героев-казаков. Среди них нашлось место даже бездарному русскому Царю Николаю Второму. Это не случайно, ведь девиз казачества провозглашал триединство: «За Веру, Царя и Отечество».

Самому молодому из нас, Олеся Борису, было особенно интересно запечатлеться с юными казаками — героями. Долго он стоял также у недавно открытого (29 мая 2011) памятника — символа «Казачка». Его взору предстал образ матери — казачки с двумя мальчиками — казачатами.

Борисов — старший не только не уставал вести съемки, но и бесконечно тербил вопросами нашего высокорослого здоровяка — гида. Надо отдать должное экскурсоводу; он оказался казаком терпеливым, а главное, эрудированным. Видно, хорошо знал его способности директор музея Мелихов, иначе Владимир Петрович не доверил бы ему свое бесценное сокровище, каким является для него этот оригинальный Мемориал.

Орловец Сергей Иванович Шмелев, в первый раз соприкоснувшись с богатейшей историей Донского казачества, оказался просто в восторге от увиденного и услышанного, а потому настоятельно просил меня написать обо всем поподробнее. Что я, в меру сил, и пытаюсь сделать.

Экскурсия в станицу Еланскую завершилась далеко за полдень.

17. Возвращение

*Клонилось солнышко к закату,
Когда покинули мы Дон,
Реку, что дорога и свята...
Горел зарницей небосклон.*

Возвращались из станицы Еланской через Вёшки. Другого обратного пути в Орел просто нет. На автостанции высадили двух Дюма; Борисовым предстояло на автобусе самостоятельно добираться до Ростова. Вручили им на дорожные расходы тысячу рублей, тепло, по-братски, попрощались и взяли курс на станцию Казанскую. Немного поблудив по улицам, уточнили у жителей маршрут, перескочили через широкий мост, висевший над Доном. Сказали реке доброе «Прощай!» и помчались по узкой ленте асфальта, торопясь завидно добраться до скоростной автомагистрали.

Вот уже и знакомые турникеты платной дороги, что означало: недалеко и Воронеж. Приятно было любоваться его рукотворным морем. Мне дважды, в 1960 и в 1970, когда водохранилище только сооружалось, посчастливилось бывать здесь — на родине чудесного лирика Алексея Кольцова. Не менее трогательно оказалась и встреча с городами: Бобров и Лиски; в них я проходил военную службу в качестве курсанта полковой школы 322-го гвардейского, истребительно — противотанкового Катовицкого полка.

Уже близ Ельца остановились у дорожного кафе. Плотно поели. Сели в «Мерседес» и снова навстречу нам замелькали светофоры и фары встречных машин. Хотя дорога хорошо освещалась, но прохладная, звездная ночь, окутавшая сумраком всю степь, навевала мысль об отдыхе. Водитель мой, начав клонить голову, принял решение — переспать; тише едешь — дальше будешь.

Остановились рядом с заправочной станцией, что неподалеку от города Ливны. Дремали сидя. И уже, когда первые рассветные лучи солнца высветлили автотрассу, Сергей Иванович вновь взялся за баранку.

Обратную дорогу я размышлял обо всем увиденном, услышанном, пережитом за последнюю неделю нашего вития — пребывания со Шмелёвым на — Дону.

Приятно было сознавать, что наши общие цели и задачи были выполнены. Порыбачили, хотя и неудачно, на — Дону — реке. Пообщались с патриотами края: профессором Константином Жижиным, кандидатом наук Александром Морозовым, редактором «Казачьего Спаса», полковником Николаем Дергуновым, писателем Юрием Кругловым. Познакомились с Борисовым — младшим, Олесем. Отдали должное их родственникам и близким. Вместе с Николаем Григорьевичем Бовдурцом посетили могилу лицейского друга Григория Забазнова.

Благодаря мужественному подвижничеству казака Владимира Мелихова, создавшего Еланский и Подольский Музей — Мемориал, открыли для себя трагичную страницу истории казачьего народа.

Наконец, сбылась полувековая мечта побывать в Вёшках — на родине волшебника слова Михаила Шолохова. Более того, случилось то, о чем даже не грезили. К примеру, ни сном, ни духом не ведали, что нас, русских мужиков — пенсионеров, вдруг, зачислят в общественные казаки. Как в 1936 это случилось со Сталиным, Жуковым и Рокоссовским. В Грамоте, выданной Сталину, значилось: «Казак Сталин».

Донской казак (принят в 2011 г.)
С. И. Шмелёв у портрета царя Николая II

В отличие от вождя, наши грамоты не носили персонального характера, но, тем не менее, подчеркивали нашу принадлежность к роду казачьему.

В этой связи вспоминалась моя встреча с атаманом — руководителем Орловского отдельческого казачьего общества (ОКО), войсковым старшиной Темляком Сергеем Ивановичем. Она состоялась накануне визита с его тезкой — Сергеем Ивановичем Шмелевым на — Дон, а именно, 23 августа 2011 года. Я подарил атаману ряд своих книг, в том числе «Донские тетради». Предложил ознакомиться и очень сетовал, что у нас до сих пор нет хорошей книги об истории Орловского казачества. Будет кстати упомянуть, что Михаил Ильич Борисов (отец Александра) — казак, а родом он из Новосильского района Орловской области. Мы же ничего не знаем о том, как жили — боролись за свои привилегии наши местные казаки.

Атаман Темляк внимательно слушал и кивал, в знак согласия, головой. Сам он офицер-отставник, родом с Урала. Естественно, что он мало знал об истинном состоянии дел в новом для него краю. Но он был твердо уверен, что Россия может быть только великой, единой и неделимой. И только в такой стране будет процветать вместе с другими народами российское казачество. Тому будет способствовать Указ Президента от 26 — го апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов»

О том, как он практически выполняется на примере опыта создания ДКР, мы рассказали в главе «Станица Еланская» и в очерке «Разбуженный Дон», опубликованном в «Донских тетрадях» Если выразить мысль кратко, то оно уляжется всего в одно слово — «Плохо».

Но, если так дело обстоит в «оплоте» казачества, а именно, на — Дону. Или на — Тереке, Кубани, Дальнем Востоке и на Урале, то, как же в средне — русских областях? Вообще, никуда ни годно. И все-таки подвижки есть. Чтобы доказать это утверждение, достаточно открыть книгу «Казаки в России и на Орловщине» (Орел, издательство «Тургеневский бережок», 1996 г.).

В ней собрано всё «с миру по нитке». Об истоках казачества. Об обычаях предков. Об Уставе, Гимне, Присяге орловских каза-

ков. Всевозможные «Положения, Решения, Обращения». Но, кроме статей: А. Показеева «Казачество в России» и В. Катанова «Россия верные сыны», по существу, читать мало что интересно. За исключением поэм того же Василия Катанова «Михаил Шолохов» и «Казачество», все материалы пронизаны политикой.

Чего бы хотелось мне?

Самого простого и понятного каждому несведущему по этой теме читателю — УЧЕБНИКА ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА НА ОРЛОВЩИНЕ. Его могут создать только профессиональные историки — литераторы.

Но совсем не такие авторы — верхоглядь, коими полнится книга, как: Строев, Володин, Мерцалов, Мартынов и им подобные политические созерцатели. Они более запутывают проблему казачества, чем проясняют её.

Сам Катанов некогда признался мне, что он слабо владеет тематикой вопроса. Выдающийся краевед, он явил себя скромным философом, заявившим: «Я знаю, что ничего не знаю». Такое же о себе могу сказать и я. Тут нужны молодые и здоровые силы подлинных исследователей — историков, подобно Карамзину или Ключевскому. Но при нашей американизированной (по форме ЕГЭ) системе образования они вряд ли появятся в ближайшем будущем.

Выход один: готовить фундамент для грядущих ученых. Собирать по зернышку практический опыт знаний по данной проблеме. Это важно, хотя бы потому, что казаки — оплот безопасности России. Такими они были, таковыми впредь они должны быть. Судьба же Родины, её возрождение и безопасность её границ не могут быть безразличны каждому честному русскому человеку. И в особенности, молодым патриотам.

Вот с такими мыслями мы с Сергеем Ивановичем Шмелевым, утром 14 сентября 2011 года, и прибыли из донской поездки в славный град Орёл.

Сентябрь 2011 — март 2012 г.

СКАЗЫ

(о Петре Козине)

Еще в детстве, обучаясь в Репнинской средней школе Болховского района, Петр Козин состоял в кружке «Юных натуралистов». Участвовал в разведении кроликов, высаживал молодые деревца, освобождал сад от сухих ветвей. Мастерил и вывешивал весною домики для певучих скворцов. Огородные заботы: вспашка, боронование, посев, прополка свеклы, окучивание картофельных гряд, поливка огурцов и помидоров, заготовка крапивы для свиней, а затем уборка урожая и перекопка — это неотъемлемый образ жизни тогдашних сельских ребятешек.

Нет, цветы Петр не выращивал, это была забота взрослых. Но любоваться их первозданной красотой любил. Бывало, все холмы и луга над речушками Машок и Лабосынь, что близ его отчей деревушки Сивково, обегает, чтобы набрать красивый букет цветов для учительницы или любимой мамы. Правда, заневоленная колхозным трудом, нескончаемыми заботами по дому и хозяйству Пелагея Петровна предпочитала, чтобы её сын старался совмещать приятное занятие с полезным. Коль побежал на луговые поляны, так, помимо золотистых ромашек, непременно набрал бы ягод и клубники. Или, на худой конец, нарвал щавелю — все сгодиться суп сварить.

Ежели отправился в лес за сушняком для топки печи, то не забывал под ноги взглянуть — грибов набрать. По осени же орехов видимо — невидимо. Пригодятся долгой зимой: малина и куманика, шиповник и боярышник, рябина и калина, а так же всевозможные лечебные травы.

Наказывает мать: деревья зазря не ломай, грибницы не порть, цветы с корнями не выдергивай. Так традиционно; от старшего

поколения передавалась младшим любовь и забота об окружающей нас природе — кормилице.

Совсем не случайно, став педагогом, директором школы, Петр Дмитриевич настойчиво передавал юным воспитанникам опыт, накопленный им от своих учителей и родителей, помноженный на собственный багаж знаний. Все его книги, так или иначе, пронизаны неизбывной любовью к родной природе.

МЕДАЛЬ — ПО ЗАСЛУГАМ

Циклы очерков и рассказов, публикуемых в книгах и в периодической печати, о защите природы и любви к ней не остались незамеченными. В один из июльских дней 2010 года, по случаю 70— летнего юбилея, Петру Дмитриевичу Козину была вручена памятная — «МЕДАЛЬ от Лесного общества».

Данную высокую награду, в торжественной обстановке, на родине писателя, в поселке Калиновском Болховского района, он получил из рук члена Лесного общества, полковника ФСБ Емельянова Владимира Васильевича.

В. В. Емельянов беседует с Петром Козиним, после вручения ему медали от Лесного общества

*Из одного металла льют;
Медаль за бой, медаль за труд.*

ПРИЁМ В КАЗАКИ

Семь лет своей жизни Пётр Козин провел в Ростове, где работал и учился, где рос и мужал его творческий талант. Здесь похоронены его сестра Мария, брат Иван, трое племянников. Здесь и поныне живут его близкие товарищи и «лицейские» друзья.

Петр Дмитриевич объехал многие города и станицы области. Лично знаком со многими героями своих произведений. Потому не случайно он называл Донской край своею — второю Родиной.

В сборнике «Дым Отечества», вышедшем в 2007 году, был опубликован большой цикл — «Донские очерки». В 2011 вышла уже книга его новелл «Донские тетради», рассказывающая о делах минувших и о проблемах сегодняшнего дня.

Президент Донской казачьей республики, атаман Юдин А. Н., многие казаки — постоянные читатели его книг. Ряд очерков и статей Петра Козина публиковались на страницах газет: «Молот», «Вечерний Ростов», «Комсомолец», «Казачий Спас» и других.

В сентябре 2011 года, за пропаганду идей возрождения казачества он был принят в казаки. Грамоту, заключенную в золотистой рамке, от имени Атамана Всевеликого Войска Донского, вручал Петру Дмитриевичу (отныне казачьему офицеру), ветеран Черноморского, Кубанского и Донского казачества Николай Григорьевич Бовдурец.

*У Дона — Батюшки — реки
Был принят Козин — в казаки;
Горят лампы, словно мак,
Отныне Пётр - Донской казак!*

Сам Петр Дмитриевич считает, что такой высокой честью он обязан Михаилу Шолохову, с кем лично встречался и беседовал в пору своей студенческой молодости. Ведь, именно благодаря авторитету великого писателя, благодаря его настоятельным обращениям и просьбам, в 1936 году И. В. Сталин принял историческое решение — о создании казачьих дивизий.

Первыми их командирами стали Жуков и Рокоссовский. Все трое: Сталин, Жуков и Рокоссовский тогда были приняты в казаки. И вот теперь, после Президентского Указа 1991 года «О реабилитации казачества», появилась возможность и, подобно ему, рядовому русскому, удостоиться столь почетного звания.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Русский писатель Станислав Терентьев выпустил в 2009 году историческую книгу — исследование «Преодоление беспамятства» («Заговор сорняков»). Автор пишет: «Национальные интересы страны — это интересы русского народа, являющегося государствообразующим, а, следовательно, соответствующим по международным нормам статусу нации, в состав которой входят малые народы. Осознание русскими своей роли — «ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ РУССКОЙ» — и есть та национальная идея, в поисках которой сбили ноги и сломали глаза руководящие партийные структуры всех расцветок и оттенков, продолжая вести Россию к гибели».

Такого признания «статуса русского народа» от Президента РФ Владимира Путина, хотя и безуспешно, неустанно добивается, например, вождь КПрФ Геннадий Андреевич Зюганов.

Под знаменем «Защитим русских!», «Хорошо русским — хорошо всем!» провел свою предвыборную борьбу за пост Президента, лидер ЛДПР Владимир Вольфович Жириновский. (Выборы от 4 марта 2012 г.).

Будучи русским патриотом, Петр Дмитриевич так расчувствовался сим добрым намерением Владимира Вольфовича, что не пожалел ни времени, ни сил; прочел десяток его публицисти-

ческих книг, тщательно изучил Программу его партии, и создал большую поэму. Она так и называется «Владимир Жириновский» или «Владимир IV». Получив её в рукописи, вождь либеральных демократов написал автору:

«Петр Дмитриевич! С большим удовольствием прочитал Вашу поэму. — Жириновский. 21 января 2012 года, г. Москва».

Сейчас рассматривается вопрос об её отдельном издании.

Правда, в личной беседе Петр Козин заметил, что писатель Терентьев, политики Зюганов и Жириновский не оригинальны.

— Как!? — удивился я.

— Они украли суть национальной идеи у царя Николая II, который в анкете на вопрос о социальном положении писал — «ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ».

— Но он добровольно, хотя появились свидетельства политологов, что принудительно, передал роль «Хозяина» масонам — евреям, в лице Временного правительства.

— Вот, именно. На это и уповают нынешние властители.

«Да! — подумал я, — вот, что значит, знать историю своей страны».

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

*«Люди — волки;
Жизнь в борьбе!».*

(Из песни «Дед Порфирий»)

По философии Петра Козина, изложенной им в очерке «Дронников», люди и звери подразделяются на две категории: хищников и травоядных. К людям — хищникам относятся три «Б» — бандиты, банкиры, бюрократы. Среди зверей самый страшный хищник — это, не тигр, лев или медведь, а обычный волк. Чтобы это осознать, надо обратиться к очерку «Серая пара», где рассказывается о двух волках, встретившихся грибнику — Козину в лесу, что неподалеку от деревни Меловое. Если один из них, увидев человека, сразу же отскочил в сторону и спрыгнул в заросший мелкоколесьем

овраг, то другой — так и стоял с приподнятой головой, пока грибник сам не отошел в сторону.

Прочел о том происшествии бывалый орловский охотник Валерий Сергеевич Бондарев и засомневался.

— Мы каждую зиму ведем отстрел «серых», — сказал он, — их всего-то на область не так много приходится. Оставляем для поддержания популяции двух — трех. Да и те так бывают напуганы, что человека за версту обегают.

— Но я знаю логова волков и близ станции Шахово, и неподалеку от селения Мелового. И там — и сям встречался с ними. И убедился, что ни железной дороги, ни людей они не боятся, — объяснял «Фоме Неверующему» Петр.

— Странно, — упорствовал охотник Бондарев, — волкам сегодня диких животных хватает: кабанов, косуль, зайцев, а от деревень их собаки отгоняют.

Спор приятелей разрешила публикация в «Орловской искре». Газета сообщила, что в январе 2012 года два волка, забравшись в овчарню, что находилась в деревне Меловое Хотынецкого района, «зарезали» 16 овец. Ни собаки, ни сторож до прихода местных мужчин не смогли спровадить восвосяи сих наглых пришельцев.

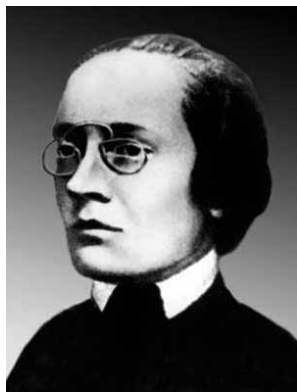
А ведь именно в двух верстах от данного селения, близ их логова, Петр и повстречался, возможно, что даже с этими же овце — губителями. Выходит: охотничьи байки одно, а реальная жизнь — другое.

Охотник Бондарев В. С.

Теперь поговорим о «волчьей натуре». Если другие звери, убивая животных, тут же их и поедают, а, насытившись, предаются отдыху, то волки, в силу алчности своей, губят все живое... Зачем убивать 16 овец, когда как для обеда им хватило бы и одной? Но, нет. Жестокосердным «серым» нравится сам «процесс» убийства.

Теперь вспомните о ярой большевичке Розе Землячке, что потопила в крови, чаще без особой нужды, и Крым, и горы Кавказа. Ей, как и волкам, нравился сам «процесс охоты». Она же была любимым соратником «Самого человеческого человека» Владимира Ленина, призывающего братья за оружие, «но только — решительнее и энергичней».

Роза Самуиловна Землячка

Если большевики, по подсчетам историков, уничтожили до 60 млн. человеческих жизней, в основном, русских, то нынешние хищники из состава «мирового правительства» планируют отправить в могилы уже 6 миллиардов людей из 7-ми проживающих ныне на земной планете. Такой размах даже волкам не снится.

— В страшное время мы живем, — с тревожной грустью заключает писатель Козин.

Волки — хищники, а потом уже санитары леса

МОЙ СЕВАСТОПОЛЬ

2012 — это год 200-летия победы русского народа в Отечественной войне 1812 года над армией великого французского полководца Наполеона Бонапарта. Будучи императором Франции, он «Европу всю в руках держал». Своих братьев и некоторых маршалов он сделал королями ряда, захваченных им, европейских государств. И, отправляя их «на царство», непременно наставлял: «Коль, даже проездом, окажетесь в каком-либо городе или крепости, обязательно изучите их географию, вдруг, вам когда — ни будь, их придётся брать!».

Мой дедушка, Петр Дмитриевич Козин, многие годы преподавал историю в школе. Он, подобно Наполеону, также советовал своим ученикам, как теперь маме и мне: «Окажетесь в каком незнакомом городе, старайтесь изучить его географию и культуру. Вы должны знать историю своей страны!».

Когда в 2008 я встречала Новый год в Москве, а в 2009 в первый раз побывала на Черном море, в Феодосии, то по приезду в Орел, дедушка поручал мне составлять описание посещенных мною городов; делиться впечатлениями от всего увиденного. И вот, с 3 по 16 сентября 2011, я с моими родителями вновь побывала на море. На этот раз мы отдыхали в городе русской славы — Севастополе.

В дни экскурсий по городу я многое узнала о его истории. Например, о том, что в. У —

И. Н. Корнеев

(пятом) веке до н. эры на морских побережьях Черного и Азовского морей существовали греческие города-колонии. Такие, как: Тана (Танаис) и Азов (Азак), у впадения Дона в Азовское море, Пантикапей — на берегу Керченского пролива и Херсонес (Севастополь) — в южной части Крыма. Мой папа Игорь Николаевич Корнеев сфотографировал нас с мамой у развалин древнего Херсонеса. От него сегодня остались остатки крепостных стен, домов и храмов. Археологи находят среди камней и в гробницах монеты, изделия ремесленников, надписи на греческом языке.

В средние века, на смену караимам из племени хазар (евреев), в Крым (Тавриду) проникли татары — остатки некоего татарио-монгольского государства — Золотой Орды. Крымские ханы, сделав своей столицей город Бахчисарай, долгое время были вассалами Османской Порты (Турции). Вот почему русским пришлось вести нескончаемые войны за Крым и непосредственно с татарами, и их хозяевами — турками.

Огромная заслуга в овладении Причерноморьем и Тавридой (Крымом) принадлежит фавориту русской императрицы Екатерины II, военному министру Григорию Потёмкину, получившему титул светлейшего князя Потёмкина — Таврического. Благодаря его полководческому таланту 8 апреля 1783 года правительство Екатерины II включило Крым (Тавриду) в состав России. В нём сразу же начали строить крепости, в том числе Севастополь — базу русского Черноморского флота. Давний враг Руси, очаг постоянной опасности, грабительских набегов, в том числе на Орёл и Болхов — родину моего дедушки, о том он написал в своём очерке «Летопись Орла», Крымский полуостров превратился в опорный пункт России на Чёрном море.

Огромная роль в том принадлежит также и еще двум русским военным гениям: генералиссимусу, графу Александру Суворову — Рымникскому и выдающемуся флотоводцу, адмиралу Фёдорову Ушакову.

Стремление России овладеть Черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами привели её к Крымской войне 1853-1856 годов. В ней участвовали, наряду с турками, также и англо-французская эскадра. Таким образом, английская королева Вик-

тория и француз Луи Бонапарт, провозгласивший себя Наполеоном III (он принадлежал к родственникам Наполеона!) объявили нам войну и в течение трех лет их войска ожесточенно бомбардировали город-крепость Севастополь.

Неувядаемой славой подлинных патриотов — героев покрыли себя в сражении за судьбу «знаменитого города» русские адмиралы: В. А. Корнилов, П. С. Нахимов (его именем назывались в СССР морские — «Нахимовские училища»), В. И. Истомин, а также военные инженеры — строители укреплений, во главе с Э. И. Тотлебенom..

О 349 — дневной обороне Севастополя, о сражениях за овладение Малаховым курганом, о подвигах рядовых солдат и офицеров, а также о мужестве врачей во главе со знаменитым хирургом Н. И. Пироговым написано множество книг и воспоминаний, в том числе и известные очерки участника обороны, командира батареи, графа Льва Толстого.

В годы Великой Отечественной войны Крымский фронт был фактически разгромлен. Это серьезно осложнило обстановку в

Севастополе. После 250 дней легендарной обороны город был оставлен. Это произошло в 1942, но уже в 1944 Севастополь и весь Крым вновь были освобождены от немецких войск. За героизм и мужество в борьбе с фашистскими захватчиками Севастополю было присвоено высокое звание: «Город — герой!».

В 50-е годы по инициативе Н. С. Хрущева Крымская область была изъята из состава РСФСР и передана в ведение Украины. Вот почему Севастополь после распада СССР в 1991 году из города «русской славы» превратился в провинцию Малороссии. А знамени-

тая Севастопольская база Военно-морского Флота стала совместным достоянием России и Украины.

Такова вкратце история славного города Севастополь, в котором я волей моих дорогих родителей оказалась в первой половине сентября 2011 года. Здесь я увидела воочию главную Черноморскую базу страны. В морских бухтах с названием — Южная, Карантинная и Казачья было пришвартовано много наших боевых кораблей. Я долго любовалась их мачтами и флагами.

В первый же день визита на море мы подыскали себе уютное жилье — квартиру, расположенное в бронзово-сосновой роще.

Я и папа

Пятого сентября посетили Учкueвский пляж. Песок его был мягким и рассыпчато — теплым, совсем не похож на мелкую, но жесткую гальку, что я видела и ощущала ранее, в Феодосии. И вода в море казалась более чистой и спокойной.

Вспомнила невольно рассказ дедушки Петра о том, как они с бабушкой Валей и моей будущей мамой Ириной Петровной, отдыхали здесь в далеком 1974 году. Если мне уже 13 лет, то мама моя была тогда всего лишь пятилетней девочкой. Но им повезло. Они целую неделю занимали место на пляже рядом с семьей народного артиста СССР Иосифа Кобзона;

его белокурою женой Нелли и их двухгодовалую дочкою. Когда вижу их по телевизору, то весело смеюсь, радуюсь, что не только они, знаменитости, но и я совсем неизвестная, купалась в том же море и загорала на том же Учкueвском пляже.

Но не только там, нам так же посчастливилось поплавать в Севастопольской бухте на настоящем красивом катере. Во время экскурсии я с большим интересом слушала рассказы о Севастополе и рассматривала боевые корабли и легендарные укрепления — бастионы.

Мы посетили два музея: Военно-Морской и Херсонес-Таврический. В первом из них я увидела модели различных, искусно

Мама

изготовленных кораблей, военную форму моряков, боевые знамена и трофейное оружие. Было понятно, что в нем была отражена героическая история Черноморского Флота.

Музей «Херсонес — Таврический» — это не что иное, как бль о древнем городе греков-эллинов, ведь Грецию ранее именовали — Элладой. Он был основан еще в пятом веке до нашей эры, а в средние века прекратил своё существование. От него остались только руины, да еще: Туманный колокол, Агора, Глиняная улица. Расположенный здесь, в Херсонесе, Владимирский православный собор был окончательно достроен уже в 1894 году. В целом, град эллинов произвел на меня благоприятное впечатление.

Исторический центр Севастополя — площадь адмирала Нахимова, где ему установлен памятник. Напротив — мемориальная стена в честь героической обороны Севастополя в 1941-42 гг. Одним из его символов является и Графская пристань.

Приморский бульвар — это любимое место отдыха горожан. В десяти метрах от набережной находится еще один грустно-трагичный символ города — памятник «Затопленным кораблям». Он установлен на искусственном

Дед, бабушка и мама, 1970-е годы

Я и мама

каменном островке. По левую сторону от него располагается чудесный Аквариум. Еще бы! Ведь в нем представлена флора и фауна не только Черного, но Средиземного и Красного морей, а также Тихого, Индийского и Атлантического океанов. В общем, есть чему радоваться и удивляться!

Мама и папа

Берёт за душу и знаменитый Малахов — курган. Это не что иное, как ключевая позиция обороны героев — севастопольцев в годы Крымской войны. На высокой вершине кургана сохранилась каменная башня.

В целом, мой с родителями визит на море в знаменитый русский город Севастополь — подлинная сказка. Волшебная и поучительная. И очень полезная. Ведь я поправилась и загорела, вдоволь накупалась в море, а в местных кафе попробовала на вкус новые, в том числе и рыбные блюда.

Отныне мои подружки уже не станут удивлять меня вопросом: «Назови город, в названии которого сочетаются имена — одного мальчика и ста девочек?». Теперь понятно: Сева — это мальчик и сто Поль (Полин) — это и есть Севастополь, отныне ставший моим одним из любимых курортных городов Черноморского побережья. Мне было очень грустно покидать его, но твердо верю, что я еще вернусь в ставший мне родным и близким — мой Севастополь.

Сентябрь 2011 — январь 2012 гг.

Содержание

Не будь у жизни на краю	3
Мир природы.	7
Охотничья страсть	13
О доброте и минах	19
Грибной дух	24
Блуд	26
Бастыевские грузди	29
Контрасты спасского	32
Радость жизни	37
Калиновские боровики	41
Рыбалка на дону	44
Африканец	54
Причуды юрьевского пруда	65
Спекулянты на милосердии	70
Ротозей	70
Синдром «мули»	71
Лукавые сестрицы	72
Хлеб для бэма	75
Антисусанин	78
Директор леса	83
Следопыт	86
Гостомля	88
Бог есть!	92
Жареный червяк	95
Платформа — 53 км	98
Шаховская колония	101
Яблоки на снегу	103
Селигерские зори	105
Кудиново	124
Шестого июня	132
Шаховский «гость»	139
Алтунины из мелового	141
Торкуновка	146
Корзина	148

Преображение	149
Знойный июнь	153
Трава по пояс...	157
«Серая» пара	160
Красниково	164
Подкидыши	170
Бирюк	175
Попутчики	180
Диггеры	187
Сезон — 2011	190
Ушаков	191
Костыль	194
Рыбница — кормилица	196
На Дону со Шмелёвым	203
1. Юбилей.	204
2. Были сборы недолги....	207
3. Путь-дорога	208
4. Борисовы	209
5. На даче Бовдурца.	211
6. ДГПБ	216
7. Библиотека ЮФУ.	218
8. Русский богатырь Морозов	219
9. Доктор Жижин	221
10. Дергунов — друг Дубоноса	226
11. Опасный рейс	228
12. Багаевская	230
13. Семикаракоры.	232
14. Рыбалка в день именин	234
15. Презентация.	238
16. Вёшки	243
17. Станица Еланская	255
Память	256
Еланский мемориал	257
Музей — как просветительский центр	258
Казачество и экстремизм	265

Наши впечатления	268
17. Возвращение.	270
Сказы (С. Шмелёв)	274
Медаль — по заслугам	275
Приём в казаки	276
Национальная идея.	277
Люди и звери	278
Мой Севастополь (А. Корнеева-Козина)	281

Страница автора в сети Интернет:
<http://www.zeninasvet.ru/avtor/kozin>

Козин Пётр Дмитриевич
ЗАПИСКИ ГРИБНИКА
И РЫБОЛОВА

Технический редактор *Д. Ю. Зенин*
Обложка *А. В. Лебёдкин*
Корректор *И. П. Корнеева (Козина)*

Подписано в печать 30.12.2010 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризография.
Усл. печ. л. 18,25. Тираж 100 экз.

Издатель Светлана Зенина
302001 г. Орёл, ул. Черкасская, 36-168.
Тел./факс: (4862) 75-27-46
book@zeninasvet.ru
www.zeninasvet.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26.

Орёл, 2012